

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2016

© Copyright 2016 by authors.
All rights reserved. No part of this book may
be reproduced or transmitted in any form or
by any means without permission in writing from
the authors.

ISBN 978-0-9946108-0-5

Design and Art work:

Graphics:

Julia Leontyeva

Paintings from:

Julia Leontyeva,

Sergey Slepudin,

Artphoto:

Emmanouil Droukman

Cover design:

Julia Leontyeva

Zalman Shmeylin

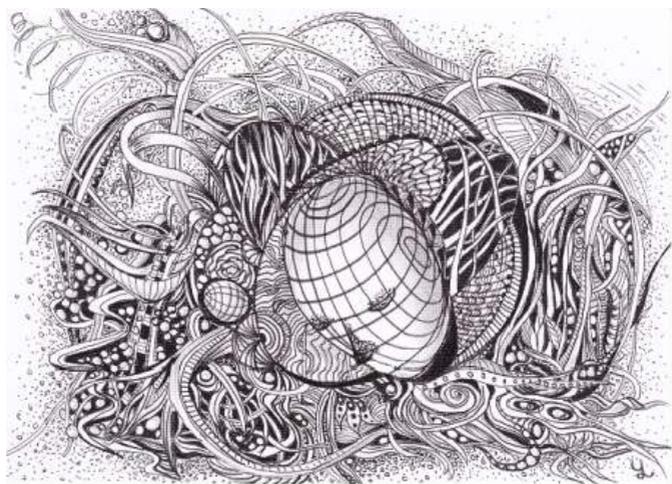
**Literary Creative Association
“LUKOMORIE” Inc**

Printed in Australia

Melbourne

2016

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

ГРИГОРИЙ АМБУРГ

Родился и вырос в совдепии... в Узбекистане. Образование мое – экономическое. В 1990 году эмигрировал в Израиль. В 2009 – переехал в Австралию. Страстный поклонник авторской песни. Потому и сам

написал более ста стихотворений (песен) и рассказов.

Реплика

Кризис слова, дела, понимания
Не вчера пробрался в сей "чертог"–
Аттрибут процесса увядания,
Самопоглощения залог.

Треск стоит, возок к закату катится,
Мысли, ощущения - вразброд.
Дней запал впустую только тратится.
Маслом вниз улёгся бутерброд.

Всё не в прок, пустые разъяснения
Не помогут, разум веселя.
По причине волеизъявления
Этот мир очистить от себя

Мессия

Мой народ Мессию ждет, на него надеется:
"Как до нас он снизойдет, все и переменится"
Мой народ Мессию ждет, говорит: "Как явится,
Сразу все произойдет, сразу все поправится"

Мой народ поклоны бьет, что-то здесь не клеится.
Ну чего ж он не идет? Может, просто ленится?
Ты приблизься, освети душу нашу мрачную!
Расскажи: Как перейти на тропу удачную?

Где же светлый лик посла, поступь шага смелого,
Может ищет он осла, непременно белого?
Ты приди, поправь дела и верни нас к разуму,
Мы найдем тебе осла – тут гуляют разные...

Может одр копыта сбил, уши солнцем палены,
Иль Мессия позабыл, где мы все оставлены?
Может, скачет день и ночь, да ослабла сбруя?
Может... Стоп! Улыбки прочь! Больше не рифмую!

Забавный случай

Поезд, рельсы, долгий путь.
Вечер – зимний, серый...
А в купе болтает – жуть!
Рядом – офицеры.
С нижней полки капитан
Тычет носом в стенку, –
Он надрался в дребодан
И упился в стельку.

Открываю я глаза
В темноте тревожной,
Мне проспать никак нельзя
И проснуться сложно.
Вдруг: услышал, или нет? –
Застучали дверью.
Может вышел кто-то? Бред...
Хорошо проверил.
От непрошенных гостей
Изнутри закрылся
И укрылся потеплей,
В дрему провалился.
Так проходит три часа,
Мне пора на выход.
В коридоре – кто в трусах
Так моржует лихо?
А... так это он стучал
Ночью. Не иначе!

Как же я его проспал?
Просчитался, значит!
Он дрожит, совсем не пьян,
Холод в пользу, видно
Ах, простите, капитан,
Мне и вправду стыдно!

Из подмеченного

Живет она в руках, являясь достояньем.
Её не мучит страх и не влекут желанья.
ОтрОду не манИт зазывный глас из дАли.
Похоже, не вредит, что пёрышки опали.

А жизнь берет своё: страничку за страничкой.
Всё стало для неё одной большой привычкой.
Уютно и легко ей в кажущейся неге.
А где-то, далеко, седой журавль в небе...

Не такое

Н е т а к о е какое-то всё, н е т а к о е!
Да не катит совсем почему-то другое!
Разве сможет другое т а к и м обернуться?
Как узнать? Как потом в н е т а к о е вернуться?
Чтоб порочить и хаять и критиковать.
И ходить за т а к о е голосовать.
Торжествует над миром зеленая тина... .
Н е т а к о е с т а к и м не связать воедино!

Навеяно классикой

Дождь струится, землю моет.
Зарядил он не шутя!
Всех подряд водою кроет.
Ну а все-то,— не хотят!

Укрываются как могут:
Кто под крышей, кто с зонтом.

Иногда забьют тревогу
И сбиваются гуртом.

Уповают на везенье:
– Вдруг спохватятся, найдут!
И наступит избавленье
От тяжелых, мокрых пут!

Дождь стучит прямой наводкой.
Мы же силы рвем вотще.
Ждем: а вдруг прибудет лодка?
И прибудет ли вообще?

Безглагольное

Туманы, зимы, вёсны:
Всё безупречно сносно.
Мечтанья о возвышенном,
Внезапный чувств обвал.
Ошибок осознание,
Борьба за выживание
И точность попадания
На чужеземный бал.

Сомнения, блуждания,
Отличное питание,
С комфортом проживание
В тени и под зонтом.
Пошире диогеновой
Есть бочка современная.
Условия отменные,
Изъяны нипочём..

Боюсь

Сегодняшним сэндвичем сытые,
Прошедшим довольные днём,
Привычную ложью умытые –
Как будто неплохо живём!

Чего ж нам напрасно печалиться,
Морщины копить на лице?
Пусть где-то чего-то случается,
Мы знаем, что всё устаканится,
Всё будет нормально... В конце.

Решения примут правители,
Которых избрала толпа.
К толпе под колпак не хотите ли?
Давно существует колпак.

Пускай никогда не докатится
До нас эта злая волна!
За глупость – другие расплатятся.
Боюсь, вместе с нами. Сполна!

АЛЕНА БАБАНСКАЯ

Родилась под Москвой, в Кашире, стихи писала с третьего класса, избрала профессию филолога, но после окончания университета отошла от поэзии на двенадцать лет. Вновь начала писать стихи в 2003 году. Издала три книги. Живет в Москве с сыном и кошкой Пушоней, работает в банковском журнале.

Никогда не была в Америке, но, наделенная, как и каждый большой поэт, способностью видеть нефизическим зрением, поняла суть этого города лучше многих, проживших в Чикаго всю жизнь

БЛЮДЕЧКО

(МОЛИТВА)

Слепи меня из теплой глины,
Оттенка меда и кармина.
Вдохни в меня простор долины.
Несытый взор вложи совиный,
Как острый меч влагают в ножны.
Ты знаешь, мы с тобой похожи...
Раскинь мне небосвод под кожей,
Свяжи с водою пуповиной.

Растут кристаллы, тают льдины,
Ползет в пустыне царь змеиный,
Пылает куст неопалимый,
Но нет ни света, ни покоя.
Когда же я вернусь с повинной,
Пройдя сквозь зеркало сухое,
Дай смерть мне легкою рукою,
Как в детстве блюдечко с малиной.

ТРУДНО

Как трудно душу обнажать,
Так на полотнах Гойи – Маха,
Объята трепетом и страхом,
От взоров хочет убежать.

Ее спокойствие – вранье.
Она, как бабочка распята.
Мелькают радужные пятна,
Но прямо в сердце острие
Чужого пристального взгляда.

Меня ты лучше не приметь.
Пусть буду я одна из сотен
Свободных бабочек в полете,
Которых ловит только смерть.

ВОЗДУХ

Природа смеется, забвением лечит,
колдует над сутью моей человечьей.
Играет на флейте моей пустотелой,
а я – не хотела...

Зачем мне твердили, что жить – не смертельно?
В отдельной квартире, с тоскою отдельной,
жемчужины дней рассыпая без толку
по серому шелку.

Опять эти губы с их теплым касаньем,
зачем мою флейту спасать в наказанье?
Опять этот воздух, прозрачный и чистый,
без всякого смысла...

Опять понимаю, что жизнь - это выдох.
Распавшись на звуки, на множество видов,
корою, листвою, чешуей обрстая –
без меры, без края...

В излуцинах бреда, в провалах, пустотах,
рождаются смыслы, как новые ноты.
Так жизнь созревает, бездумно и смело
в излуцине тела.

Песчинкой ничтожной, безгласной, незрячей,
совсем позабывшей про космос бродячий,

в растрепанных чувствах, как в сене иголка.
Но смерть-богомолка

тайком ухватила костью рукою,
поскольку с рождения метит в живое
и мину взвела с часовым механизмом.
Теря харизму,

любовь не спасает. Порою полночной
глютаю забвения воздух проточный.
Я спорить со всеми, и жить по уставу
смертельно устала...

а я не хотела
по серому шелку
без всякого смысла

без цели, без края
в излучине тела
но смерть-богомолка
теряя харизму
смертельно устала

КОХЕ

*«Синдром навязчивых состояний:
вы не можете пройти мимо кошки, не погладив ее».*
*«Острый галлюцинаторный психоз:
вы говорите с несуществующей кошкой».*

Не могу не гладить коху,
коль она проходит мимо.
Может, этой кохе плохо,
Даже, если коха – мнима?
Как не гладить кошки пестрой,
Не давать белковой пищи?
Мы ведь с нею точно – сестры,
Обе глупы, обе нищи,
От ничтожной ласки млея,
верим слову, верим в сказку.

привяжу ей бант на шею,
а себе прилажу каску.

РЕТРОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ

Сер небосклон,
мокрую вздыбил холку.
А Симеон,
ну щебетать и щелкать
грудь раздувать,
лить золотые трели.
Что синева,
если ее не спели?
Скрипнет перо,
Вздогнет рука над ятем.
пишешь хитро,
коли умен и знатен.
Счастье ль, беда
или разверзлись хляби –
поступь тверда
трудных твоих силлабик.
Что Вертоград –
мир неказист и скучен.
Царственных чад
русским глаголом мучим.
Взялся – не плачь,
но ничего о личном.
Тертый калач,
свитый ключом скрипичным.

ИЕРОНИМ

Ну, здравствуй, Босх Иероним,
Кого сегодня полоним?
Поймаем осень за грудки,
За паровозные гудки.
Ее избыточный колор
И стадо красное коров,
Солому желтую в валках,
Синицу мертвую в руках,

Лесную царственную лень
В короне солнца набекрень.
Ну, здравствуй, Босх Иероним,
Кого сегодня поманим?
Кухарку в фартуке до пят,
Торговок, грузчиков, солдат,
Мальцов, играющих в лапту?
Я, завтра, может, к ним уйду,
В пейзаж, исполненный холмов,
Блестящих шпилей и домов,
Где слышится за десять верст
Как дождь слепой идет на холст.
Где сводит медленно с ума
И светотень. И полутьма.

ГОН

И мнится тебе, что победа близка,
Знамена все выше.
Но знаешь ли ты, как дерутся войска
Цветущие вишен?
Идет в наступленье разбуженный сок
И полнится лоно
Невидимой силой (в положенный срок)
Весеннего гона?
Крушенье империй ему нипочем,
Уловки стратега.
И машет призывно в ответ кумачом
влюбленное эго.

НЕРОВНЫЙ ЧАС

Не подходи, неровен час,
Не в нашей власти.
Он как с войны боеприпас
Рванет и здрасте,
Лесную выдирая шерсть,
Пугая белок...
Во мне осколочных не счесть
Секунд и стрелок.
Везде, где тонко – выйдет пшик,

Порвется строчка.
Лишь только «так», и только «тик»,
«Тик-так». И точка.

РУНО

Давно ль? не припомню –
Не сладко от вкуса халвы,
Квадратные корни
Из круглой растут головы,
Вплетаются в тучи,
(Куда им прикажете лезть?)
В таинственный случай,
В небес многотонную жесть.
И тянут оттуда
(Ведь корни повинны тянуть)
Не внешнее чудо –
А зимнюю жгучую муть.
Не спишь без причины,
Но лжешь без вины и стыда,
А небо с овчину –
Руно из кромешного льда.

ПОКОЙ

Какое мне дело до рощ и купав,
Когда я, в бездонное небо упав,
Напьюсь леденящей водицы,
Чтоб сроду уже не родиться?

Я там обрету свой дежурный покой,
Там врач исцеляет нетленной рукой.
Там бегают черт по палате.
В халате, в халате, халате.

Таблетка забвенья, а может быть, пять,
Прокрутиться жизнь кинолентою вспять
Там в Лету приходят тихо.
Иль что там, на небе, для психов?

Таблетка забвенья, а может быть, пять,
Забудусь, и можешь меня ты не звать.
Какое мне дело до тэбэ?
На небе, на небе, на небе...

ПИСЬМО ИЗ ЛУКОМОРЬЯ

Тут у нас то ненастье, то ведро,
Скороходы шагают нетвердо,
Лилипуты, одетые в кеды
Сочиняют славянские веды,
Прорицают коты на латыни,
Их при жизни считают святыми,
Что находит поддержку в народе,
Не в пример новостям и погоде.
Тут у нас то понос, то непруха.
Вьется Жаля, лесная старуха,
Великаны, одетые в гетры,
Разоряют богатые недра
Чародеи червонною чаркой
Лечат чрево ни шатко, ни валко.
А зарю непонятого цвета
Луч пронзает то гамма, то бета.
Но у нас хорошо, как ни странно.
Год смеется уже Несмеяна,
Может, съела какую поганку,
Все танцует и крутит шарманку.
Дождь в четверг, по субботам торговля,
Скоморох с костяною ногою
Плотоядно смеется со всеми,
Пожиная ненужное время...

АЛЕКСЕЙ БОРЫЧЕВ

*Кандидат технических наук,
Финалист и Лауреат ряда литературных конкурсов
России. Награждён литературной медалью "А. С.
Грибоедов".*

*Публикации: "Юность", "Нева", "Смена", "Аврора",
"Наш современник", "Новая Немига литературная"
(Беларусь), "Интеллигент", "Новый Свет",*

*"Лексикон", "45 Параллель" и др. Автор девяти книг стихотворений.
Финалист международного конкурса "Эмигрантская лира", 2013 г.,*

Апрельский трубач

Распахнуты окна. Апрельский трубач,
Сыграй нам берёзовый вечер,
Пока не ворвался полночный палач,
Печалью мой мир изувечив.

Пока не забился в агонии звук,
Сражённый ночной тишиною.
Сыграй, мой свидетель скорбей и разлук,
Ну что-нибудь звонко лесное.

Сыграй, как смеётся, лепечет ручей,
Как солнечный день утасает,
Как время поёт у весны на плече
Оранжевыми голосами.

Сыграй рыжеватый апрельский снежок
И ржавое солнце заката,
Чтоб стало небесно, чтоб стало свежо,
Как было, как было когда-то.

Когда лиловатые тени скрестив,
Две тёплые тихие тени,
Просторы играли такой же мотив,
Далёкий, забытый, весенний!

Я слышу – играешь!.. Играй, дорогой!
Спеши, потому что осталось

До ночи холодной, до ночи густой
Такая ничтожная малость!

И был этот день...

И был этот день... и земля... и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По тёмным бокалам и глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней кисельно текущей сурьме,
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял...

Облако северных дней

Февраль – это облако северных дней.
Бегут розоватые кони
По снегу, по небу, и нет их смелей
В слепой безрассудной погоне.
Куда их несёт?.. Польшают огни
За ними – огни голубые.
Из облака сыплются снежные дни,
Как будто цветы золотые.
Как ярок их блеск и оттенки тонки!

Какие в них томные звуки!
Из них и сплетает бессмертье венки
На голову русой разлуки.
В неброской печали сияют леса,
Как блики свечей на иконе.
Блестит ожидания марта слеза
На белой февральской ладони...
А кони бегут, всё бегут и бегут –
К полудням, к рассветам, к закатам,
И слышно на льдистом февральском снегу
Копыт неземное стаккато.

Ночной романс

Срывая тихо пуговицы звёзд
С небесного изношенного платья,
Разделась ночь. Восток красив, но прост,
Раскинул перед ней свои объятия
И целовал смелеющим лучом,
Восторженно, легко и виновато,
И била страсть из тьмы седым ключом,
Как – помню – и в моей ночи когда-то...

Тебя я помню, лунная моя!
И слезы... и лианы грёз лучистых...
Кому в пределах злого бытия
Теперь мерцаешь чёрным обелиском?
Я помню, как пульсировал апрель!
Как май сгорал в лучах твоих неярких!
Ты где?.. Ты где?.. Молчит твоя свирель.
Лишь память шлёт дешёвые подарки.

Но нет дороже их... Конечно, нет!
Обрывки вёсен... памятные даты...
А ночь своею страстью сжёг рассвет,
Но тьма воскреснет в похоти заката!

ЮРИЙ ВАЙСМАН

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурн.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете

«Интеллигент», в поэтическом альманахе «45 Параллель», в журналах «Новая Немига Литературная», «Крещатик» «Белый ворон», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

ОСКОЛКИ...

1.0

Всё меньше тех вещей
Среди которых – Я,
Восторг моей души,
Её отображение,
Лишь в зеркалах холодных
Отражение
Текущей оболочки бытия.

2.0

Верно Фортуны колесо,
Всё данное взимая данью,
Как Минотавр мироздания,
Сходя с полотен Пикассо.

3.0

Гореть порывами благими,
Болезнь судьбой,
Быть всеми, прочими, другими,
Самим собой.

4.0

Стекая тёплым молоком
В ночное небо, –
Мир осязаем, мир знаком
Как запах хлеба.

5.0

Забросить всё
И жить в глуши,
Где из окна видна дорога,
Где меньше нас и больше Бога,
Где так закаты хороши.

6.0

Тридцать градусов в тени
Пальмы профиль петушиный
Одинокие огни
Проезжающей машины.

7.0

Разбрелись по барахолке
Блудной матери сыны,
Унося в себе осколки
Разорвавшейся страны.

ИРИНА ВАЛЕРИНА

Мне сорок один год, живу в городе Бобруйске, Беларусь.

Литературный псевдоним – Ирина Валерина.

Являюсь автором трёх стихотворных сборников.

Также есть ряд журнальных публикаций:

литературно-художественный журнал «Ковчег»,

журнал для семейного чтения «День и ночь»,

антология «45: параллельная реальность», антология

«45: русской рифмы победный калибр»,

литературный альманах «Слова, слова, слова», «Рижский альманах».

Про дауна и бога

Аллилуйя, люди, свершилось, вознесите к небу хвалу,
ломайте тонкие пальцы за зиму настывшей вербе,
накрывайте столы, шинкуйте к селёдке горячий лук –
Ваня-даун проснулся рано и бога увидел первым.

Тот шёл, опустив голову, но горел золотистый нимб
(Ваню любила бабушка и часто читала книжки),
и Ваня всё сразу понял и очень хотел за ним,
но не пустило тело, к тридцати обрюзгшее слишком.
Да и окно с решёткой (пятый, поди, этаж)
он не открыл, понятно, только ладонь поранил.

Мир ничего не видел – где значим объём продаж,
не пробудиться страху, не прозвучать осанне.
Бог уходил всё дальше, плакал навзрыд дебил,
трясся, сморкаясь трубно в мятый подол рубашки.
Он же как мог, так верил, он же за всех просил:
маме – конфет и платье, пчёлам – цветущей кашки.

День наступал, как гунны; жарила плоть плита,
плыл по квартире запах: спонсоры, пицца, милость.
Ваня смотрел в окошко и бормотал:
«Бо-бо-о-х...», а старая мама чадца тихо, привычно злилась:
– Горе моё, ну что ты, где у тебя болит,
хоть бы тебя прибрали к стае господней птицей...
...Шёл над землёй и слушал эхо таких обид,

что и хотел бы – света, но понимал – лучиться
поздно, пускай скорее кончится гиблый век.
Миг – и помчатся кони Судного дня.

...Но чем
так зацепил тот сырой, маленький человек,
что до сих пор он полон им и преступно нем?
Время открыться Слову, время звучать трубе,
время камням летящим серу нести и пламя.
Время!

Но шепчет голос, даже начав слабеть,
что-то о пчёлах, кошках и престарелой маме.

Истинное

Немного, что истинно – твоё,
но этого немного довольно,
чтоб свет был светом...

Тонкое литьё ограды парка,
запах влажной хвои,
дорожки, занесённые песком,
и жёлуди, набрякшие томленьем;
кот, дышащий пушистым животом;
скамеечные волглые колени;
прописанные бледно облака,
прозрачный холодок седьмого неба;
и четвертинка мятого листка,
и буквами удержанная небыль;
и «сад камней»,
и бледно-жёлтый мох,
и вечер, наливающийся синью;
и сын, в глазах которого ты – бог,
верней, богиня.

Набело

То ли кризис среднего всеми лапами
наступил на маленькую меня,

посчитав огрызком особо лакомым,
то ли это время пришло менять
дашь на дашь по курсу большой усталости, –
но прижал к земле атмосферный столб.

По утрам зеркалится взгляд безжалостный
и встает ошую двугорбый долг.
«Запасайся, – шепчет, – водой терпения,
впереди нелёгкие времена».
Одесную – пусто. Кокетство с теменью
может даже ангела dokonать.

Но, надев пальто, нацепив улыбку,
принимаю правила общежи...
Житие моё, как обычно, зыбко,
пролетаю цели и этажи.

И летит мне вслед остроклювой птицей
тень от авторучки/пера/стило,
чтобы сделать буквой, вживить в страницу:
навсегда, бестрепетно, набело.

Если

Если долго стоять у могилы брата,
то с гранита тусклого сходят даты,
и портрет, давно не хранящий сути,
обретает едкий характер ртути –
вот черты плывут с дождевой водою,
обнажая главное.

Подо мною –
как черта, что держит метаний сумму –
глинозёмный слой, благодатный гумус,
где лежат без жизни сухие зёрна.

Можно верить в то, что от века спорно:
в беспримерный суд, в воскресенье плоти,
но меня сомнение вновь приводит
на сыпучий край безразличной ямы.

На ладонях почвы – бугры да шрамы,
что таят эпохи ещё до homo.

Среди них и горе моё фантомно,
и сама я – тень.

Да простится тени,
что ведут не к свету её ступени.

День ещё один не пройден, так прожит.

Вязнет в глине мысль, и сегодня ноша
тяжела, как тёмное время суток,
но люблю без веры, вразрез рассудку,
и держусь за память, за тень возврата,
за пригоршню праха с могилы брата.

Наедине

В доме твоём последнем выросла земляника,
птицы вернулись в гнёзда, лес перешёл овраг.
Май наступает – впрочем, в мире ином, где мигом
можно считать столетье, я попаду впросак,
а потому, родной мой, будем не о погоде,
да и совсем не будем, вышли в расход слова.

Кто ты сейчас, в каком ты сочном зелёном всходе:
хрупкий тюльпан, пионы, яростная трава?

Ветер сегодня ласков, неба сегодня много,
и с высоты бездонной мир муравьиный мил,
и потому не видно, Гог ли ведёт магогов
или магоги сами в пыль обращают мир.

Я посижу недолго, ты не успеешь вспомнить,
кто я, зачем, откуда, кем назвалась тебе.

...Время течёт медово, нежится семя в комьях.
Ангел играет вечность на золотой трубе...

Под циклоном

У кого-то щи пустые, у кого-то жемчуг мелкий.
Рассыпается над миром манна снежной пеленой.
Тьма заваривает кашу, скоро выложит в тарелку
перегруженных проспектов заметённый город мой.

Капюшоном чёрной шубки шум условно ограничен,
но бытующая данность пробивается извне –
и гудят, гудят машины, и кричат чужие лица,
напряжённо возгоняя в мат перебродивший гнев.

Я прощаю и прощаюсь, мне привычно растворяться
не в тумане, так в раздумьях. Мне не страшно уходить
по-английски, по-эльфийски, безвозвратно, поабзацно –
у меня прошита в генах глупой Ариадны нить.

Люди тёмных остановок бьются истоиво и яро,
оставляя на ступеньках перья, пуговицы, шерсть,
и вопит Харон-кондуктор ртом иссохшим, ярко-алым,
что салон – не из резины и оставшимся – не сесть!

Плыть им, плыть по снежной каше мимо острых шпилей рая,
мимо башен мидл-класса, мимо адовых лачуг
до исхода этой калыпы. Там, глядишь, придёт другая –
а потом сровняет складки вероятностный уютю.

Но пока случится это, я успею попрощаться,
и проститься, и растаять, и опять себя найти
в бесконечном лабиринте с нитью, сжатой в тонких пальцах, –
чтобы стать ступенью первой на тесевом пути.

Повелитель ос

Ворожейник из царства погибшего Оз-з-з,
дел мирских отойдя, выпасал диких ос –
пчелы мёрли, не приживались.
Да и осы не то чтоб особо велись,

но гудением мерным бодряжили жизнь,
облетая набухшую завязь.

А зимой, когда в сон уходили стада,
и над малым гнездом снежно пела беда,
и весь мир становился бумагой,
маг, укутавшись в шарф, выходил на крыльцо,
матерился тоскливо, теряя лицо,
ощущая вступленье в имаго.

Оболочки трещали, сминался покров,
пузырилась, темнея, холодная кровь,
расправлялись прозрачные пары –
и, жужжа на басах, он вставал на крыло,
и летел сквозь метель, в страх вгоняя село
и в дурдом – бугая-санитара,
что надумал курить, выйдя в древнюю тьму,
да обрел только ужас в похмельном дыму
и почётную койку в палате.

Ос, оставив огромный фасеточный глаз,
прозревал белый мир вдоль заснеженных трасс,
и в нём билась, как плащ – на Пилате,
первозданная мысль, и алел чистый гнев,
и под взмахами крыльев менялся рельеф,
и звенело начальное слово.

...Но смыкала мандибулы жорная смерть,
но паук ловко правил охотничью сеть,
где сушился откушанный овод.

Снег убьёт паука. Осы ранней весной,
пробудившись, собьются в потерянный рой,
призывая назад королеву.

Ворожейник испытый рванётся сильнее,
и порвёт злую сеть, и уйдёт в мир теней,
сделав круг над заброшенным хлевом,
где, укрывшись от глаз, в сиротливом гнезде,
осы пишут скрижали на жухлом плоде,

пережившем жестокую зиму.
Тот, кто первым обрящет источенный плод,
беспольное знание вмиг обретёт.
Ну, а осам что – сраму не имуг.

ИГОРЬ ВЕЛЬГАЧ

Художник, скульптор, писатель, поэт, археолог, эзотерик. Родился в Ташкенте, жил и учился во Владикавказе и Ленинграде. Творец собственной вселенной, помнящий о своих прежних жизнях, и знающий о жизнях будущих.

Не хочу отнимать место у стихов Игоря, скажу только, что в ближайшее время в библиотеке альманаха «Слова, слова, слова» выйдет написанная и проиллюстрированная им детская книга, о которой восторженно отзываются видевшие ее в рукописи писатели и критики..

Вадим Молóдый

*Моя поэзия – вот нищенка на свалке,
И я покорно погружаюсь в прах,
Какая честь высокая быть палкой
В её руках.*

Долгое мрачное синее «у» –
в вое бездомного пса на луну,
в звуке когтей по сырому песку,
в дуле, нашептывающем виску,
в рюмке, катающейся по кругу,
в шелке, стянувшем прозрачно и туго...
Синее «у» – как тоннель-переход
к жизни, дарованной нам в обиход...
Неугомонное шлепанье ног,
скрипы и вздохи, полночный звонок,
старый поляк с нафталиновым носом
греет колени в кальсонах с начесом,
то-о-о-нкий восток из каморки еврейки
тянется струйкой кошерной брыжейки,
густо заваренный чай полуночника,
ножик, испиленный до позвоночника,
синяя скатерть с пятном от мазута –
все атрибуты ночного уюта.
Всё, что история не приняла,
всё, что смахнула концом помела,

я подберу, сохраню, не нарушу
и положу в свою жадную душу.
1987

МИКРОПЛАСТИКА

...Виноградина зорче телескопа, ибо
в телескоп вовеки не узреть,
как трепещут в замкнутом изгибе
косточки, зачерпнутые в сеть...

* * *

...Я б родился на пальмовый лист,
зеленеющим соком умытый,
ах, зачем мне подставили сито,
я бы был непросеянно чист...

* * *

...Проснулась роза у ручья
и, выдохнув пчелой,
кольнула тоненькой иглой
пузырик бытия...

* * *

...Я нахожу по следу голоса
тропинку в хижину твою.
Так по изгибу трав и колоса
я ветер в поле узнаю...

* * *

...Упав на гордые колени,
Ушами чутко поводя,
Безмолвно молятся олени
Иконе, полной от дождя...

* * *

...Ничего не хочу, кроме
Как укрыться в густой кроне

И смотреть, как мимо ладоней
Ветер ветку с плодами клонит...
1987-89

САМАРКАНД

Горстка длинно-белых
И горячих слов –
Наполняет тело
Самаркандский плов.
Пальцы азиатки
В перстнях горят,
Раскуси – и сладкий
Брызнет виноград.
Из пиалы чая –
Лаки-лаки-га –
Дым – бедром качая,
Танец живота,
По бокам поглаживая, –
Лаки-лаки-тма –
В парандже оранжевой
Спелая хурма.
Мулы и верблюды.
Вездесущий свет.
В опустевшем блюде
Виден минарет.
В облако тугое
Скручена чалма
Хитрою рукою
Хитрого ума.
И из тонкой складки
Чуть раскосых глаз
Нож – кривой и гладкий –
Вылетает в вас.
1988

* * *

Не оттого ль себе я тошен,
Не оттого ль бессильна речь,

Что я колол, забыв из ножен
Свой меч отточенный извлечь.

Не оттого ли стал поэтом,
Что всё срифмовано кругом,
И всё, что есть на свете этом,
Желает рифмы на другом.

Не для того ль строка вторая
Сжигает первую дотла,
Чтоб строчка первая, сгорая,
Собой вторую не сожгла.

Не для того ль прием радушный
Приблудшей мысли строю я,
Что вслед за гостьей в полог душный
Вольется воздуха струя.

Не оттого ль слова дряхлеют,
Едва родившись – старики,
Что соблазнительно белеет
Челнок Харона у реки.

Не оттого ли холодею,
В объятьях скованный, как раб,
Что не разнимет Галатея
Из камня вытесанных лап.

Не для того ль за рюмкой стройной
Завис поникшей головой,
Чтоб в час полуденный и знойный
Быть на суку, но над толпой.
1989

* * *

В свете лампы, нависшей, как цапля,
В звуке лопнувшей тетивы

Твоя грудь – две ползущие капли
От горячей моей головы.

* * *

Мой милый нежный друг,
Мой сон и пробужденье,
Не в том ли наслажденье,
Чтоб всё менялось вдруг?
И снова вписан в круг
Любовный треугольник,
И я опять невольник
Меня обвинивших рук.
1986

ЛЕНИНГРАД

...Буду я покручивать львиные хвосты,
буду я покачивать шаткие мосты,
снова я увижу, как афганская борзая
тянется от Невского до проспекта Мая.
Снова я разрушу Бельведеры торта,
и напьюсь мадеры с дружеской когортой,
и заврюсь, конечно, сам не замечая,
истинный поборник пряника и чая...
1988

* * *

Ты ищешь тему –
Брось, пустое.
Так тщится раб, уснувши стоя,
Увидеть сон о том, как спят,
Как царь, приставленный у пят,
Тревожит сумрак опухалом
Движеньем преданным и вялым.
Ты ищешь темы:
Где мы,
Кто мы?
На букву И – у нас истома,
На букву Е – у нас елей,
На букву Н – у нас налей,

И вновь, устав от вязкой дремы,
Ты вопрошаешь –
Кто мы,
Где мы?
И в благозвучьи этой темы
Не слышно, как стекает время
По длинной шее, по лопаткам,
И, с локтя капнув на лампадку,
Шипит, как рыбка на песке...
Ты веришь преданно тоске...
1989

* * *

Вот уж сутки на исходе,
как меня в любви зачали –
три четвертых части года
мне остались до печали.

Мне осталось так немного
позабить, чтоб вспомнить позже –
у последнего порога
преступить и молвить: «Боже...»
1987 Петергоф, поезд

ПЬЯНОЙ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Раскрыт, как заговор, кошель,
Но толку мало в том.
В метро луна не лезет в щель
И ни в какой проем.

На каждом дереве она
Развесила шары,
За кругом света не видна
Вся тьма ее норы.

Собакой трется между ног
Навязчивая стужа,
Квартал оглох и занемог
И запахнулся туже.

А окна вдавлены в дома,
Как гвозди в сапоги.
Эй, кто там выжил из ума,
Безумцу помоги!

1989

* * *

Твой взгляд, словно гвоздь, ржавеет в стене,
Он ищет в потемках руду.
Мне выпала честь, и велено мне
Торчать с ним в одном ряду.

Но вечность спасёт, меня извлекут
Лет тысячу-две спустя,
Свершат надо мной свой праведный суд
И сделают полгвоздя.

Нет правды – есть я, нет лжи – есть они,
Нет среднего – есть война.
Еще есть мудрец, сидящий в тени,
С пригубленной чаркой вина.

1987

ШАРЖ НА МИРОЗДАНИЕ

* * *

Вы раздеваетесь, в шкатулку
Ссыпая серпантин колец.
Так в сумрак приторный и гулкий
Сползает каплею мертвец.

* * *

– Я провожу?
– Да нет, сама...
Сошла по лестнице с ума,
Как струны тронула перила,
Толкнула дверь и озарила
Холодный кафель светом звезд.

* * *

...Две мухи в комнате снуют,
и хорошо: где мухи, там уют.
Бабулька – бульк! – и утонула в кресле,
чуть умерла – и надо же, воскресла...
Вы что это такусенькое вяжете, бабуля?
Варежку для дули?
дульки? дулицы?
Ах, пинеточки для пра-
пра-пра-пра-пра –
протарахтел грузовичок по улице,
как по лицу,
и на лице морщинки паутиной.
Всё связано канвой единой...
1987-89

* * *

В ту ночь, в ту осень золотую
в плену пространственных лекал
солдат, изысканно флиртуя,
в казармы деву увлекал.
Поэт восторженный и хрупкий
словами ловко торговал.
В яичных корчился скорлупках
разбитый целого овал.
И смысл тащился, соглядатай,
на искалеченных ногах
за каждым шорохом... Рогатый
болтался месяц на ветвях.

ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ

Родился и вырос в Ярославле. Начав играть на гитаре в 10 лет, 5 лет занимался классической музыкой. Первую песню написал в 1988 году. Впервые вышел на сцену в 1989. Образование – кулинарно-педагогическое и электротехническо-археологическое. 10 лет жил в Веллингтоне. С 2007 – в Мельбурне. В архиве автора более 170 стихов и песен. Публикации: альманахи «Крещатик», «Витражи», «Австралийская мозаика», «Воинская слава», «Поэт года», «Белый ворон». Некоторые песни вошли в сборники «Солдатской студии» В. Петряева и звучали в эфирах «Эхо Москвы» и «SBS». Трижды номинант премии «Поэт года». Призёр сетевых литконкурсов (в т.ч. Грушинского 2014 года). В разные годы записано и издано на CD 4 авторских альбома. Самый новый – «Память наших дворов» (2016). Авторский канал на You-Tube – Volgabard.

В эмиграншке

В эмиграншке я завис, видно, основательно,
Променил родной дурдом на дурдом чужой,
Где открыл десятки мест достопримечательных,
Мимо коих, проходя, трогаюсь душой –

Вот мимо этого трактира,
Как пойду, бросает в дрожь –
Тут я в бытность мойдодыром
Отмывал от диша (dish) вошь (wash),
Вот тут я клинером баграчил,
И вот фигня – не вспомню дня,
Чтобы так, или иначе
Не заклинило меня.

В эмиграншке я завис недоинсталлирован,
Если б только выпал шанс кликнуть на «restart»,
То, наверно б, прежде чем пролететь полмира, я
Разузнал бы, что почём в тех дурных местах,

Где, как скалка в тесте сдобном,
Где, как ёлка в конфетти,
Утопал я в разнородном
Эмигрантском ассорти,
Где с улыбкой от Версаче,

Скучно шаря в кошельке,
Местный люд на мне рысачил,
Как Ершов на Горбунке.

В эмигрантке я завис, чую, окончательно –
Вот уж language с языком путаю подчас,
Но при виде этих мест на уме лишь... матерный...
То ли плача вспоминать, то ли хохоча.

Как в дерюге секондхендной,
Поснимавши серебро,
Сам себя роптать на бедность
Гнал пинком в Income - бюро,
Как нашёл себе забаву –
Чёрным вороном кружа,
Рыться в свалках, на развалах,
Да на сейлах в гаражах.

В эмигрантке я завис плотно, и теперича
Езжу гидом по местам славы трудовой,
Вновь прибывшим не найти лучшего Сенкевича –
Жаль, что многим опосля хочется... домой.

Параллель историй

Накину мысленно бейсболку Мономаха,
И подпояшусь тем же мысленным мечом,
Заправлю в джинсы домотканую рубаху,
И выйду, плюнув через левое плечо,
Туда, где, с наших точек зрений, глуповато,
С акцентом жутким резиденствует народ
В стране, что лихо обособилась когда-то
Путём разлома тектонических пород.

Когда тут первая нога сошла на берег –
Молчат папирусы, но, судя по всему,
Когда наш Нестор изводил гусей на перья,
Тут только страусы орали на луну,
Пока свергали мы татар монгольских иго,
Дивясь дикости незваных супостат,
На этом острове не рылась и мотыга,
Хоть предпосылок было больше, чем до ста...

Помимо птиц на склонах местных Кракатау
В борьбе с депрессией, за сотни лет до нас,
Тут нечто жуткое двуного обитало –
Сам Чарли Дарвин напугался б с пьяных глаз.
По ходу пьесы от приезжих стало тесно...
Когда же выяснилось, кто из них неправ,
Приезжих начали готовить повсеместно
Туристским способом – на углях без приправ.

А мы - то, грешники, и не подозревали,
Кака на острове Буяне хренотень –
Мы там со всяческим ягайлом воевали,
Что вечно лезло к нам, как тень через плетень.
Когда ж, завивши бигудями наши уши,
Петруха Первый начал строить корабли,
Тут было тихо, окромя того, что в буше
Последних страусов команчи извели.

И тут на подиум стремглав выносит Кука,
Что ни с Петром, ни с головою не дружил,
Он, то ли выпимши, а то ли – с перепуга,
До страусячьих этих выселок доплыл.
Когда ж он понял, что попал, как киви в ощиц,
О чём хысторики молчали до сих пор,
Он снова запил и, ругаясь как извозчик,
Состряпал, вражина, бесовский договор.

Пергамент вынесли на подпись монтесумам,
Тем, что по-ихнему секли хужей меня,
Те пошептались, и поставили угрюмо
В порядке кворума каракуль на полях,
Согласно тексту их прогнали восвояси,
Мол, нам и на фиг конкуренты не нужны,
Вот так вот с аглицкой брехни и началась
Официальная история страны.

И вот я, русский эмигрант в краю маоров,
Живу и всячески пытаюсь совместить
И двести лет со дня Вайтанги договора,
И тыщу лет со дня крещения Руси.

Цивилизация

Случилось чудо-жизнь доклацала
До перекрёстка двух эпох,
Живу в разгар цивилизации,
Весьма застигнутый врасплох
Таким обильем электроники
И сверхнемыслимых машин,
Что просто шарики за ролики
В мой-то сорок с небольшим.

Мы научились быть богатыми,
Считаясь бедными людьми,
Наш быт завален агрегатами,
И массой всяческой фигни,
Но всё ж, какую суперплоскую
В дом не притащишь дребедень –
Проснёшься утром, лопнешь со смеху –
Оно уже – вчерашний день.

Висит компьютер, и гнетущая
Догадка мается в груди –
Неужто ж это – то грядущее,
Что нам накаркали вожди?
Чем ширше мыслю о прогрессе я,
Тем убеждаюсь глубже –
Чем дальше скачет эта бестия,
Тем жизнь становится хуже.

Наверно были б мы счастливыми,
Скача макаками в стадах,
Но пращур наш – мурло ленивое,
Создал орудие труда,
И начал шлëndать с ним по вечности,
В башку втемяшивши себе,
Что в удлинении конечностей
Есть смысл жизни на Земле.

Под покровительством бесчисленных
Перунов, Зевсов, Артемид
Нам насеклось таких немислимых
Статуй, дворцов и пирамид,
Что, севши где-нибудь в Японии

Токсикоманить кислород,
Пришелец челюсть разрулонивал,
И трапом свешивал за борт.

И вкупе с этим неприличием
(Не при Капицах говоря),
Вы гляньте, сколько нахимичено
На вечной стройке бытия:
Всё спифагорено, сокращено,
Обменделеено, и вот
Всё это где-то законтачено,
И не влезай, а то убьёт.

Уже всю греша всесилием,
Наука, надо полагать,
Свернувшись рогом изобилия,
Сама себе растит рога,
И точно Моська суетливая,
Не унимается она:
– Слона из мухи сотворила я,
Рожу же муху от слона.

И все плоды цивилизации –
Всё то, на что хватило сил,
Задоунлодили мерзавцы,и
Зазипповали на РС
Весь звук – в MP, весь текст – в Verdane, и
Весь цвет загнали в photoshop...
Осталось хакнуть обоняние –
Там будет вовсе хорошо.

Когда, мораль признав излишнею,
Весь мир засунут в микрочип,
Шаланда, полная айтишников
Водичкой в Стиксе зажурчит,
Харон взгребёт, пыхнув махорочкой,
И вмиг найдётся идиот,
Что сунет чип в микроволновочку,
И красну кнопку нажмёт.

И мне, как умственно поддатому,
Обидно станет, аж до слёз –
Делить на ноль две трети атома

Мне в жизни как-то не пришлось,
Я опоздал на все открытия,
Вот и помру, не зная, как

Добраться за день до Юпитера,
Пять раз пописав в бензобак.

Но погружаемся в экстазе мы
В кручение мышковых колёс:
Click-click, delete, и – пол Евразии –
В recycling bin - хвосту под пёс,
Сетиментальным стало общество,
Поскольку модно взаперти,
Подразделясь по веб-сообществам,
Сидеть и сетовать в Сети.

Ругая время быстротечное,
Налью три раза по полста...
Хвала судьбе – хоть что-то вечное
В текущей жизни я застал.
Вот так, друзья мои - соратники,
О чём бишь я ещё не спел?...
Hard-драйв опять накрылся ватником,
А я бекапнуть не успел.

Предчувствие ига (печатается в сокращении)

Чёрный ворон-лазутчик явился,
И холодом с юга
На дубовых церквушках
На север скосило кресты,
Промерцав до рассвета,
Луна не ушла, и над лугом
Заколдованным кругом
Комет распушило хвосты.

Всколосила сосна,
И пшеница подёрнулась хвоей,
На булате мечей
Проступила солёная кровь,
Но кругом тишина-
Только изредка с муторным воем

Вскинет бор вековой
Серой стаи лохматую бровь.

И пока ещё нет
Батогов ненавистного ига,
И над водами Калки
Не гнётся дощатый настил,
И в глаголице книг
Нет словес «нечестивый Батыга»,
И по градам и весям
Мужицких достаточно сил.

Плещет Волга искрой
Под кормой пышнопарусных стругов,
От варяга до грека
Несущих куницу и лён,
И купца с Ярославля
В степях почитают за друга,
И не тянут арканы
Босых ребятишек в полон.

Не подкуплена власть
Ярлыком беспощадного хана,
Брат на брата не в злобе,
И нож не таит в рукаве,
И не режут царевичей
Отроки царской охраны,
И не мечутся бабы
В объятой пожаром избе.

Перевил пояском взмокший лоб
Злато плавящий мастер,
Вьёт узорочья храма
Натруженных зодчих рука,
Топчет клевер долин
Статный конь сизо-дымчатой масти,
Что не знал до сих пор
Облачённого в сталь седока.

Солнце встало не там,
Лебедям разбагренило брюхо,
В устрашённой степи
Мертвецами легли ковыли,

Каменеет в ладонях
Бедняцкого хлеба краюха,
Да колодцы околиц
Отравлены кровью зари.

Вольно дышит Мушкаф,
Ладит мир новгородское вече,
Знает княжий приказ
Зоркий кречет, порхнувший с руки,
Но смолёной петлёй
Захлестнуло упругие плечи
Старика-рыболова
С низовьев Великой Реки.

За надвратного Спаса
Ещё не ложатся костями,
И под молотом в кузнях
Каляются лишь лемех и плуг,
Только полнятся думы
Дурными, худыми вестями-
Мол, идёт к порубежьям
Безбожный, языческий дух.

Больше времени нет –
Льются в бездну минуты покоя,
В буреломной глуши-
Где по вехам, а где – наугад
Пробираются люди,
Неся колкий страх за спиною
К теремам городов,
К алтарям патриарших палат.

Скоро грянет гроза,
Заскрипят по дорогам обозы,
Окружённые ратники
Встанут спиною к спине,
С горьким соком полыни
Сольются печальные слёзы
Рукотворных богов
На оставшейся чудом стене.

Минул час курултаев,
Теперь, убивая и грабя,

Понесутся лавины,
Крича "урагха" на скаку –
Ведь во чреве грядущего
Спят Пересвет и Ослябя,
И Бояном не сложено
Слов о погибшем полку.

Бьёт январская оттепель
Каплями, точно камнями,
И апрельские вьюги
Дороги в степях замели –
Там сутулые нукеры
Шьют облака бунчуками,
Там чужие копыта
Пробили покровы земли.

Под пером летописца
Изборник вскипел киноварью,
В титул новой главы
Лёг золою тот проклятый год,
Над безмерною Русью
Ветра залохматились гарью,
Как незваные вестники
Скорбных грядущих невзгод.

Но минуло грядущее,
Сулицей грянулось в ноги,
Криво сгорбило земли
Под натиском братских могил,
Став пергаментной пылью,
Забылись былые тревоги,
Не оставив на память
Ни тени, ни звука, ни зги.

Раскачались немые века
Стенобитным пороком,
На лету стрелы прошлого
Пойманы нашей рукой,
Но глядим мы на ржавчину
Юным, несведущим оком,
Как на призрачный миф
О земле бесконечно чужой.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

*Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн,
Австралия.*

*В Австралии с 1992 года. По профессии
программист. Печатался в различных
Австралийских сборниках поэзии и в Интернет-
журналах, в частности в «45-й параллели», «Белый*

*ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды
международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.*

Между мной и морем – автострада
Перейти, и мы уже на пляже.
Если перейдем, то ляжем рядом.
И в щекотных волнах рядом ляжем.

Это все мечты. Мечты пустые.
Не врученной розе сдохнуть в вазе.
Между мною и людьми – пустыня.
Да и в доме тоже не оазис.

Солнце дышит раскаленно, страстно.
К морю бы сейчас! Жара достала
Между мной и морем – автотрасса,
Шесть полос ревушего металла.

На чем успокоится сердце?
Все игры проиграны с треском.
Мне есть на кого опереться.
Вот только обняться не с кем.

Хорошесть былая и разность
В судьбе и загибах ее.
Но мной не заслужена радость
Вечернего чая вдвоем.

И что с этим делать? А нечего.
Лелею свое одичание.

И дело, конечно, не в вечере.
И дело, уж точно, не в чае.

Добиться, просить, настоять?
Да, плохо, но ведь не настолько.
Делить с кем-то то, что есть я,
Бессмысленно и жестоко.

Диагноз

Они разобрались – сложился пазл.
Вчера учёный медик объяснил,
Куда ты шел. И почему упал ты.
Зачем всю жизнь ты медлил и тупил.

Что ты живешь как льдинка под дождём.
Диагноз точен. Вирус обнаружен.
Ещё сказал, что ты таким рождён.
И если будет дальше, – будет хуже.

Всё изнутри – и рана, и ушиб,
И не готовность к скорому уходу.
И там всё меньше места для души,
Наполненной предчувствием плохого

Этюд с цитатой

Босьми стопами, все ближе к закату.
Нетвердая память подбросит цитату.
Покончив с покоем в «канаве и яме»*,
нетвердой рукою беру подаянье.
Где небо сереет и даже искусство
давно уж не греет и больше не вкусно.
Ни горькая водка, ни сладкие вина.
Нетвердой походкой уйду, где не виден.

*Цитата из Мих. Щербакова

Автопародия

«...ко мне приходит греться кошка
На плиты заднего двора»
Стихи автора из предыдущего альманаха

Это проблема – не безделка.
Я популярен до сих пор.
Ко мне приходит греться девка,
А я гоню ее на двор

Я накормил ее обедом,
А лучше бы наоборот.
Я ж говорил ей, что я беден
Ну, а она все жрет и жрет.

Полы помыла бы хотя бы,
Так нет же, спит до десяти
Ну что мне делать с этой бабой?
Уж лучше кошку завести.

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

Родилась в Риге, 19 лет живу в Мельбурне.

Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика... две рыбки.

приручить дракона

В небесах луна – молока белей,
А вода – всегда – до утра черна.
Он лежал в ленивой соленой мгле,
Повторяя всем телом изгибы дна.

Не играй, сестра, на седом песке,
У воды не трогай чудных цветов!
Голос ветра – вслушайся – в тростнике.

Он свивался в кольца и бил хвостом
По воде, светлеющей на заре.
Говоришь – улов? Посмотри – трава!
Берега бессонных небесных рек
Заливала дерзкая синева
Чешуи.

Змеятся в песке следы,
На беду качается колыбель,
Не ходи, сестра, у ночной воды...

Расцветает лотос, бессильно бел.

слово

Нет, не тюрьма. Мир – комната для немых,
Перегорели пробки – сиди впотымах.
Город наутро звонким дождем умыт,
После зимы опять наступает март.

Окна откроешь – шепот и шорох шин,
Птица поет (и куда ее занесло?),
Воздух расцвечен звуками и расшит,
Слушай! Лишь одного не услышишь – слов.

Клавиши, струны – можно любой мотив,
Или жестикулируй, пиши, читай.
Эпистолярный жанр, только выбрать стиль...
Буквы – смотри – ложатся на гладь листа,
Слово (как птица в тугом силке) задрожит,
И зазвенит – на разные голоса!

Мы перепишем по-новому нашу жизнь,
Ведь всё равно будет некому – рассказать.

человек человеку

А во сне монету выплюнуть не успеть,
(У него за спиной то ли крылья, то ли рюкзак),
И смотреть в глаза. И молчать, как тогда, в толпе -
Не узнав. Ну что тут можно еще сказать?
Вспоминать молитвы, имена и созвучья слов
Бесполезно – так воду в сите носить...нести.
Человек человеку – вечное ремесло,
Только им овладеть никому не хватило сил,
И, наверно, не хватит. С каждым годом короче дни,
Сколько лет, скажи мне, прошло – на твоей земле?
Он смеется. (Послушай – звенит золотая нить)...

На востоке небо становится всё светлей.

СЕРГЕЙ ЕРОФЕЕВСКИЙ

Родился и вырос в Ростове-на-Дону. Окончил Машиностроительный институт. Работал на заводе, затем в газете. С 2000 года живёт в Австралии, в Сиднее. Работает в разных жанрах (стихи, рассказы, пьесы). Стихи публиковались в «Новом журнале», «Крещатике», в

«Литературной газете» и многих других изданиях.

ВЕСНА – ОСЕНЬ

Весну сменила ты на осень,
И в марте листья опадают,
Как много зим никто не спросит,
Как мало лет никто не знает,
И сколько звёзд в небесной чаше
Мечты роняют в сновиденья,
Они с годами станут краше,
Но и короче, к сожаленью.

НЕУЗНАВАЕМО

Неузнаваемо переменился парк,
Где клён теряет листья-эполеты,
Под ним мы целовались невпопад,
Роняя воду с алого берета.

Неузнаваемо переменился день,
Что был вельможно-пасмурным когда-то,
Он ныне разделён на свет и тень,
Лиловый фон и жёлтые заплаты.
Неузнаваемо переменилась ты,
Семь лёгких ветров, шевеливших чёлку,
Ушли искать сожжённые мосты,
А мы остались, крутимся без толку

Ограда парка, красные цветы.

ОДА ДОЖДЮ

1

Сегодня дождь, я не пойду на бал,
Тем более никто не приглашал,
И не было в округе нашей бала
Уже сто лет, в обед, и в ужин,
Один не шёл, другой не звал,
Но хлещет дождь, и мне никто не нужен.

2

Сегодня дождь, мне не в чем выйти в свет,
И незачем, размыты свет и тени,
Кидает в дрожь стихи и куст сирени,
Мой силуэт, в окне, сквозь рябь капли,
Смакует грусть под ливня трели.

3

Сегодня дождь, не время для утех,
Расстроены корриды, карнавалы,
Пьют горькую шуты и зазывалы,
Октавой ниже – колкий женский смех,
Сманённый похотью в сивушные подвалы,
А тех, кого здесь нет
Не рвут на части мокрых древ цимбалы
И не корёжит клавишный дуэт
Дырявых крыш и водяного шквала.

Лишь я не знал, что праздник отменён,
И, как болван, танцую под дождём.

4

Сегодня дождь, такие времена,
Улыбки спрятались под чёрными зонтами,
Не до цветов, малыш, идёт война,
Вода и ветер движутся фронтами.
На нас? Не думаю, мы за стеной,
На ту берёзу, взмокшую от страха,
На иву у реки идёт волной

Гроза, и синюю рубаху
Рвёт на груди...
Такие времена,
И я тебя слепил из винных капель,
Война, малыш, слёз горьких пелена,
А я люблюсь, как ни есть – предатель.

ФАИНА ЗИЛЬП

Я родилась в Украине в один день с Анной Ахматовой (но не в Одессе, а в Виннице и, конечно, на 85 лет позже!) Винница известна своим музеем Пирогова и ставкой Гитлера поблизости. Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии с 1997 года. После окончания университета стала социальным

работником. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии. Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии" - 2014, "Арфа Давида" - 2014 и 2015, а так же "Эмигрантская лира - 2015". Без поэзии и рисования не представляю своей жизни.

Я ещё застала время
Городских оркестров в парке:
Блеск на солнце труб весёлых,
Барабанов дробных поступь!
Вряд ли память – повторенье:
Шум помех, одни помарки –
Черновик она: спасённых
В ней деталей мало поздних.

Чистовик есть – жизни бремя,
Круглость суммы без процентов;
Детский мир калейдоскопа,
Мрамор слоников в серванте...
Я ещё застала время
Пред соседями концертов,
Пластилиновых зверинцев;
Дон Кихотом звал Сервантес.

Но был Маугли главнее –
Все деревья мне покорны!
Снег цветения черешен
И фламинго яблонь дымных...
На экзаменах умнее
Я была себя, бесспорно!

Школьный круг любви безгрешен:
Удаль плясок первобытных –

Дисотеки оглушенье;
Темень улиц полуночных
Диафильмов не опасней.
Восприятие двояко:
Чтение папы, как внушенье,
Кадры сказок всех восточных:
"Веер Тэнгу" был ужасен
И страшил "Аминодзяку".

Я ещё застала время
Тех "секретиков" зарытых:
Под стеклом – цветы, рябина,
Ярких фантиков бесценность...
А друзьям себя даренье
Было чисто, словно выдох.
...Вот – родителей бобины
И пластинок старых целость.

Всё в компьютере хранится
Жадной памяти подробной,
Как в кладовке – пир варенья
(Летом – сладью банки полнить).
...Ничему не повториться?
Места нет тоске утробной:

Я ещё застала время,
О котором есть, что вспомнить...
1 ноября 2015

Плащом лежит распушенность волос:
Пока ещё не полностью промокли –
И спину защищают. Столик врос
По щиколотки в землю. Дворик – тот ли?
Я что-то забываюсь... Вот сейчас
Опомнись и опять вернись в реальность.

Устала... Отдохнуть ещё бы час –
Приму и неизбежность я за данность.

Но что-то не найду никак ключей.
От холода скукожен, съёжен дворик.
А дерево скамей – темней грачей!
Сметает листья дождь – унылый дворник.

Ведёт он водяной своей метлой –
И падают кленовые ладошки.
Рука дрожит... Ты двери – сам закрой.
Давай с тобой присядем "на дорожку",

Полегче чтобы был далёкий путь.
С тобою мы прожили вместе мало,
И памяти былое не вернуть.
Жила я – или только вспоминала?

Как дом свой покидать навечно мне?
Но было одиноко в милых стенах.
...Ах, если б не погиб ты на войне!
– То думала б – о доме престарелых?
9 апреля 1914 г; 1 января 2015 г.

От лучшего друга до чёрного списка –
Один разговор о стране.
Допросы друг друга с изысками сыска,
Остаться нельзя в стороне:
Тут личных рядов неременная чистка,
Жар речи, блеск глаз, как у пропагандиста...
На Страшном Суде мы. На дне.

Раскол, как при Никоне. Так за кого ты?
Обрыв отношений, развод.
Какие мы с вами превысили квоты,
Нырнув в глубину мёртвых вод?
А если нам и поддаются высоты,

На пушечный фарш приготовились взводы -
И точен прицел воевод;

Отточены действия их – до машинных.
Позор или, всё же, почёт?
Уснула Небесная – Сотня невинных?
Зашкалил – за тысячу – счёт!
На первый-второй рассчитайся! Взрыв на минах:
Ты сам – украинец иль русский? Единых
Здесь нет, а врагов всех – в расчёт...

Молчи, агитатор: постыл и непрошен;
Татарин от гостя устал.
Чей Крым? Да, в раю миротворец Волошин:
И белых, и красных спасал.
Ты был под прицелом охраны опрошен –
Иль сам выбирал, в идеалах дотошен?
Чтож, час их проверить настал,

Пришёл как захватчик? Ещё без предчувствий
О Нюрбергском правом суде?
Войну развязавший – на что присягнувший:
Быть родине верным? Себе?
И ужас растёт, нас давно захлестнувший:
Да сколько вам надобно жертв?!. Нет напугтствий:
Повинны мы в общей беде.

7 ноября 2014 г.

Краснеет в небе полоса,
Смущая солнце непритворно.
...У китайнок голоса
По-птичьи звонки и задорны;

Извилист песенный язык,
Высок по-девичьи, по-детски,
Как речка, к берегам привык...
Брюхата ветром занавеска.

К закату высохло бельё,
Смуглеет смутно на балконе.
Делю с соседками жильё,
Всех этажей многооконье.

И что-то празднуют они,
Захлёбываясь быстрой речью.
Инопланетному сродни,
Мне непонятно их наречье.

Их сладкий соус ловит в сеть –
И застываю, обоняя.
А им не холодно сидеть
На их балконе, выпивая.

Стекло ударилось в стекло,
И пьяный всхлип донёлся резко.
А покрывало потекло
В ладоней чашечки без всплеска;

Но скользкость шёлка весела,
И ворс шершавый полотенец
Смешлив, чуть в руки их взяла!
...Воркует голубь, как младенец,

Пугливо смотрит сверху вниз
На нас с карниза и лопочет.
Он в сумерках уже не сиз,
А чёрным вороном пророчит

И, заглушив китайский ор
На миг, взмывает в темень неба –
Доносит эхо "never more"..
Щекочет ноздри запах хлеба.

Опять томлюсь в пальто тяжёлом зимнем,
Щёку полуприкрыв воротником.

Я в очереди перед магазином
Стою – и до ступенек далеко.

На месте громко топаю ногами:
Как холодно! В карманах – пальцев лёд.
Как нота в надоевшей старой гамме,
С толпою продвигаюсь я вперёд.

А ветер, снегом весело стегая,
Не ведает, что нежен хлопьев пух.
... Там, головокружением пугая,
Обдаст утробно-тёплый хлебный дух;

Там выгружено множество буханок
(Сдержать я нетерпенье не могу),
Они легли на полки спозанок
Прогретостью камней на берегу!

... Шёл пар из рта водителя и даже
Из тёмного нутра грузовика,
Как будто хлеб – дышал, и кто докажет,
Что не было сего наверняка?

И стали продавщицы краснощёки,
С шофёром распрощавшись впопыхах...
– Мне белый и полчёрного. В расчёте:
Монетки на столе, а хлеб – в руках.

Авоську под полой поспешно пряча,
Чтоб корочка хрустела не ледком,
Домой спешу, от снега полузряче
Смотря вокруг – и город незнаком.

Не выдержав, горбушку отломила –
В блокаду так довесок лаком был...
Вдруг сердце сжалось. Тут же – отпустило,
Но мягкий хлеб Австралии – постыл.

21 августа 2014 г.

Как взлетающий ревущий самолёт,
Гром рокочет, нагнетая звук толчками,
Отдышаться и очнуться не даёт –
Так лавиной с горы несутся камни!

Будто мир сейчас обрушится, вот-вот...
Дождь клокочет и шипит клубком змеиным.
Шорох жуткой чешуи... Кипенье вод...
Лазер молний прорезает темень гимном

Свету дня: такой же яркой белизной,
Словно солнце – в самый первый день творенья!
Ливнем смоеся постылый пыльный зной;
Так смиряет ускоренье – сила тренья.

И бессильная, я вслушиваюсь, как
В небе Зевс с Ильёй-пророком негодуют.
Не заснуть от оглушительных атак!
Будто там, как на земле, война лютует.

М.П.

Я в умудрённом возрасте теперь –
В том, в коем был ты, чувство отвергая.
Твою я помню запертую дверь,
Но нынче я – как ты, уже другая:

Мне так же дорог благодный покой,
Страшат любви падения и взлёты.
О женщине ты забываешь той,
Что бросила. Такой – из-за неё ты.

Во мне – из-за тебя – подобный сбой,
Отсроченный, отложенный как будто.
Ровесники теперь мы с тем тобой,
Которого любила беспробудно.

А ты в себя любовь не допускал:
Быть страшно безоружным, сдавшись слабо
На милость. От сомнений ты устал.
Так легче: вместо дерзости – досада;

Услады вместо – застрахован быт
От вспышек: на пожаре силуэты.
Безумный мой порыв тобой забыт.
Семнадцать лет назад... Да было ль это?!
4 февраля 2015 г.

Всё – видимость, как будто шито-крыто:
Под хворостом, листвой – капкана яма.
Моральные критерии размыты,
А пошлость откровенна и всеядна.

Вот – наша современность. Нет героев:
Становится развенчиванье модой:
Развинчены конструкции устоев.
Застой. Всё затянулось – непогодой.

И гром гремит взаимных обвинений.
Народа оболваниванье длится.
Клеймится благородство частных мнений.
Толпа всеядна; маски в ней, не лица.

– Ты снова – о политике, с чего бы?
– О жизни: ведь живём мы – каждый день в ней!
Над прошлым издеваться стало модно –
От новых не избавясь наваждений...
10 января 2015 г.

Молчи лишь о любви...

Ф.

Давно нам не мучительно вдвоём:
Нет тайны – и от этого печально.
Пройди уже, не мучь дверной проём!

Ты к смертной казни был приговорён
Всей жизнью, зародившейся случайно.

И ты, и я, и все мы – гости тут.
И скоро прочь прогонит нас хозяин.
Уже не избежать нам новых пут.
Закончили едва мы институт –
Задерживаться в юности нельзя нам:

И как затормозить, летя с горы?
Мы снежным комом жизни обрастаем.
Всё кажется случайным до поры.
Выдумываем правила игры,
Любуемся горящими мостами...

Потом нас покидает романтизм.
А вот уже и жизнь стаёт рутиной:
Семья, работа... И за что-то приз –
Последняя любовь: уловки призм,
Художника слияние с картиной.

Обмениваться мыслями с тобой
Привычнее, чем чувствами былыми.
Молчи лишь о любви: грозит – бедой.
В размеренность вносил ты нервный сбой;
Не надо мёду – дёгтевой полыни.

...Да ладно, что теперь нам, не впервой,
Входи давай – на счастье ли, на горе?
Срослись мы по-сиамски головой,
Сердца же – снова врозь, хоть волком вой!
До опыта всё знала, априори.

11 декабря 2014 г.

Когда к нам приближается старость,
Круг сжимая железной рукой...

2.

Отпусти мне, священник, грехи:
В ощущениях Рая и Ада
В глубине Гефсиманского сада,
Как молитву слагаю стихи.
И в огне колокольного звона
Мне Иуда несет поцелуй
В тихом шорохе ласковых струй,
В ожиданьи
 раскаянья стона...

А безумные очи Петра
Мне пророчат терновый венец,
И зовет благодарный Отец
По ту сторону
 Зла и Добра.

Но опять давит тяжесть креста.
Сквозь предательство, боль и позор
Шаг за шагом вершу приговор...
Ведь за мною – Любовь и Мечта.

ДЕВОЧКЕ ПЕРЕД ВЫПУСКНЫМ БАЛОМ

Нет Любви у старого поэта,
Не смотри лукавыми глазами:
Помнит он – проходит быстро лето,
Осень все опять зальет слезами.
Время есть у старого поэта –
Он святой душой опять воспрянет,
Прелесть тонкую молодого силуэта
В чистых строках он не раз вспомнит.
Нет чудес у старого поэта,
Каждый раз на кон он сердце ставит,
Знает все нехитрые секреты,
Только он девчонку не обманет.
Мудрость есть у старого поэта,
Скажет ей – ищи судьбу иную,

Скоро, после теплого рассвета,
Ты поверь хмельному поцелую...
Нет Любви у старого поэта,
Он уходит, не поранив душу
девочке с газельими глазами,
К женщине, которой он не нужен...

ПРИГЛАШЕНИЕ НА БЕЛЫЙ ТАНЕЦ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

1.
Белого танца таинство,
Блеск удивленных
глаз,
Белого танца таинство –
Тихий и медленный
вальс.
Белой невесты выход,
Словно по хрупкому
льду,
Белой невесты выход –
На счастье или
беду?
Белой ромашки выбор,
Как разгадать
судьбу?
Белой ромашки выбор –
Небо, прими же
мольбу!

2.
«Вот не люблю белый танец!
Снова торчу у стены,
Этот проклятый румянец...
Где-то испачкал штаны...
Надо бы двигать отсюда,
Майка прилипла к спине...
КТО ЭТО –
белое чудо?»

И... неужели...
КО МНЕ?!»

КАЖДЫЙ МИГ

1.

Суета, суета, суета – без конца.
Нам бы очи поднять на обитель Творца,
Наблюдать бы, робея, в прохладе ночей,
Как по небу течет тихий звездный ручей...
Суета, суета, суета – день и ночь.
Нам заботы б отринуть ненужные прочь,
К чуть шершавой коре прикоснуться щекой
И пушистую белку погладить рукой...
Суета, суета, суета – как свинец.
Нам понять бы тебя, старый мудрый отец,
Ты оценишь красотки чуть раскрытый бутон,
В вихре танца улыбку, наслаждения стон...
Суета, суета, суета – жизни вор.
Бесполезная драка, бессмысленный спор –
Так легко расплескать чашу жизни до дна!
Мы уйдем, не допив золотого вина...

W. H. Davies, авторизованный перевод с английского.

2.

Je garde mes souvenirs
Sur ta tendresse, ta joie,
Je t'aime, et c'est-a-dire
Que pas de vie sans toi...
Я помню каждый миг,
Я помню каждый вздох...
Как жив я без Любви,
Как счастье не сберег?
Автоперевод с французского

ВЕТРЕННЫЙ МАРТ

Огрызаясь, шумя и ворча,
Уплывает на север зима,

Долго первым весенним лучам
Все не верит ветреный март.
Только я свято верю весне,
Не обманут, застынув, капли –
Ведь не в сказочном ласковом сне
Я целую родные колени.
И взаправду, совсем не в бреду
Слышу я огневые слова...
Может быть, я опять украду
Милых губ золоченый овал?
Только ты не поверь седине –
Ведь опять упоенно, без лени
Я целую, как в сказочном сне,
Молодые, родные колени...

ГРОЗА В АПРЕЛЕ

Свидания после разлуки –
Горячей крови жаркий хмель,
Поют надо мной твои руки,
Пылает, бушует апрель.
В ладонях кипящих порхают
Две белые груди-голубки,
Давно ничего не скрывают
Ревнивые длинные юбки...
Не знает предела услада,
Рассвет за закатом плывет,
И острого счастья награда
Торопит весенний восход.
В душе зарождается сила,
Пусть грозы над нами гремят –
Ведь волосы, плечи любимой
Зовут за восходом закат...

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ

Живет в Нью-Йорке. Переводы, стихи, публицистика и короткая проза на двух языках, русском и английском, публиковались в журналах и альманахах "Южное сияние", "Чайка", "Эмигрантская лира", "Палисадник", "Ступени", "Золотое руно", "Cardinal Points", "Poetica", "Asian Signature", а также в коллективных сборниках "Contemporary Jewish Writing" и "Поэт года – 2015". Соавтор книги переводов "Женская поэзия Америки".

Постоянный автор литературных порталов "45-я параллель", "Интер-Фокус", "Золотое руно", "Белый Мамонт".

Дорожное

Путешествую даже в дни неподвижности,
Из больничной повинности,
Из любовной подвешенности,
Даже если глажена против шерсти я,
Даже если не двигаюсь – путешествую.
Пусть весь год состоял из зимы и осени,
Пусть невесел дом и счета неплачены –
Путешествую! – в ожиданье просины,
В отрицанье проседи, не иначе.

Даже будет карета давно заложена –
В смысле, за долги все равно что продана –
Я найду рыдван, что-нибудь поплоче,
И на заднем сидении, в бездорожье –
Спутешествую в глушь – за бугор – на родину
Мимо злобствующих таможенников,
Никуда не едущих бюрократов.
Спутешествую. Мне положено
Путешествовать, чтоб потом обратно
Пробираться надмирными коридорами
И таращиться в навигатор,
Спорить с болью, считать снотворное...
Это кажется сумасшествием?
Я живу, пока путешествую.
Я живу пока, путешествую – непонятно?

Еще не знает себя
Сезон проходит на побережье.
Две полоски купальника – всей одежды.
С утра пылит по тропинке вниз.
Здесь почти совершенно. Такой каприз –
лежать до заката. Уходит с солнцем.
Полотенце, две фруктины, томик толстый.
Всегда одна, и мальчишки, маясь, издалека изучают абрис
полупрозрачный и нос серьезный. Они прозвали ее pomposa*.
Вздымает песок вдоль всего залива.
Скрежещут во рту виноград и слива.
Она проводит на побережье сезон, но всегда ей хочется куда-то еще.
Почернела так, что ее не узнать, но она не верит совсем в зеркала,
и, когда под водой проплывает рыба,
она думает, что глядит на себя.

*(итал.) – высокомерная

Поиски древней Греции

В царстве кожи и меха общешься древней Эллады.
Поезжай лучше к туркам, в страну бесконечного чая,
Где из Греции специи жар добавляют в прохладу,
Где обычаи пряны, где странных людей привлекают.

Поскреби-ка страну, я уверена – не пожалеешь.
За две тысячи с лишком несчетно песчинок налипло.
Отслоив Капыкыры, находишь следы Гераклеи,
А гора Улудаг отделяет тебя от Олимпа.

Здесь заварено небо покрепче, руины как ранки,
Пятипалая Латмос дымится перченою пищей,
А глаза у турчанок сверкают нездешней огранкой
(У гречанок, я думаю, вряд ли такие отыщешь).

Местным жителям древняя Греция – просто соседка,
Синекрылая бабочка, в сон погруженная томный:
Именами богов называют лавчонки нередко
И приезжих ведут поздороваться с Эндимионом.

По душе их базары и фески, торговля и споры,
Пьяный дух порто-франко мне, дочке Эвксинского Понта.
– Эге-гей! – окликаю фелуки Эгейского моря.
– Эге-гей! – откликается Черное за горизонтом.

Из Эфеса в Измир, и – лети в отдаленные горы
Самолетом "Пегаса", а дальше – возница небыстрый
Черно-желтого вэна отеля с капризным мотором
Каппадокии сонные соты наполнит туристом.

До сих пор с полководцем блуждаю, с философом спорю,
Высыпаю, приехав, смешные, в песке, безделушки.
– Эге-гей! – засыпая, шепчу я Эгейскому морю.
– Эге-гей! – откликается Черное из-под подушки...

На озере

Если думать об озере, это должно быть нечто,
Вроде глаза, распаивающегося в бесконечность.
Если думать об образе – нету страшнее шага,
Чем в неизвестность озерной покорной влаги.
Погружаясь в образ, ступаю смело
В озера вздрагивающее тело,
Что покуда живо. Приходят на водопой
Люди и звери, открытые чуду.
И где-то, счастлив своей судьбой,
Шагает по кромочке golden boy –
Мальчишка, осваивающий воду.

По выходным, на набережной

Битые-перебитые, встрепанные, негордые
дети сидят на пристани
и наблюдают пристально
за прибытием теплохода.
Раскрашенного, большого.
Ежевоскресное шоу.

Наглые, злые, бывалые городские птицы
сами себя прокормят.

Что им зерна да хлебные корки.

Накрошили бы лучше пиццы.

Больше не верят в приманки:
врали, бывало, столько им.

Неожиданно мягкие, теплые
губы матери-наркоманки.

Реинкарнация дома на картинке неизвестной девочки

Кариес коричневого кирпича суров и коряв.

Дом поглощает девочку, за квадратом квадрат,

Вместе с бонсаевой кадкой.

Замурована в клаустрофобии кладке,

Затемняет коричневым окна – чей-то тюремный кошмар.

Коричневой курицы перья

Проредили наперника эпителий.

Что топорщится под подушкой – Библия? Коран?

Никакой надежды отбелить этот дом.

Очень хочется пенья, печенья в сахарной пудре, ветра.

Разверните младенца - впустите нездешний свет,

Или книгу раскройте, или звук извлеките из струн.

У девочки – коричневый, мучимый ум.

Дайте девочке шанс забыть о том,

Что случилось в доме, нащупать стоп-кран...

Тяжелее, однако, быть домом,

Безвыходным воем, адом

Девочек, населяющих тридцать квартир, изо всех углов

Их вежливо выпускать по утрам

И ни разу

Не поддаться соблазну

Выгнать пинком.

Город и его обитатели

В арабском Бруклине в час намаза,
В хасидском Бруклине в ночь субботы
Ничуть не кажется мне опасным
Бродить невиннейшим пешеходом.
В тревожном, сумрачном, грязноватом
Карибском Бруклине колют шины,
Под ребра вкальваются взгляды,
Коптят козлятину, горбя спины.
В латинском Бруклине среди сора
Шуршат штанами по тротуару.
Кастет и нож – диалог веселый,
И редкий мачо здесь встретит старость.
Прорежут днище районы-риффы?
Пойду мостом, до меня воспетым.
Над головою порхают рифмы,
Парят, зависнув, над парашютом.

Подоконник

Розовая восковая пена,
Старое словечко "вполнакала",
Ханука и глянцево-стены
Узкого хрустального бокала
(Кажется, зовут такие "флейта"?),
По спине скользит озноба нега.
Город мой не помнит запах лета,
Но никак не разрешится снегом.
Достаются клетчатые пледы,
И продленным чудом льется в вены
Праздник нескончаемого света,
Три глотка закатного глинтвейна.

Потоп в мастерской! Художник – Ной:
спасает, подсаживает,
картине отчаянно машет рукой,

подзывает. Голос его разворачивается –
рулон цветной бумаги.
Он раскачивает полотно, как младенца –
наряженного, раскрашенного.
Осторожней, уронишь
в поток – многоцветней осеннего пейзажа,
напитаешь влагой
триста первую песню о смерти,
размажешь
бытовые сценки, пейзажи, лица.
Краски смешиваются по-новому, льются,
текут новообразованной рекой
по скромной его мастерской
на четвертом без лифта.

Собирание и разбрасывание камней

Камненосители узнают друг друга.
И как-то мне подарили камень в форме сердца.
Только со мной бывают такие вещи.
Только ко мне на улице подходят незнакомцы
и вкладывают камень в руку, говоря: "Ты сама все знаешь".
А в другой раз я вошла в незнакомом городе
в восточную лавку,
и женщина, поднимаясь со скрипучего стула,
сказала: "А, наконец-то".
Она вложила мне в руку нечто
перламутровое со словами: "Сама решишь, что с этим делать".
Я не знаю, что с этим делать.
У меня полно своих камней.
У меня полно сердец за пазухой.
Я отказываюсь понимать, спасать, переносить чужую тяжесть.
Сколько можно закрывать чужие амбразуры.
Вы ошиблись номером.
Не все дырки в плотинах – размера моего пальца,
да и все ли надо затыкать, если вода неостановима?
Это не для меня.
Вы ошиблись во мне. Ты ошибся.
Я ненавижу порой всю коллекцию.

Каирнову кучу. Каинову печатку.
Каменную крошку.
Отказываюсь светить отраженным светом.
Отказываюсь обдирать ладони чьей-то болью.
...Потом мне, по счастью, становится стыдно.
Я набиваю карман камнями
и отправляюсь разбрасывать,
чтоб расчистить место новым камням.

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ

Родился в Москве. Окончил экономический факультет и аспирантуру МГУ. Живёт в Мельбурне и преподаёт университете имени Монаша. Как экономист известен академическими работами и статьями в австралийских газетах. Литературные публикации: «Зазеркалье», Мельбурн, «Russian

Link», 2003; «Голоса», Новосибирск, Серия «Свеча», 2005; подборка в Новой Антологии Поэзии "Земляки", Москва, серия "Мир говорит по-русски", 2009; постоянный автор альманаха «Австралийская мозаика».

ЛЕГКИЕ ЖАНРЫ

ФАДО

Фадо (fado – судьба [порт.]) – португальский городской романс.

Фадо для женского голоса

Когда и солнце, и корабль уйдут за горизонт,
Мне не нужны ни новый день, ни утренний восход.

Ни свежий ветер, ни прибой, ни солнечный рассвет
Не в радость мне, пока тебя со мною, милый, нет.

Пока утрами мне вставать приходится одной,
Пусть город будет наш покрыт и днем и ночью тьмой.

И пусть продлится эта тьма до той поры, когда
Тебе задуют в паруса восточные ветра,

А я, накинув поскорей узорчатую шаль,
Пойду встречать на берегу и солнце, и корабль.

Фадо для мужского голоса

О нет, не спрашивай «Куда?» – Взгляни в свое оконце –
Туда, где стелет океан ночное ложе солнцу.

Есть остров там, в конце пути, за водной глади краем.
Тому, кто смог его найти, земным он станет раем.

Червонным золотом полны на острове ручьи.
В садах его весь год – плоды, поля на нем – ничьи.

Постель там будет из цветов – камелий, роз и лилий.
Ночами звездным будет кров, а днями – ярко синим...

Но голос, слышу я, другой тебе на ухо шепчет:
«Что толку от его цветов, его безумны речи.

Пусть ищет он свою судьбу на дне, сокрытой в иле...»

Отдайте якоря скорей. Сто футов мне под килем!

ГРЕЧЕСКОЕ

Акрополь

В гору крутую поднявшись, с трудом успокоив дыханье,
Видишь вблизи то, что капищем было всеильных богов.
Но остается искать под обломками их изваянья,
И не спасает давно Парфенона обрушенный кров.

Можно теперь натесать материалы из белого камня,
Можно вокруг живописных развалин наставить леса,
Если поверить, что боги хотят отплатить за вниманье
Предавшим как-то Олимп, в суете предпочтя небеса.

Как ни старайтесь теперь, замолить невозможно бывшее.
И в перестроенный – с миру по нитке – поруганный храм

Не возвратиться когда-то – богам, а сегодня – изгоям,
Но продолжать им стоять по музеям и царским дворцам.

Глобальное потепление

Нет эскападам природы конца в этом мире нигде.
В Мельбурне небо затянуто дымом лесного пожара.
Люди в Джакарте идут на работу по пояс в воде.
Целую зиму не видно в столице России морозного пара.

Кто виноват, что все жарче становится нам на Земле, –
Спорят ученые в Кембридже, Оксфорде и на Кавказе, –
Что нужно сделать, чтоб снизить потребность в дровах и угле,
Как сократить в атмосфере процент углекислого газа?

Лишь на Олимпе причина жары объяснима вполне.
С Герою Зевсу в который уж раз помириться досталось.
Снова горят ненасытные боги в любовном огне.
Скоро устанут. И дней до прохлады останется малость.

ТРИОЛЕТЫ

Свет в конце туннеля

Как почитаем той страны правитель,
В которой видит свет в конце туннеля
Лояльный гражданин – его строитель.
Любим и почитаем тот правитель,
Который ради благородной цели,
Как ни кричите, не отдаст портфеля.
Любим и почитаем тот правитель,
Который видит свет в конце туннеля.

Обмен

Моя любовь моим владеет сердцем.
Её - дано мне в вечный сладкий плен.
Открыта в нас всегда друг другу дверца.
Моя любовь моим владеет сердцем.

Достался нам превыгодный обмен.
Два сердца вместе, остальное – тлен.
Моя любовь моим владеет сердцем.
Её – дано мне в вечный сладкий плен.

Акварель

Старания художника напрасны –
Не скрыть шероховатостей листа
Мазками нежных акварельных красок.
Старания художника напрасны –
Лишь тем, кто видит всё издалека,
Мир на картине кажется прекрасным.
Старания художника напрасны –
Не скрыть шероховатостей листа.

Быть человеком!

Быть человеком – значит быть больным,
Ходить по докторам и пить таблетки,
И не давать забыть о том родным.
Быть человеком – значит быть больным,
Есть паровые постные котлетки
И думать, сидя вечером в беседке:
"Быть человеком – значит быть больным,
Ходить по докторам и пить таблетки".

ПЕРСОНАЖИ

Нонконформист

Не герой – ни при том режиме и ни при этом.
И когда пора с открытым забралом – в бой,
Зная – что для этой власти, что для иной –
Он не друг и не враг, а просто совсем чужой,
Предпочел навсегда остаться самим собой,
Вечерами читая стихи крамольных поэтов.

Адам

Даже самой беспомощной твари лесной не обидел –
В том краю, где он жил, было вдоволь еды и воды.
Собирал лепестки, мед, коренья, орехи, грибы...
Так без горя, греха и забот коротал свои дни.
Но проверив на вкус и на запах другие плоды,
Понял он, что такой рацион не снижает либидо.

Из дома вышел человек...

«Из дома вышел человек...»

Даниил Хармс

Из дома вышел человек.
Дорогою прямой
Идет вперед который век,
О да, уже который век
С котомкой за спиной.

И твердо верит пешеход –
Что есть куда идти,
Что Правда терпеливо ждет,
О да, бесспорно, Правда ждет
Его в конце пути.

Второй такой же пешеход
Своим прямым путем
Шагает твердо. Каждый год,
О да, конечно, каждый год
Все ближе к Правде он...

Друг друга встретив иногда,
Раз в пару-тройку лет,
Покрутят пальцем у виска,

О да, у своего виска,
И говорят «Привет!»

Все жду от них благую весть —
Им повезло найти
Ту Правду, что и правда есть,
О да, конечно, Правда есть
на кольцевом пути.

БОРИС КОКОТОВ

Родился в Москве, с 1991 года живет в г. Балтимор, США.

Пишет и публикуется на русском и английском языках. Автор восьми сборников стихов, а также ряда переводов из немецкой, английской и американской поэзии. Член редколлегии журнала "Гостиная", участник творческого объединения

ОРЛИТА, принимает участие в работе сайта "Век Перевода".

Star'ё

П. Слуцкому

Для того придуман был Малый Вред,
чтоб несли в починку свои меха
обыватели этой равнины сред
не-нерусской – матрица неплоха,
но поскольку сараи гниют впритык,
а столпы вповалку, а скот гуртом,
исподволь внедрился Большой Кирдык
и всерьёз маячит Велик Облом.

Скорожили верят в Сплошной Булшит,
шины жгут, глотают всякую дрянь.
Просвербит шалава птеромоскит,
а ему из каптёрки вопят: табань!!
Сочините нам байку с хорошим концом
про ремонтников в белом, про сан ремо...
Ты снесёшь в утиль десять пар канцон,
я пушу под прессу star'ё моё.

Чучелы

Как едко пошутил таксидермист,
дурешь, ошиваясь среди чучел.
Живой пример такое отчебучил
(учили ж: не умешь – не берись!),
что мог бы лишь заядлый манекен

себе позволить, рявкнув: шашки к бою!
нафарширован дымчатой душою,
с походным ранцем, в робе до колен.
Но тот, кто деловито зачинал
в пробирке неизвестного солдата,
спохватится: щетина жестковата
и вместо глаз стекляшка, не опал.

* * *

Мы, экспонаты, знаем: мир не розов
по обе стороны сверкающей витрины.
Почем фунт лиха всякий отморозок
постигнет, в неродные палестины
намылясь: сомнение трофея
встречает пыль и лампы вполнекала –
вот и влачим-с, овально, как камей,
на белый свет разинувши хлебала.
Безрадостны гастроли по обмену
(врут – с миссией, на деле – по заданью):
затормошат, прощупают, проденут
кольцо в ноздрю или пришьют задами
друг к дружке, словно так оно и было
задумано завистливым изгоем,
а мы – молчок: пусть тешатся, дебилы,
покуда им обзор не перекроем.

Болеро

живя с попутного ветра женой
с её отраженьем в тройных зеркалах
с её улыбкой ланчем ночной
сорочкой скомканной впопыхах
с picture-in-picture в уголках глаз
с i-love-you в уголке уст
с пучком уклончивых перифраз
с её подругою (в смысле?) – oops!
с её подругой на другом конце
провода (wireless goes as well)
с непосредственностью оправдавшей це

ль с её роялем в сто тонн децибелл
с опозданиями возведенными в принц
ип с беспечностью ставшей дог
мой под шорох вставных ресниц
с её акцентом японский бог!

живя с попутного ветра женой
обнаружишь однажды – порыв утих
ланч несъедобен хоть падай хоть стой
где металось трюмо коченеет триптих
каждый божий день болеро-равель
с подругой в партуре как на посту
what-a-pleasure! гудишь как усталый шмель
а в ответ летальное i-love-you-too.

Хочешь?

Хочешь пройти сквозь стену? – пройди, а потом вернись,
чтобы забрать с собой то, что принадлежало:
в соседней камере точно такая жизнь
как и здесь, но приходится жить с начала,
а не с конца, к чему твой аватар привык,
неторопливо листая книгу справа налево.
Там не читают таких безнадежных книг,
когда покупают чипсы в seven-eleven.

Хочешь согнуть из проволоки маленького скрипача?
Лучше согни горниста – этот не отличает.
В шелковом алом галстук ластится алыча
к дымчато ароматной пачке цейлонского чая.
Ласковое сокровище, искреннее как нарыв
детской любви, цветущей за выдуманной стеною.
Хочешь пройти насквозь? – пройди, а потом умри
треснутой грампластинкой под судорожной иглою.

Калевала

Кругозор захламлен предметами, прочей попсой.
Персонаж посещает школу, женится, заводит детишек,

постепенно приходит к мысли, что он не вполне живой:
дышит искусственно так, как маститый писатель пишет.
Литгерой понимает, что модная повесть о нем
растиражирована сверх всякой меры:
у джека, который построил карточный дом,
в глазах кровавые мальчишки-кхмеры.
Имярек соглашается с тем, что какая ни есть,
экзистенция слаще, чем самая пышная ода:
даже сводка погоды сойдет за благую весть,
если верить, что есть у природы плохая погода.
по шуршанию листов, по шершавому смеху из зала.
Тут кричи не кричи: где обещанный эпилог?! –
дальше или жоржсанд или, коль повезет, калевала.

Домотканное время

Жизнь самовитых людей умещается в восемь строк,
энтропия растет – в этом мы разошлись с маймонидом,
наблюдатель давно обмелел, но все еще смотрит в глазок,
что-то кропает в блокнот с весьма озабоченным видом.
Пылевая модель мироздания; масштаб – бесконечность к нулю,
мутагенный фонарик, магнит, канцелярская скрепка.
Что происходит с предметами после того как наблю
датель роняет монокль и поет караоке с нетребко?
Трудно ответить крестьянину на кардинальный вопрос
(после столетней войны нетафизика в страшном загоне):
плохо растет энтропия, но раз уже к слову пришлось –
прошлой весной мужики разогнали навоз в фазатроне!
Стоит ли тратить усилия на поиск причины причин
в необитаемых, богом забытых окрестностях кварка?
Чу! домотканное время пришло наконец из почин
ки и теперь ковыляет по кругу ни шатко ни валко.

"Да скроется тьма"

Выключателем щелкнешь – зажжется дуга,
вольт сощурится, хмыкнет гальвани...
я любил наблюдать тараканы бега

в коммунальной замызганной ванне
с ядовитою пшикалкой в нервной руке
привиденьем застыв на пороге,
а со стен осыпались в осклизлой тоске
– шепелявы, шустры, шестиноги –
и неслись врассыпную, хитином шурша,
как разбитых часов шестеренки,
за вонючую тряпку, под сломанный шкаф,
в inferнальную слива воронку.
их водою поил прохудившийся кран,
их облупленный грел радиатор...
Я любил наблюдать как спешит таракан
вдоль трубы в полумрак ноздреватый,
где отыщется щель или грязи кайма,
что послужат защитой искомой.
мне случилось понять: если скроется тьма –
нет спасенья душе насекомой!
На гашетку шипучей отравы нажав,
распыляя плюющийся конус,
вижу тех, кому некуда больше бежать.

Я и сам больше с места не тронусь.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году — первая публикация в газете Литературная Россия. В 1991 — иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого».

В 2002 году — иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году, сборник повестей и рассказов, также, включает в себя тексты песен и романсов, положенных на музыку. В настоящее время готовится к публикации еще одна книга автора.

ПРИВЫЧКА

Живем как чужие соседи —
За солью друг к другу не ходим.
Наш быт, словно молью изъеден
Семья-не семья, что-то вроде.

В большой и холодной квартире
Куда-то любовь подевалась,
Под окнами в суетном мире
Романтики тень затерялась.

Стол общий, и деньги, и дети,
Общаемся только по делу.
Не вместе встаем на рассвете
Ревную? Да нет, отболело.

СТРЕЛА КУПИДОНА

Когда чужой становится родным,
Когда идешь за ним в огонь и в воду,
Решаешь быть не первым, а вторым,
Теряешь независимость, свободу,

Когда дыхание в груди другой,
И не страшны ни тягости, ни мили,

И к посторонним взглядам ты глухой –
Такой любви нас классики учили.

Такая есть любовь, она пришла
Ко мне с рождением дочери и сына.
У Купидона есть моя стрела,
Но цель ее ребенок, не мужчина!

КРУЖЕНЬЕ

Мне кружит голову воды хрустальной рябь.
Ни золото в изделиях и слитках,
Ни бриллиантов блеск, а поля зябь,
Сиянье глаз твоих – души визитка.

Мне кружит голову степных коней табун,
И среди леса след заросших просек.
Мне кружит голову седой скрипач, горбун
Что в переходе милостыню просит.

Мне кружит голову любви размытый свет,
И песня, что пчела мне прожужжала.
Мне кружит голову почти полсотни лет
Но до сих пор кружить не перестало.

А они оставались рядом,
Задержавшись на пару лет.
Подчиняя кто жестом, кто взглядом,
Излучая особый свет.

От одних – оставались дети,
От других – расставанья боль,
И поникших цветов букетик.
Каждым сыграна своя роль.

Но один не писал мне писем,
Не мечтал со мной при луне,

Он остался в тени кулисы –
Лишь однажды приснился мне.

Мне предательство – невновь.
Это было и не раз.
Просто выпустили кровь
И Господь меня не спас.

Говорил мне: «Ты поверь,
Посмотри в мои глаза,
А не веришь, так проверь –
Встань со мной под образа».

Доверяла много лет,
Проверять мне ни к чему,
Но привел измены след
Прямо к дому моему.

На вопрос ищу ответ:
Как с предательством мирясь
Жить в согласии, любви
Веря, радуясь, смеясь?

ОДИНОЧЕСТВО

Снова в двери стучит одиночество,
Не могу не впустить – я одна.
Видно, правду гласило пророчество –
Эту чашу я выпью до дна.

Я вернусь по дорожке проторенной
В свой уютный, закрытый мирок,
И на дверь, занавеской зашторенной,
Я повешу амбарный замок.

Не зови меня в жизнь оголтелую,
Не ревнуй ты меня. Не суди,

Что любовью давно отболела я
И оставила страсть позади.

ЛЭДИ

Мягкое податливое тело,
Широко распахнуты глаза.
Утро занимается несмело,
На траве слезой блестит роса.

Океан местами цвета меди,
Полицейских строй, мельканье лиц.
Туалет с табличкой белой – «Лэди»
На земле использованный шприц.

Длинные струящиеся пряди,
Пена на губах, прохожих шок,
И туристы, будто на параде –
Двигается людской живой поток.

На земле дымится сигарета,
И помадой фильтр заклеямен.
Девушка сидит у туалета –
Лэди новоявленных времен.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Победитель международного конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010, лауреат конкурса стихов «На дальних берегах». Автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино). Лингвист, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова. Стихи и переводы публиковались в журнале «Крещатик», в «Литературной газете», газете «Интеллигент» и др. изданиях.

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

*В попугайном пестром гаме, с вискарем и калачом
Буду жить я вверх ногами и не думать ни о чём.*

А. Городницкий

Как по мутному по горю, по зеленой по тоске,
Уплыву я к синю морю на дюралевой доске.
За бортом оставлю беды, память выброшу в моря -
Уж уеду, так уеду: отдавайте якоря.

Рубану сплеча по детству, по непрожитой себе,
Окаянному наследству, неприкаянной судьбе,
Над ошметками поплачу, раны чёрные прижгу,
И пойду ловить удачу на далёком берегу.

Огляжусь, офигевая – здравствуй, мачеха моя,
Заграница золотая, неродимые края;
Ходят строем, аты-баты, кого хочешь выбирай –
Три коалы, два вомбата и зеленый попугай.

Не до жиру, быть бы миру, быть бы дому да деньгам –
Сотворю себе кумира, брошу мир к его ногам;
Чтобы хлеб всегда был с маслом, чтобы кофе с молоком,
Солнце красно, небо ясно, и не думать ни о ком.

Пронесу земное бремя, посажу свой райский сад,
Прыгнет время, клюнет в темя – и привет тебе, вомбат.
Для чего все это было, чьи дела, кого вина,
Приюти меня, могила, объясни мне, нахрена...

Тишина. Земля сухая. Мама. Бабушка. Прости.
Я лежу, не выдыхая, пяточок зажав в горсти.
Души в небо улетают, сверху гаснут голоса,
И березка прорастает через ребра в небеса.

ТАРУССКОЕ

Не держи ты меня, мама, пусти меня,
отними от своего, мама, вымени;
не вяжи меня к подолу залятому
ветром ласковым, кострами-закатами,
летом ягодным, рассветами росными –
я уже большая девочка, взрослая...

Я в траве лежу, кузнечик пиликает,
вьётся поле кружевной повиликою,
разливается кипреем да мятою,
гладит облако метёлкой мохнатою,
синь медовая в глазах, да полынь в горсти...
мама, что же ты творишь, говорю, пусти!

Ай, кровиночка моя, да разве ж я держу?
я нисколько не держу – под тобой лежу;
хочешь, выйди, погуляй, погляди на свет,
мне удерживать тебя и резону нет:
сколь ни рваться тебе прочь, сколь ни рыпаться,
всё равно ко мне вернёшься ты – выспаться...

А комната была светлым-светла...
Как будто жизнь, непрожитая нами,
Весенним витражом в ажурной раме
Возникла вместо пыльного стекла;

А между побелённым потолком
И редкими решётками оконца
Беспечный луч полуденного солнца
Скользил небесным лёгким челноком,

Такую ткань узорную творя
Из воздуха, как патока, густого,
Что нить судьбы вплелась в её основу,
И каждое несказанное слово
Впаялось в память каплей янтаря.

ПОЛНОЛУНИЕ

Свет мой, икринка, лягушачья спинушка,
Спи до весны, не кручинься, Иринушка...

А. Тарковский

Не придумала ведьма слов от залётных стрел...
Забьтё проклятое – прочь из груди рывком.
Била боль в ребро, и растерянно ты смотрел,
Как в лягушачьих тонких лапках дрожит древко.

Ох не брать бы тебе меня – ну а как не взять,
Как не сгинуть в болотном мороке тёмных кос...
Рукавом взмахну – и озёрная ляжет гладь,
Обрастёт пером невесомая птичья кость.

И могла б остаться, так ты ведь хотел скорей,
Человечье дитя, глупыш – на себя пеняй...
То не кожа моя полыхает в печном нутре,
То горит огнём твой нечаянный зыбкий рай.

Окатило мне память жаром – живой водой,
Истлевают плоть, обнажается суть вещей;
Мне теперь – туда, где мой истинный, вечный дом,
Где ночей не спит, всё тоскует по мне Кощей.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Капели звон – печальная клепсидра
апреля. Капель четкий переплеск.
Под полусонным пологом небес
на ложе потревоженного мира
взошла весна. Ее неверен шаг.
Ее рисунок нежен и наивен.
Взгляни, как ветви вытянула ива –
дыханья просит дерева душа.

Застыли дали в пелене туманной,
манит озер задумчивая муть;
нагой земли лазоревую грудь
ласкает ветер – нежно, неустанно,
и наполняет паруса Тристана,
к Ирландии направившего путь.

Женщина пела: «ну хочешь, я выучусь шить?»,
а я говорю: ну хочешь, я выучусь ждать,
вышивать дождём по стеклу, тосковать в тиши,
а детей... детей у нас точно не будет пять.

Говорю: за порогом лес, а за лесом даль,
а за далью снег, а за снегом всё синь да синь,
прогляжу глаза, и ветрам отсчитаю дань
золотой монетой осенних родных осин.

Говорит: послушай, мы выстроим новый дом,
там, где берег крут, где река рукавом легла,
верный пёс, в очаге огонь, да поля кругом...
А мне видится чёрный ров да сырая мгла.

Говорю: построй, говорю: постой, погоди,
покажи скорей – и дом, и очаг, и пса,
напиши, да так, чтобы стало тепло в груди,
нарисуй, да так, чтобы в это поверил сам.

Говорю, только речь ручьём утекает вниз,
на луга, где разрыв-трава, на слепую гать...
всё слова, слова, тростниковый тревожный свист
на ветру, что дани моей не захочет взять.

КИТАЙГОРОДСКОЕ

Переулочек, переул...
А.А.

Скрюченный переулочек,
Стёжка, неровный шов...
От колокольни к булочной
Ровно шестьсот шагов.

«Не урони» – шептала я
Черной реке стекла;
Полночь пришла, усталая,
Стрелки на лбу свела.

Под ледяною коркою
Веточка – на излом,
Свёрнуты пальцы тонкие
Под неживым углом;

Выгнуло, переклинило:
Из-под горячих век
Киноварью рябиновой
Каплет в застывший снег.

Больно душе отгаивать
Мёрзлой порой такой –
Воздух звенит цветаевской
бешеною тоской;

Полно, не плачь, не велено
Плакать в моём раю...

Белую колыбельную
Нынче

тебе
спою.

как пролететь, не упасть, проскользнуть по краю
памяти, песни, прошлого... задыхаясь
ветром, глотком ледяного ночного света,
всем существом в себя принимая Это...

это – как сталь клинка, что под сердцем стынет,
это река, что пределом легла рябине,
слышишь... слезой кровавой исходит крона,
гроздь на дно осыпаются с тихим стоном.

что ж, собирай по крохам, плати по счёту,
встань соляным столбом за спиной у Лота;
жди, замерев, отравы, тоски, потери
веры: но разве не этого мы хотели,

разве не к этой влаге склонялись низко;
счастье не патока; горький у счастья привкус,
привкус разлук, русалочьей смертной пены,
серых теней на белых от горя стенах.

гладкость лица означает, что есть изнанка,
вот и держись за измятый подол Ананке,
крепче держись, ибо что ещё остаётся
ровно на полпути от луны до солнца...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой любимый, долгий ждет сон и вещей.
Осень засыплет листьями дни и вещи,
Шар золотой коснётся земного края –
Мир шелестит и дышит, звенит и тает.
Воздух сгущен закатный, и явь дробится
Пеной морской: успокоились звери, птицы,
Рыбы, драконы, горы, моря и реки.
Я поцелую ресницы твои и веки,

Песню спою, на лоб положу ладони...
Ветер ковыльный, звездный туман, и кони
Тихо переступают во мгле лучистой...
Спи-засыпай, мой ласковый, лучший, быстрый,
Сильный, упрямый, прямой, непростой, негибкий –
Радугой над тобою моя улыбка,
Пологом голос, и руки – крылом лебяжьем;
Ночь пролетит, проснемся и снова ляжем.
Нас не разнять, мы слиты в одно – родимый,
Спи, моя радость, годы проходят мимо,
Нас не касаясь: время отныне наше –
Не расплескаться винам в небесной чаше,
Не расплестись корням в подземельной толще:
Буду любить все глубже тебя, все горше,
Оберегать, высматривать острым взглядом...
Спи, мой любимый,
Я буду рядом.

ЯКОВ МАРГУЛИС

На свете с 1947-го года. Родился, учился, работал, женился – в Курске. Служил в Саратовском стройбате.. Уехал в Австралию в 91-м, с женой, сыном, дочерью. Работал : в России – на стройке и в проектно институте, в Австралии – на заводе электрооборудования. Есть два внука и уже больше года – пенсия "по возрасту". Тексты в рифму появились лет с пятнадцати. Некоторые напечатаны в

различных сборниках и "электронных" журналах.

Не короток мой век, чтобы понять:
совсем не некоторых
тянет имя застолбить для будущих эпох,
и мне бы просиять в веках:
не рыж, и не рогат... пока?
Ищу приличный способ, – чтоб и дешёв и неплох.

Оставить след на сотни лет –
злодейство нужно, проще нет,
вот костровой известный, избежавший крупных трат:
и много ли нам дела,
что и сколько там сгорело, но
все помнят – раскошелился на спички Герострат.

Не ткнул бы в Цезаря мечом –
был в словарях бы ни при чём,
а так – открой на букву "Б", увидишь : "И ты, Брут...!".
Гаврило Принцип с бодуна
пальнул в эрцгерцога – война!
И скоро, слышал, памятник Гавриле возведут.

С безвестностью воители
все Джеки-потрошители,
у Чикатил, возможно, просто к славе интерес...
Стрелка, блондина этого,

давно бы имя – в Лету, ну
а так любого разбуди , услышите : "Дантес!".

В том, может, нет зазорного,
когда идёшь под гору, и
намного больше за спиной, чем светит впереди...
Оставить след – мне хочется,
и колетя... и хочется
оставить след... Но так бы, чтоб не очень наследить.

Растворил, как в романсе, окно,
а на ветке опавшего клёна
чёрной меткой, унылым пятном
галка. Впрочем, возможно, ворона.

Галок не выношу за галдѣж,
глупый гонор горляющей стаи.
И ворон – за кликушечью ложь,
бредни старых вещуний – достали...

Кинул в гостью тупой карандаш:
"Шла бы ты!... То есть, в смысле, летела б!" –
Взмах крыла, восходящий вираж...
Чѣрт! Опять я попал не по делу,

снова тѣтка-непруха ко мне,
снова я в минусах и в пролѣте:
птица чёрной была не вполне,
белым боком мелькнула на взлѣте.

Я – сороку прогнал! Не хотел...
Застрелись, орнитолог хреновый:
вдруг была у неё на хвосте,
наконец-то! – заветная новость...

Опять пригласили в приветливый дом,
всѣ будет с улыбкой, и будет с вином,

на шляпу не сядут, не стырят пальто,
вот спеть только надо: "Мне нравится, что...".

Мне нравится, что... В этом месте – обрыв.
Раскрыться – не то что скатиться с горы,

но всё же продолжу – не боги горшки...
Я знаю, как эти надставить стишки.

От строчки оставлен приличный кусок,
пойду, прогуляюсь в соседний лесок,

в опавшей листве наберу всё подряд –
от честных поганок до ложных опят,

и если, простите, их переварю,
то праздник удачи себе подарю.

Ведь значит, не так уж и плохи дела,
надежда последняя – не умерла,

и значит, гитарка не стала вдовой,
и сложится песенка – значит, живой,

и пусть ей плевать на команды в строю,
мне нравится: что захочу – то спою...

Приветливый дом. Но порядок знаком:
Пей, пой... И следи за своим языком.

Трудненько. Но будет награда за труд:
мне нравится, что тут в мозги не клюют.

Над крутизной – закатной чайки крик,
внизу – прибор.

Асфальта двухполосный половик –
мой путь кривой.

Дорожка вдоль обрыва не бредёт,
куда глаза:
Разметка. Две стрелы: одна вперёд,
одна назад.
На север ли пойду, пойду ль на юг –
всё две стрелы.
Не тормозя, угадывать свою –
закон игры.
Твержу себе: не каждому дано
прийти в тот храм...
Звонок велосипедный за спиной:
иду – не там.

ПОССУМ

Двадцать пять тому : "Притрётся. Всё притрётся..." –
Осторожный оптимизм. Себе припарки.
Ну, подумаешь, налево ходит солнце.
Ну, не Ковш, а Крест... Ну, жарко... Где не жарко?

Ну, батрачу так, что не хватает суток,
но хвалю себя... Ну, точно – не ругаю.
В общем, всё в пределах нормы. И к чему-то
привыкаю. От чего-то отвываю.

Привыкаю, что я русский, наконец-то.
Отвыкаю не копить свои заначки.
Привыкаю, что и дружба – это средство.
Отвыкаю, что улыбка – что-то значит.

Приивываю, что на всех проёмах – сетки:
всё же, душно. Нужно настежь – окна, двери...
А в ночи бессонной всё шуршат по веткам
пусть не злые, даже ласковые, звери.

Хвост верёвкой, глазки чёрные навькат...
Да о чём я – все не раз встречали сами.

Всё притрётся. Только вряд ли я привыкну,
что бывают крысы с добрыми глазами.

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог.

Сделала самостоятельное

археологическое открытие в Хорезме.

Четверо детей: сын, сноха, внук,

племянница. Им и посвящала первые

стихи и сказки. Пишу десять лет. До

*приезда в Австралию тесно сотрудничала с Гостелерадио города
Ташкента, как оператор и участник литературно - поэтических
программ на русском и узбекском языках, в поддержку
талантливой молодежи.*

Рассказы из моей жизни сейчас объединяются в книгу.

РОМАНС

Скорей развей мою печаль,
устрой мне ужин при свечах
Шальное сердце успокой вином и страстью,
Налей шампанское в фужер
и бледно-розовый торшер
Пусть светит нам как атрибут любовной снасти.

Настрой гитару, спой романс,
Трудись Вселенная за нас,
Строй замки, зажигай нам фейерверки.
Моя душа к тебе летит
Ты посмотри, ты погляди –
На циферблате у часов исчезли стрелки...

Замри мгновенье и продлись
забвенья тоненькая нить,
Что нас связала в узелочек роковой.
Пусть эта радость без конца
соединит наши сердца
И переполнит этот мир тобой и мной.

Уроки жизни

Не раз судьба меня хлестала по щекам
Любой зигзаг – испытывал на прочность.
Спротивляясь лживым ярлыкам,
В последний миг меня спасала точность.

Я с детства знала: спину гнуть нельзя,
Не надо раскисать в пути-дороге,
И по откосу снежному скользю,
Я верила – меня удержат ноги.

Эмоции зажаты про запас,
И нервов ком закручен, как пружина,
Всему я назначаю точный час,
И не люблю все то, что беспричинно.

Я знаю точно – очень нелегко
Собою быть – когда вокруг все в масках...
И, размахнувшись широко,
Влюбляться в мир в его контрастных красках.

Мамины советы

Мне мама твердит постоянно:
"Не ходи перед мужем в халате.
Внешний вид должен быть без изъяна,
Подбери себе моднее платье.

Надо бы волосы выкрасить,
Губы покрыть помадой,
Старые тапочки – выбросить!
Для мужа быть тем, чем надо"

Я соглашусь с тобой, мама,
Серебро в шевелюре? Что делать?
Ну, а лишние три килограмма,
Не такая уж страшная драма.

Запеку я бараньи ножки,
Нашинкую побольше салата,
И сниму золотые сережки –
Ему нравлюсь я без халата.

И не важно, что вес выше нормы
И что прядка моя седая,
Он влюблен в мои пышные формы,
Замечает, что душа молодая!

На груди моей дремлет "орден" -
Это муж мой, моя отрада,
Путь нелегкий совместно пройден,
Ну и я для него – награда.

На задворках памяти

На задворках памяти ласточки щебечут
Но, при всем старании, душу не излечат.
Детство длинноногое, фантики, скакалки,
Мама крики строгие, лютики-считалки...

Мелом на асфальте классики чертили,
Под гитару вечером песни заводили,
А коты по крышам истошно оралы,
А дожди весенние классики смывали...

Все ушло, как не было, пролетело лето,
И в него и с деньгами не купить билета.
Поседели головы, в диссонансах фальши
На задворках памяти бравурные марши.

Щедрость

Лимонной акварелью осень пишет
На полотне из голубых небес.
То теплой, то прохладной негой дышит,
Росу роняя на притихший лес.

Листок багряный, прикрывая шляпку
Упругого, душистого грибка,
Старается отвлечь окраской яркой
И уберечь от страсти грибника.

Рябиновые гроздья наклонились,
Налившись соком, низко до земли,
В редяющих ветвях орехи скрылись,
Но не отдать даров природы не смогли.

Осыпана поляна щедро, густо
Плодами спелыми – картина, как в раю.
Ну кто сказал, что осень – время грусти?
Она прекрасна! В ней себя я узнаю.

БЕРТА МИХАЙЛИЧ

Родилась и выросла на Украине, в городе Киеве. Там же 40 лет проработала врачом - реаниматологом на станции скорой медицинской помощи, где лечила, учила, руководила. Первое желание писать стихи появилось с рождением внука. О нем и для него первая подборка детских стихов. Не писалось почти 20 лет. И только в Мельбурне меня вновь посетило вдохновение. И

теперь я пишу много и обо всем.

Ждала я лета с нетерпением
Тепла, прогулок, солнца, моря,
Но, только началась жара,
Вся прелесть лета скрылась вскоре.

С утра до ночи жду прохлады.
Как надоел мне летний зной.
Мне кажется уже блаженством
Холодный ветер, дождь зимой.

Так отчего мне все не так –
Зимой жду лета, летом – зиму
Мне плохо, когда нет тебя!
Зачем искать еще причину.

Все рассказала, все объяснила,
Разложила по полочкам даже.
А он глядит на меня с улыбкой,
Мол, что еще в оправдание скажешь.

Но я уже все сказала.
Вечер испорчен – жду обвинений.
Но он сказал лишь: «Люблю»,
И сразу я извинилась за свое поведение.

Зрителям было за шестьдесят,
Мы им читали стихи.
Я спросила: «О чем вам читать?»
«О любви» – попросили они

Я с волнением читала о ней
Для меня любовь – нежность, забота, обман.
А зрители думали о своей,
Я видела это по их глазам

Прошла весна и наступило лето,
Все наслаждаются пришедшею жарой.
Меня же лично не волнует это:
Когда ты рядом, мне тепло зимой.

«Я прошу тебя не молчи,
Если что-то тебе не нравится –
Расскажи, убеди, объясни,
Но не прячься ты от реальности.

Можешь даже чуть-чуть покричать,
Крикну я – пошумим и помиримся.
Но пожалуйста не молчи.
Мы и так уже редко видимся».

Я случайно нашла стих, написанный еще в детстве,
Когда было мне десять или двенадцать, возможно.

Полустертые буквы на желтом листочке
Разбирать было довольно сложно

Все в нем собрано вместе – и радость, и слезы
Дружба, ссоры, любовь и собака Динго.

Я прочла – и вспомнились школьные годы,
Как все чисто было тогда, как все было наивно.

Волнения и стрессы не украшают.
Бледнеешь, худеешь, глаза грустные
Но если бы из-за серьезного –
Ведь чаще волнуешься из-за всяческих глупостей.

Волнений и стрессов избежать сложно
Ведь жизнь все же не сплошное лето.
Но сегодня солнечно и не тревожно,
Так давайте радоваться дню этому

Солнечный зайчик бежит по лицам прохожих
Вот он на моем – но это меня не тревожит.

Кто-то машет руками, кто-то лицо закрывает,
А сердитый мужчина нещадно малчишек ругает.

Я пытаюсь поймать этот солнечный лучик руками,
Но он убежал за лицом старой дамы.

Пусть эта игра взрослых всегда раздражает,
Мне нравится – детство напоминает.

Какая нынче долгая зима.
Мне кажется полгода она длится.
Все дни окрашены лишь в серые тона,
Весеннее тепло нам только ночью снится

Луч солнца, чуть блеснувший из за туч,
Тотчас запрячется и свет его недолог...
Я тороплюсь домой – там ждет меня тепло,
Холодный мокрый день оставлю за порогом

Иногда просыпаешься с ожиданием чуда:
Что что-то особенное произойдет.
О чем мечтали, обязательно сбудется.
И с нетерпением каждый этого ждет

Но чудо порой как ни ждешь – не сбывается
Закончились сутки – а его нет.
Терять надежду не полагается –
Ведь ожиданием чуда живет человек.

Я пишу тебе и пишу
От тебя ни строчки, ни слова
Позабыв про гордость свою
Я пишу тебе снова и снова

Я звоню тебе и звоню,
Но в ответ лишь холодное: «Нету!»
Лучше честно скажи: «Не приду»,
Но не прячься трусливо где-то.

Я тогда перестану писать,
И звонить перестану тоже.
Постараюсь забыть я тебя,
Если кто-то мне в этом поможет.

ГЛЕБ МИХАЛЁВ

Казанский поэт. Родился в 1967 году в Кемеровской области. С 1984 года живет в Казани. Публиковался в российской и зарубежной периодике, коллективных сборниках. Печатался в альманахе «Слова, слова, слова».

Сергей Слепухин и Георгий Чернобровкин писали о нем: «Поэтический мир Глеба Михалёва открывается не сразу: постепенно, шаг за шагом, при вчитывании, ибо истинная поэзия темна... осознание своего существования достигается поэтом через преодоление "безъязыкости своей", через нахождение в себе "вороха мелодий, цвета и запаха", через особый дар прозрения"...

На один мотив: Казань

В тысячелетнем городе – зима.
Холодные двory. Февраль крошечный,
где «пазика» квадратная корма
болтается, как щепка, в струях снежных.
Где жизнь идёт. И скоро выйдет вся.
И не вернётся – хоть кричи... хоть спейся.
А тучи, что над городом висят –
тяжёлые, как паруса ахейцев...

«...вот объясни, ты чувствовал... хотя,
наверно, нет (какой же ты счастливый!),
что сзади по пятам идёт сентябрь
и как Малюта – всё глядит пытливо...

...а в голове – другие города,
дождавшиеся своего героя...
Москва – столица. А Казань – горда.
Как Троя.

...и бабье лето на твоём дворе
и ты идёшь ни в чём не виноватый.

А листья умирают на жаре,
как брошенные родиной солдаты...

...все мысли так нелепы и страшны...»

«Мне это ощущение знакомо.
Когда живёшь предчувствием войны,
пожалуйста, не выходи из дома...»

«Да брось ты! Мне давно всё нипочём!»
Вся похвальба куда-то испарится,
как только ночь тяжёлым кирзачом
наступит на татарскую столицу.
И кремль, и Зилантова гора
беззвучно под подошвою сомнутся.
И, снова умирая до утра,
я не надеюсь, в общем-то, проснуться.

очень маленькая кухонная поэма

1
вот чайник маленький лопочет о любви
сковорода ему, уверенная, вторит
на этой кухоньке кого ни назови
все о любви теперь, наивные, гуторят

и кран ворчащий, и картина над столом,
и полка старая, и самый гнутый вертел –
на этой кухоньке, напоенной теплом
все – о любви теперь
и только я – о смерти

2
там, за окном – Борис и Глеб
и улица дождём умыта
а здесь, на кухне – рис и хлеб
и прочие приметы быта
и если форточку открыть

ворвётся в комнаты цветущий
прохладный май. И может быть
проветрит этот дом, где – тучи

где чёрен чай и чёрен хлеб
а белый рис и белый сахар
ещё теряются во мгле,
наполненной полночным страхом...

3

однажды почувствуешь остро
так, словно под рёбрами – нож:
как суп из пакетика – просто
и очень невкусно живёшь

а жизнь (хоть сравнениям грубым
ты сопротивлялся всегда)
уходит по фановым трубам,
как всякая, впрочем, еда

и хмуришься, высоколобый
от мысли, что это – твой крест:
жить словно лапша из столовой
пока тебя время не съест...

4

...отыскивая потаённый смысл
в неторопливой чайной церемонии
как ложечкой чайнку ловишь мысль –
«стихи в поэте – косточки в лимоне» и
глядишь, как зайчик солнечный дрожит
придавленный тяжелым подстаканником
и тает жизнь – попробуй удержи –
как струйка пара над кипящим чайником...

5

во мне однажды кончится завод
и мой матрас меня переживёт

и я уйду. и шторы на окне
прощаясь, из окна помашут мне

стакану, умывальнику, игле
пускай легко живётся на земле

обидно только – всякая фигня
намного долговечнее меня

Акынское

1
едешь средней полосой
так светло и холосо
дождь идет и снег идет
и никто тебя не ждет
не читает не хочет
только ангел твой летит
где-то рядом наверху...
да нам татарам все равно от этого не легче

2
у меня больна жена
у меня больна страна
что-то мне на этом свете
не уютно ни хрена
сердце екает в груди...

знаю знаю господи
это присказка конечно
сказка будет впереди

3
нам акынам – все легко
пить кобылье молоко
над раздерганною жизнью
подыматься высоко
степью еду – степь пою

смертью еду – смерть пою
не гляди, Литература,
даже в сторону мою.

Тощий, словно карандаш,
и такой же деревянный...
Знаю – ты меня предашь,
знаю... Поздно или рано.
Что ты мне ни говори,
ни доказывай упорно...
Стержень у тебя внутри –
тонкий-тонкий.
Чёрный-чёрный.

Там, за окном – Борис и Глеб
и улица дождём умыта.
А здесь, на кухне – рис и хлеб
и прочие приметы быта.

И, если форточку открыть,
ворвется в комнаты цветущий
прохладный май. И, может быть,
проветрит этот дом, где – тучи,

где чёрен чай и чёрен хлеб,
а белый рис и белый сахар
ещё теряются во мгле,
наполненной полночным страхом...

Пока играет Вольфганг Амадей
я понимаю, что люблю людей.

И эта вот весёлая игра –
как яркий свет, как тонкая игла.

И тоненькой уколотый иглой
я становлюсь спокойный и не злой.

И верю – всё, что люди говорят
мне про тебя – всё выдумки и зря.

Ах, как чиста игла! Как ярост свет...

Но музыка всё врёт.
А люди – нет.

когда уже под небом серым
я окажусь не ко двору
я заболею эсэсэсэром
и от него потом помру

не то чтоб месть или расплата
но просто в памяти всплывёт
что он родил меня когда-то
и только он меня убьёт

ВАДИМ МОЛОДЫЙ

Родился, жил и работал в Москве. По образованию – врач-психиатр. Совмещал лечебную, научную и литературную деятельность, занимался психопатологией художественного творчества. Печатался в СССР и на Западе. С 1990 года живет в Чикаго Член Парламента сайта «Век перевода»,

ответственный за связи с авторами Западного полушария, член редколлегий журналов «Белый Ворон» и «Плавучий мост», главный редактор и издатель альманаха «Слова, слова, слова» (Чикаго–Москва).. В 2010 г. в чикагском издательстве «Art 40» вышла книга стихотворений Вадима Молóдого с иллюстрациями Б. Заборова. В 2013 г. издательство «Водолей» выпустило книгу стихотворений «Споры с Мнемозиной», в 2015 – книгу «Посвящения».

Ольге Шенфельд

Беспомощны земного языка
слова. Глядят усопшие поэты
на все потуги жалкие. Река
забвения течет. И вновь воспеты

все прелести иного бытия,
не видно ни луны, ни звёзд, ни солнца,
летает птица, ползает змея
и входит смерть в убогого чухонца.

В приюте, бесконечно одинок,
рыдая от отчаянья и злобы,
страдает мастер. Барщину оброк
не заменяет. Рвется из утробы

земли на волю рыцарь. Не сражён-
ный в ратном поле – дланью командора
повергнутый за всех неверных жён –
дурная жертва каменного вздора.

А в призрачной, заплаканной дали,
в стране туманов, за краюху хлеба,
слепой старик считает корабли,
стекающие с выцветшего неба...

Борису Молóдому

Мне еженощно эта сцена снится:
пророк упрям, рассудку вопреки.
Устало бессловесная ослица
ему речёт. Течение реки

уносит чёлн. Команда сушит весла.
В китовом чреве жарко и темно.
Веселый царь, прославивший ремесла,
в Европу рубит тусклое окно,

Любая власть, как руки брадобрея,
противна нам. Верней, тебе и мне.
Девичий стан, в исподнем потном прея,
опять в туманном движется окне.

Слезятся пьяниц крохотные глазки,
растоптан венчик из белесых роз.

Толпа чудовищ, вырвавшись из сказки,
исходит гноем злобы и угроз

Лэди Виктории Джейн

Из зеркала смотрит изысканный труп,
кидается век-волкодав,
безумный поэт, непорочен и глуп,
пихает как шапку в рукав

бесплодную шубу сибирских степей,
давно обмелевший Байкал.
Свисают тела с оголенных ветвей,
рыдает гармошка и кал

налип на сапог. Или это сапог
в него, не подумав, вступил.
Хрипит трубадур. Задыхается рог
и черви ползут из могил.

А мы не способны ни петь, ни терпеть,
ни думать, ни плакать, ни жить.
Хохочет палач. Развевается плеть.
Судьбы обрывается нить...

Борису Кокотову

Когда, ожив, тревожится строка,
последнее подыскивая слово,
и женщина за гранью сорока,
смеясь, пуститься в тяжкие готова,

когда и погубить, и позабыть,
принять и отказаться несподручно,
и тошно быть, и боязно не быть,
и скучно с жизнью, и со смертью скучно,

когда наедине с самим собой
не хочется. Точнее – невозможно.
Когда проигран выигранный бой,
и память озирается тревожно,

тогда, духовной жаждою томим,
я пару строчек вписываю в мим...

Сергею Александровскому

Давайте так: пусть слово дико,
но мне ласкает слух оно.
Девичий стан бредет безлико
и лезет в мутное окно.

Но мы предтеч не забываем,
иль это только снится мне:
лицо, как вымя под трамваем,
в туманном движется окне.

Придумать новое не в силах,
не в силах старое забыть,
мы ковыряемся в могилах,
а в чистом поле волчья сыть

пойдет направо – песнь заводит,
налево – сказку говорит,
и кот ученый рядом бродит,
и что-то странное твердит.

В бараний рог судьбою скручен,
он рвёт когтями тишину,
а волк, похмелием измучен,
тоскливо воеет на луну...

*Александру Сергеевичу, Фёдору Кузьмичу,
Арсению Ивановичу, Шарлю Пьеру и сэру
Артуру с земным поклоном.*

...поэт закрывает вежды,
и все же, ему близка
бессмысленная надежда,
безропотная тоска.

В печальной стране туманов
суметь ли найти уют?
Под бубны слепых шаманов
мне дело зачем-то шьют.

Игрой наважденья злого,
под тяжестью наввих чар,
нас тихие дети снова
пошлют добывать анчар.

Безрадостно и устало,
пронзённый стрелою дня,
пойду, где стаи шакалов
поют строку из меня,

пойду, (не грезит ли ухо,
стрелой отравлено дня?)
туда, где с косою старуха
ворчит строку из меня...

Александр Кузьменкову

Возможно, я не прав. Судьба моя
подсказывает: бунт всегда без толку,

и медсестра, ухмылки не тая,
воткнёт мне в вену ржавую иголку,

а санитары, дружно гогоча,
внесут в палату пьяного врача.

Врач на меня угрюмый бросит взгляд
и рявкнет: «Всё права качаешь, гад?»

И харкнет мне в лицо благую весть:
«Отвесь его в палату номер шесть!»

Виталию Кравченко

Ах, знакомый до слез Ленинград-Петербург,
до прожилок знакомый веселый хирург.

Он на лестнице черной мне вскроет живот
и швырнет потроха на гнилой эшафот.

А потом, развернувшись, мне всадит в висок
кем-то вырванный с мясом беззвучный звонок.
Чтобы я возвращаться сюда не хотел
и спокойно лежал в окружении тел.

И зловещему дегтю был искренне рад.

Ах, знакомый до слез Петербург-Ленинград...

Владиславу Пенькову

Всё чаще мне является во сне
мой кредитор, который должен мне.

И вижу я во сне и наяву,
что я не жив, хотя еще живу.

Что груз долгов моих мне не поднять,
что на меня наложена печать.

Меня зовут. Мне говорят – пора.
Неотличимо завтра от вчера.

Вокруг меня кольцо бесплотных рук,
но светел мрак, струящийся вокруг.

Мерещится в конце туннеля свет,
но нет туннеля. Света тоже нет.

И все равно, я знаю, это – так:
пусть мрак вокруг, но светел этот мрак.

Сергею Слепухину

Мне снова приходит пора умирать
и я выхожу на мороз,
и пьяный прохожий, еби его мать,
подносит мне венчик из роз.

Стуча каблучками, проносятся по
затопанной мной мостовой,
шалавы, укравшие пудру в сельпо,
и волчий разносится вой.

А в небе плывет невидимка-луна
и конь одичалый хрипит,
а по морю бродит седая волна,
и легкие душит плеврит.

Купец краснорожий, не весел, но пьян,
на тройке влетает в овраг.
Он в каждой девице находит изъян,
себе, одинокому, враг.

Угрюмый могильщик, забыв инструмент,
зубами корежит гранит,
и ловко поймав подходящий момент,
мгновенье под спудом хранит.

И вновь педераст за туманным окном,
под детские вопли и плач,
бежит, озираясь, при этом тайком
сухой пожирая калач.

А я на слепом выезжаю коне
к распутью неясных дорог
и вдруг открывается истина мне,
и я выхожу на порог,

и я без пальто выхожу на мороз,
и снова пора умирать,
и снова подносит мне венчик из роз
прохожий, еби его мать...

Елене Галат

Я снова стремлюсь в никуда ниоткуда,
не ведая жалости, боли и слез,
хрипит, задыхаясь, распятый Иуда
и прячет улыбку спасенный Христос.

И демонов грустных печальные лики,
и ангельских полчищ ликующей вой,
проклятья, мольбы и беззвучные крики
остались давно у меня за спиной.

Вот так и иду в никуда ниоткуда,
к своей равнодушен беде и судьбе,
готовый повиснуть в петле как Иуда,
не нужный давно ни тебе, ни себе.....

ЗАРИСОВКА

Н.А.З.

Младой пастух, забыв про свой рожок,
кусает ассирийский пирожок.

Лежат на полке бабкины клыки,
русалка выползает из реки,
в кустах овцу насилует овчар,
и пышет ядом дерево анчар...

Порхает в небе птица воробей,
в полете избавляясь от скорбей,
бегут цыгане шумною толпой,
чугунный хлеб повис над головой,

везет чуму корабль из дальних стран,
на землю опускается туман
и доктор, с выражением лица,
втыкает скальпель в ухаля-купца...

Вере Хорват

Бурлюк один не вытянет баржу.
Костер, туман, гадалки злые речи.

Я вдовьей кармы груз переложу
на голубьями засранные плечи.

А небесам на каменной руке
Приапа, скажем прямо, неприлично.

На сцене шут в павлиньем пиджаке
ревет и стонет, и хрипит привычно

под три аккорда томный старичок,
держать махину – тяжкая работа,

уходит в даль последний морячок
и узок брег. Два старых идиота,

сведя колени, лезут на Парнас,
толпа кухарок им с восторгом внемлет,

на трон садится пьяный Фортинбрас
и дивный гений в подворотне дремлет...

Поэт в России – больше, чем поэт.
Особенно, когда шутком одет.

АННА ПАВЛОВСКАЯ

Родилась в 1977 в Минске. Лауреат многих литературных премий. Печаталась в журналах «Новый мир», «Зарубежные записки», «День и ночь» и др. Публиковалась в ряде антологий России и Беларуси. Живет в Москве.

«Трагическая способность видеть и чувствовать за пределами этого мира, блестящий поэтический дар и невероятная интуиция делают Анну Павловскую одним

из самых интересных для меня современных поэтов».

Вадим Молóдый

ИЗ КНИГИ «ТОРНА СОРРЬЕНТО»

*спаси меня не знаю почему
и невозможно выдумать причину
зачем спасти идущего во тьму
когда ему светло невыносимо*

А. Павловская

Среди больной вспухающей зимы,
под лампой электрической бессонной
очнешься, пробужденье опаленный, –
стреноженный – и нервы сожжены.
Прислушайся, в опустошенном мире
младенец плачет, кашляет старик,
и кто-то так же ходит по квартире
явлениям и вещам равновелик.

Он так как ты опаздывал и рвался,
кружились шестерни в его глазах,
но вот он выпал и один остался,
и ходит бледный в клетчатых трусах.
Он кофе пьет и курит злой табак, –
хотя весь мир ему кричит с укором:
ничтожество, бессмысленный дурак! –
и он согласен с этим приговором.

Он снова в первый раз увидел сны,
он знает остров, где зарыты клады,

он – первооткрыватель тишины,
Колумб молчанья, жизни соглядатай.
Он как Рембо на пьяном корабле
лавирует среди зубчатых рифов,
к нему приходят Гоголь и Рабле,
ему Гомер рассказывает мифы.

И вот он тоже поднимает щит
и меч короткий достает из ножен,
и пыльной бурей Аполлон летит
и Афродита лезет вон из кожи...

памяти А.И. Кобенкова

Прекрасны ссоры, ревность, пересуды,
прекрасно невезенье и долги –
все это жизнь была и ниоткуда
сокровища сыпала в сундуки.

Меня из рук изменами кормили,
мои разлуки можно сдать в музей;
предательства любимых и друзей –
благословенны, потому что были
все эти люди радостью моей.

Крапива, обжигающая ноги,
мешающие дреме комары,
дождь, холод, непролазные дороги,
кошмары, одиночество, подлоги –
поистине бесценные дары.

Мне кажется, что в жизни нет изъяна
и нечего прибавить от себя, –
так повторяю, всхлипывая, пьяная,
с поминок уходя.

Вот так и доходят до ручки,
и я опустилась почти,

бездельница я, белоручка –
работы в Москве не найти.
Скитаюсь по улицам пыльным,
читаю «Записки жильца»,
везет деловитым и сильным,
румяным на четверть лица.
О что за субтильная бледность?
О что за мечтательный взор?
Я верила в честную бедность,
я думала – деньги позор,
я мыслила – правильно, дескать,
самой оставаться собой.
Во всем виноват Достоевский,
и даже, отчасти, Толстой.
Слепая! и то еще будет,
когда со страниц семеня,
богатые бедные люди
ногами затопчут меня.

О чем здесь речь? О шарфе, коньяке,
о песенке, как булочка, съедобной,
о комнате, о каждом уголке,
о запахе, о том что жизнь подробна.
Здесь кто-то жил, и в ящике трюмо,
припрятанное прочно под газету,
забыто драгоценное письмо
с мучительным усилением ответа.
Как часто вещи источают свет,
бьют молнии от них, гремят раскаты.
Должно быть, так мерцал во тьме конверт,
что не давал покоя адресату.
Притягивал, кричал до хрипоты,
светился непогашенным экраном.
О чем здесь речь? о чем не помнишь ты?
О чем ты будешь помнить постоянно?

Вокруг темно, но выделены мы
таинственным свечением из тьмы.
Все лишнее заботливо прикрыто,
все убрано, рыдайте пиэриды, –
здесь жизнь была – черна, необратима,
а вышла песня, амфора, картина.
Зеленый грот Сильвестра Щедрина,
терраса, сплошь заляпанная светом,
в проталинах полуденного сна
и виноградом в воздухе прогревом.

«Достоевский-интертеймент» представляет:
человека человеку убивает,
и не Божия суда боится даже,
а того чтоб не попасться в сбыте кражи.
Убивает человека человеку,
например, как Каппулетти бил Монтекку,
и цепляется убийство за убийство –
монтеккьячество идет за каппулийством.
Каин – Авеля, но это всем известно,
убивает жениха его невеста
за богатство, а жених ее за блядство,
убивает мальчик отчима в аббатстве,
убивает леди Макбет ради трона,
Гильденстерн и Розенкранц убьют за крону,
а нахохленный писака и дурак
убивает ни за что и просто так.

«Достоевский-интертеймент» представляет:
в человеке человека умирает.
В человеке, упакованной во фраке,
проступает зверь и хаос в древнем мраке,
выпирает – наподобие клеща –
динозавр челюстями скрежеща.
Это может быть и есть сверхчеловек –
ящер, выползающий на брег.

Это, вероятно, рай и есть –
океан двухклеточных существ.

Все ломается, рушится, рвется и тает.
Я к холодной бутылке тайком припадаю
за ответом на главный вопрос –
неужели все это всерьез?
Хорошо, что еще Ходасевич не умер,
жив Толстой, Пастернак, Батюшков не безумен.
В некой сфере, увитой плющом,
все мы живы, мы живы еще.
До истории, до истерии абсента,
до легенды еще, потому что легенда –
ядовитая примесь в крови.
Мы в раю. Мы в саду. Мы в пустынном квартале.
Справа залиты сумрачным светом любви,
слева – розовым светом печали.

Л.В.Костюкову

Эта мука и есть превосходство?
Превосходство? кого же над кем?
Эта каторга, это сиротство –
каста? допуск в особый тотем?
Кто меня обязал непрерывно
проворачивать строчки, ключи
подбирать, из судьбы терпеливо
животворные нити сучить?
Кто мне скажет, зачем это бродит,
как болезнь, воспаляясь нутром?
Это что? Из чего происходит?
и куда исчезает потом?

Никогда и нигде не свободна,
навсегда под надзором Господним,
в лихорадке от мизерных драм.
Ну так вот – эта боль превосходна.
Я ее никому не отдам.

спаси меня иначе я умру
беспомощно однажды по утру
от страха одиночества и боли
от никотина или алкоголя
я растворяюсь я почти никто
бесплотней снов черней галлюцинаций
едва держусь как пуговка пальто
готовая упасть и потеряться
спаси меня не знаю почему
и невозможно выдумать причину
зачем спасать идущего во тьму
когда ему светло невыносимо

Дневниковые заметки:
эта – то, а этот – сё.
Всем поставлю по отметке,
отомщу за все.

Что тут думать: гады, гады,
счастью – мрачны, горю – рады,
рады, гады, пожалеть,
надо сгинуть, умереть,
чтоб они сказали: «Аня,
любим, ждем, останься с нами».

...Предавали, убивали,
сплетничали... или нет?
Или в губы целовали,
или за руки держали,
не пускали на тот свет?

Как от тяжелого сна пробуждение –
март.
То, что живешь – это блажь, совпадение,
фарт.

Тропы утопаны, птицы раскиданы
кляксами с разных сторон.
Что ты стоишь со своими обидами
в черной метели ворон?
Ладно, иди уже дальше, красавица,
слезы стирая платком,
если весна тебя и не касается,
может, коснется потом.
Знаешь, бывает привяжется песенка:
глупый мотивчик простой.
Разве слова у нее интересные?
Голос не ахти-какой.
А не отвяжется, крепко приклеится,
будешь ходить-повторять.
Надо развеяться, надо надеяться,
надо платок потерять.

Играет труба в переходе
торжественно-праздничный куплет.
Я верила этой мелодии
неполных четырнадцать лет.
Я думала, въеду однажды
в столицу на белом коне –
народы как в пестром коллаже
приклеятся взором ко мне.
Мне будут дарить комплименты,
цветы дорогие дарить,
я стану гостить по Сорренто,
с Мартыновым шутки шутить.
Я стану метаться в Берлине,
растить в Переделкине фрукт...
Сплошным хороводом Феллини
за мною народы пойдут.
Но вот и мелодии нету
и надо бы бросить пятак,
за то что неправда все это
и сбудется вовсе не так.

...Русский лес – в смысле Данта:
поэтов-самоубийц.

Смерть – девочка на пуантах,
отточенный взмах ресниц,
десятая муза, фея
с эльфийским разрезом глаз,
лети на ладонь Орфея,
струи голубой атлас.

Учи его, чаровница,
своим бесподобным па,
черти на его деснице
отчетливое «судьба».

Он тоже считай не глупый,
чай, видит тебя насквозь
да только целует в губы
и думает, обошлось.

ВЛАД ПЕНЬКОВ

Владислав Александрович Пеньков. Родился в 1969 году. Член Союза российских писателей. Автор двух поэтических книг и ряда публикаций в российской и заграничной периодике. В настоящее время живёт в Таллинне. Своей главной работой считает работу над стихами.

Красота

Снова мучительно, снова не спится.
Что же мне делать с пустотами ночи?
Я перешёл через эту границу –
светлые мысли, пастельные очи.

Грустно? Не грустно. Оставим баранам
нежный фарфор и тоску о высоком.
В эти часы, в это утро-подранок
видишь, как, в общем-то, всё одиноко.

Видишь попытки чего-то такого,
что красотой называешь ты спьяну,
мир излечить поэтическим словом,
трелью заливистой на фортепьяно.

Только прошита кровавою нитью,
чеховской что ли, моя бородёнка.
Только твердит: "Вы меня извините"
литературы кассетная плёнка.

Слишком заезжена эта кассета.
"Я красота, но бессильна помочь вам.
Падают зёрна рецепта-завета
на каменистую вечности почву".

Дымные струи, тяжёлые тучи.
Бедные люди. Колочие травы.

Слабый, дрожащий, рассеянный лучик
то ли надежды, а то ли отравы.

Роща

"Повторяет всё тот же вопрос...."

Г. И.

Хочется тише и хочется проще,
хочется то есть намного нежнее.
Так в среднерусской какой-нибудь роще
сумрак колеблется, дышит, синеет.

Запах грибов и обрывки тумана,
скоропись дождика, ритмы покоя –
верно подмеченный взгляд Левитана
"Как ты дошёл?... Как случилось такое?"

Про жалость

Лезвие узкое-узкое
входит пониже соска –
травма привычная русская,
так себе травма – тоска.

Мне бы куда на Гавайи
или канарский песок,
слишком уж тут голодает
дятел, стучащий в висок.

Райского надо чего-то.
Есть же он где-нибудь – рай.
Пахнет и кровью и потом
родины древний сарай,

клетки хрущёвские спален.
Тут бы впиндюрить мораль.
Вырядить в тряпки морали
русское голое "жаль".

Жаль эти чёрные свалки
снега её мартобря.

Так – по-саврасовски – жалко,
может быть даже и зря.

Бруно Шульц

-1-

Вне прошлого и зелени обоев,
вне клавирина летних вечеров
услышишь звук старинного гобоя
и руки целовать себе готов

от нежности к чему-то неотсюда,
что вписана как дремлющий мотив
в кустарную керамику посуды
и всякий домотканый примитив.

Ты – весь внутри, а смерть стоит снаружи,
и этим обеспечивая фон,
роняет молоточки зимней стужи
на самых точных буквиц ксилофон.

Ни слова зря, ни слова больше мимо,
печально всё, всего на свете жаль –
горчит под слоем сахарного грима
ветхозаветной мудрости миндаля.

-2-

В сентябре мишура оперетты
и дождя небольшая интрижка –
это значит – закончилось лето,
это лета прочитана книжка.

Лето было почти что простое,
но с псаломною сутью черешен,
а сегодня – под лунной кистью –
холодок опереточно грешен.

Давит душу бессонницы обруч,
но (выходит бессоннице боком),

как чернила, густеет Дрогобыч,
наливается вечностью-соком.

В этом соке – креплёном и липком –
увязают на вечные веки
местечковая бабочка скрипки
и рома и еврей и пшеки.

Этот сок не разбавят осадки –
с ним уже ничего не случится,
он в глазах деревянной лошадки,
он – слеза на Господних ресницах.

Из пункта А

В самом деле – кому это надо?
Может быть, для спасенья души
ре-минорной тоской листопада
простыня подо мною шуршит.

Есть у этого длинное имя,
только я не врубаюсь в латынь,
но живу при постельном режиме,
полицейском режиме простынь.

Извиняю целующих небо,
ведь и мне его губы близки,
но имеет меня непотребно
непомерная сила тоски.

Кровь срывается, движется юзом
и идёт напролом наобум.
Это дело фиксируют блюзом,
начиная его с "Boom boom boom".

Это просто срывается нишпель.
Удивляешься "Я ещё тут?"
За окошком пернатые хиппи
намекают на новый маршрут.

В пункт Б

Когда-нибудь в недорогом отеле,
в каком-нибудь венгерском городке,
в прозрачном, словно стёклышко, апреле,
согласно начертанию на руке,

году в двадцатом, в двадцать первом веке,
успев заметить ровно перед тем,
что странные проходят человеки
по улице – в забавных канотье,

и как-то по-особенному нежно
на тросточках поблёскивает лак,
О да, необратимость неизбежна
и мрак вокруг и светел этот мрак.

По-крайней мере, различимы чётко –
оркестрик, выдувающий басы,
танцоры, выдающие чечётку,
и горожан торчащие усы.

И оркестрант, подмигивая мелко,
то бухая, то яростно звеня,
стучит по барабану и тарелкам,
смотря аметропично сквозь меня,

глядит на девочку. Огромною косою
обрамлена девчонки голова –
я всё же представлял тебя другою,
а ты, на самом деле, такова.

Вспомнить всё

Другу

-1-

Музыка уходит на закате,
табор обретает небеса.
В этой свежевымытой палате
перестань грустить по волосам.

Луч в окне дробится, словно с хрустом.
Как такое чудо упустить?
Оказалось, что с Марселем Прустом
вам – теперь – по общему пути.

Вспомнить всё. И больше не бояться
темноты. Не верить в темноту,
нет её и в вечности резвятся
точно так же – девушки в цвету.

-2-

Стало тихо. Радио умолкло.
Утром будет чей-нибудь визит.
И осталась только недомолвка –
ночи золотистый реквизит.

Радио молчит. Не слышно звуков.
И подушка мокнет у виска.
Понимаешь, что бывает скука
и её антонимом – тоска.

Медсестра кемарит, словно птица,
встрепенётся, головой качнёт.
И тоска стекает по ресницам,
на х/б б/ушное течёт.

Молчание

Ну что сказать, я тоже неимуш
и с каждым годом слышится всё глуше,
как в сумраке почти что райских куш
стучат о землю яблоки и груши.

Но что-то мне забыться не даёт –
я Богу своему не собеседник,
и расточил Он разговоров мёд
на слишком первых и совсем последних.

На лёд и пламя, на огонь и снег,
короче, по-любому, на ожоги.
Боль наяву и та же боль во сне –
узкие врата и дороги дороги.

А прочее – дешёвый алкоголь
и привкус отвращения и скандала –
быть может, у других сойдут за боль,
но у Него такое не каналю.

Передо мною тот же горизонт
и облака и те же обещанья.
Я неимуш, но всё же не на понт
берёт меня огромное молчанье.

ВАЛЕРИЙ СИКОРСКИЙ

Родился 4.10.52 в городе Находка, Приморский край.

Образование – среднетехническое.

Специализация – ремонт производственного оборудования.

Техник - механик.

Моё представление

Я рождением приморский.
Годы гроздьями висят.
Я поэт, поэт Сикорский.
Вот уже за шестьдесят.
Я наивен, мягок, холост,
недурён, не слишком прост.
У меня негромкий голос,
сивый волос, средний рост.
Я упрямец безнадежный,
в Бога верю, в случай – нет!
Вот такой, совсем несложный,
краткий мой автопортрет.

Синие горы сизая дымка
обволокла.
Между дерев извиваясь, тропинка
вниз пролегла.
В гору взбираясь застыл изваяньем
чарующий лес.
Горные кручи, тучи пронзая,
коснулись небес.
С грохотом диким, вдруг обрываясь,
несётся река.
Слышится пение, в страшном кипении,
издалека.
Воды несутся, не прекращая
стремительный бег,

брызги швыряя в лицо, повторяют:
"Ты жалок пред нами, ты слаб
че-ло-век!"

Мне конечно пригодилась
строевая подготовка.
А гоняли так, что с потом
шла кровавая слеза.
И сама уже стреляла
по врагам моя винтовка,
а я только улыбался,
да прищуривал глаза
и глядел и умилялся.
А из сталистого чрева,
по разряду по ранжиру,
как придворные пажы,
разлетались, разбегались,
гильзы – вправо, гильзы – влево,
примеряясь, приземляясь,
"Только – вжу! да только – вжи!"

Однажды узнав, что поэтом я стал,
ко мне любопытный товарищ пристал.
Он исподволь робко выспрашивал,
как долго я планы вынашивал.
Услышав, что это от бога,
взглянул недоверчиво, строго
и в небо бездонное глянул,
и в сторону молча отпрянул.

Талант – неотшлифованный алмаз.
И он горит – но только не для глаз,
порой кричит – никто его не слышит.
Не найден выход – он уже не дышит.
Запомни ты: коль веруешь в себя,
коли вошел в тебя тот дар небесный,

при неудачах не стелай скорбя,
а соберись и взвейся лучшей песней.
Но если не душа твоя поёт,
то ожидай хулы а не признания.
Людское сердце быстро узнаёт
души порыв и звуки лепетания.

О ладонь ладонью хлопнул
и пошел винтом,
сапогом о землю топнул,
гикнул, а потом
зачастил с носка на пятку –
играй гармонист –
и пошел, пошел вприсядку
под разбойный свист.
В дни любого лихолетья
русская гармонь
высекала словно плетью
из под ног огонь,
и с души тоску снимала,
и звала на бой,
и любого понимала,
и её – любой.
Раззудись душа и тело –
разойдись толпа –
враз рубаха разлетелась
прямо до пупа.
Только руки, только ноги,
только дикий свист,

так, что падал у дороги
оглушенный лист.

За рекой горят костры,
дымом стелят понизу.
Поругались две сестры,
две сестры поссорились.

Раньше дружно, хорошо
жили эти девицы.
Полюбили одного,
а любовь не делится.
То ли дымом ест глаза,
то ль глаза засорены –
две сестры стоят в слезах,
смотрят в «разны стороны».
Хорошо горит костёр
по небу полощется.
Ни одной из двух сестёр
уступить не хочется.
Над кострами ветер стих.
пламя в небо рвётся.
Все равно одной из них
уступить придётся.

"Шаганэ, ты моя Шаганэ"
Сергей Есенин

Я твоей Шаганэ не встречал.
Только, зная, похвалы заслужила.
Видно лаской твоей дорожила.
Может ей ты и сердце отдал.
Да и как персиянке твоей
не склониться пред златом кудрей.
Да и как, перед песней ночей,
не склонить, перед жаром очей,
головы персиянке твоей?
А рассказам про волос из ржи,
что как хочешь, на палец вяжи,
про луну, что огромней в сто раз,
про Рязань, что милей чем Шираз,
про раздолие сочных полей
как не внять персиянке твоей?
Шаганэ я твоей не встречал.
Песней мне ты о ней передал.

Может быть ты и сердце отдал
Шаганэ-персиянке своей.

Укажи ка мне судьба дорогу
по которой я ещё не шел
Мы пойдём тогда с тобою в ногу,
в те края, где красный диск взошел,
где большой простор и много света,
где бытуют разум и добро,
где хитрец у нищего поэта
не скупает мысль за серебро.

Не читаю я романы
в полуночной тишине,
где лихие дартаньяны
жизнь проводят на коне,
где имеют по полцарства
за невесту женихи.
Нет мне лучшего лекарства,
чем хорошие стихи.

РОМАН ФАЙЗУЛИН

(26 февраля 1986 – 10 апреля 2016)

*Родился в городе Стерлитамаке. Публиковался
журналах: Нева, Крецатик, Юность, Сибирские Огни,
Гвидеон, Новая Швейцария, "НГ-Exlibris", Бельские
просторы, Другие люди, Вокзал, Арт-шум,
Литературная газета, Альманах 21 века др. Был в лонге
Литературентгенна за 2007 г. Лонг – лист конкурса
ФлоридаКон(США) 2011 г. Финалист Илья-премии*

*2008. Участник 8 и 12 форумов молодых писателей в Липках. Форум молодых
писателей в Звенигороде 2014. Лауреат фестиваля «Молодой литератор
2009»(Нижний Новгород) Лонг- лист премии Дебют 2009(большая проза). Лонг -
лист премии Дебют 2010(малая проза). Лонг лист всероссийской премии
"Послушайте!". Лонг-лист Григорьевской премии - 2013. Финалист Илья-
премии 2014. Лонг-лист Международной литературной премии
им.И.Ф.Анненского.*

маленький бультерьер

мне снился маленький бультерьер
и я его очень боялся
пустыня попойка и сквер
и жизнь сквозь немые пальцы

и снег что похож на тюрьму
в которой все люди ослепли
ведущий их компас ко дну
и голубь оставленный в клетке

и был разговор обо всём
но мало кто знал что ответить
и ночью и утром и днём
ломались кленовые ветки

дно колодца

тихо падает мёртвый камень
дно колодца привычно к смертям

проклинаяющий небо и пламя
я иду по затёртым следам

и во мгле беспощадны морозы
не согреться с Тобой у костра
небо нынче мертво и беззвёздно
мир из проклятого серебра

я как Каин в одном и Авель
я как серый оплётанный лёд
даже музыка не спасает
и поэзия не бережёт

сквозь смех и камни стонущих пород...

сквозь смех и камни стонущих пород,
на переправе, где все люди тонут,
стоит упрямо истощённый взвод,
желая света или просто комы.

и воздух спёрт, а тина давит сверху.
глухие дети выпали из рук.
и огонёк далекий, ясный меркнет,
и доедает жизнь свою пастух.

он разменял надежду холостую
на потроха и иллюзорный дом.
слепой художник в сотый раз рисует
отвесную скалу на дне морском.

икона(М.М.)

храни в себе свою икону.
икона – Мать, икона – Хлеб.
но я рукой тебя не трону,
не подойду к тебе я, нет,

я не верю в жизнь до смерти,
а после и подавно я

не увижу,
только черти
и вновь зовущая змея.

о, если б знала ты, как страшно,
как жутко в вымершем строю.
вот здесь – на празднике вчерашнем
я вспоминаю жизнь свою.

и пробегает дрожь по коже,
застывший ворон спит во льду...
храни себя, ведь ты дороже
всего, что видел я в аду.

всё в чёрном мире так черно

всё в чёрном мире так черно
а белый мир давно растлился
растоптано ногой зерно
немытой и горят страницы

и образ скверный на стене
и я не жду давно попутки
о боже что за грязь во мне
не отпускает ни на сутки

то человеческий инстинкт
насиловать и размножаться
отправь меня в загробный мир
мне надоело с этим драться

я так устал что крутят порно
в кинотеатре блеклых дней
о прокажённый детством город
мой свет отравленных полей

кино больной земли

а потом мы плыли в поднебесье
но ни дьявола ни бога не нашли
я сидел в шатающемся кресле
и смотрел кино больной земли

умерли те двое истреблённых
что питались хлебом и водой
и в пустынном обожжённом поле
мир их обратился пустотой

тина горькая из провода сочилась
и песок сквозь пальцы исчезал
а земля по-прежнему крутилась
запирая пленников в подвал

выжжена жизнью земля (Машечке Малиновской)

выжжена жизнью земля
потомкам оставить нечего
обними ты меня
ангел в теле девичьем

я умереть не смог
храм оказался безбожен
дай кислорода глоток
ты одна только можешь

я постою и пройду
как и положено - мимо
останься в моём саду
самой живой и красивой

пусть неизменен вектор
свыше написан план
буду тебе заветной
лучшим из каторжан

буду сдыхать без влаги
петли вязать из петель
только не верь мне ангел
мне никогда не верь

боль этой жизни бездонна
бог извращён и раздет
и я негодай и подонок
просто увидел Свет

во всеуслышание молчит палач

во всеуслышание молчит палач
нет у него ни головы ни неба
меня квадратом чёрным обозначь
я каторжанин обнажённый беглый

и на камнях не вырастет цветок
жёлтая плесень тянет ржавый якорь
растёт полынь у выцветших дорог
нет в этом поле первородных маков

и дети здесь рождаются без глаз
в утробе старой прокажённой девы
нет света и тяжёлый пласт
гнетёт её поношенное тело

деревья выцвели деревьям всё равно
чего вы ждёте и куда хотите
звучит беззвучно омертвевшее стекло
не выдержав карающих открытий

за стеклом

по воде не ходил
по камням только ползал
и глотал чёрный ил
не надеясь на звёзды

был написан крестом
брошен в топку до кучи
мотылька за стеклом
отпусти и не мучай

пусть летит в никуда
всё равно жить так мало
мир из синего льда
грязь земли растоптала

слышишь
ветер затих
и внутри душно-колко
то невидимый крик
ледяного ребёнка

засыпает змея
разлагается слово
все простите меня
я устал быть виновным

ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ

Родилась во Львове. Закончила Университет, факультет романо-германкой филологии. В Австралии с 1998 года. В университете в Канберре защитила диплом по курсу "Психология". Работает психологом-диагностом в центре нетрадиционной медицины. Стихи пишет с 16 лет. В Украине печаталась в периодических и студенческих изданиях. Публиковалась в Мельбурне в местной, русскоязычной периодической печати и в сборниках, а также в Германии, в том числе в альманахе «Крещатик», в России – в газете «День литературы». Пишет на трех языках.

БАБУСІНА СКРИНЬКА

Присвята моїй бабусі Альбіні

Бабусіна скринька - човен сновидіння.
Часів історичних. Свого розуміння.
Накутники з міді, Замки філігранні,
В ній речі дбайливі, добротні, старанні.
І ковдра ошатна, бо було відкуди.
Намиста зі злота, ружанец з гранату.
І дотику того, і очі без блуду –
Відкриті у сині, немає осуди.
Бабусіна скринька часів давно-давніх.
Картечки в рамечках. Книжки стародавні.
Зі скури весь Гете.
– Ти внучка памнентай,
То вьенцей ніж злото. Віршами поєднуй

Життя, що на розі. Дивися на сліки..
Дай слово, що Гете з тобою навіки!

Знову таємність холодних кімнат.
Легкість фіранок прозорих ошат.
Тінь загубилася десь у кутках,
Видко сновидів загублений птах.
Поступи мірні дзигарка у тьмі.

Чиясь забутая сповідь ві сні.
Ніби статичність, а то є життя.
Чи єфемерність мого сприяття?
Скрипнули двері – холодная тінь
Вітром пролетів відпущений кінь.

А ТАМ МЕТЕЛИКИ ВЛІТАЛИ

На шибку вліті
Вони на виступ посідали
В пуделка квітів
Все облікалось
Іхнім взором
Калейдоскопним
А день канючив
Так поволі
Нерозторопно
Зійнявся вітер
І поблід змінився колір
Померкли плями на воді
І так поволі
То ряботінь
То рухи листя переходи
То день у течії своїй
Ось так проходив
Бо там метелики влітали на шибку вліті

МОЛИТВА

Помолися, любко,
Помолися мила.
Най тя гріх відпущу
Чорний дим кадила.
Най тя я поверну
До рідної хати.
Най теплом огорне
Тя старенька мати.
Помолися любко,
Небесам холодним.

Відпусти тягар весь
У світах голодним.
Ная тя сонце бавить
У ранках цнотливих.
Най тя щастя манить
Ув очах вродливих.
Помолися, любко,
Най тя легше буде...
І най тя спіткають
Тільки добрі люди.
І най тя обходить
Чорний день бідою.
І най та молитва
Буде ввік з тобою !

Я так маржила тими горами
Я відчувала як ти струшуеш на мене копицю снігу
з протягнутих долоней вітальної ялинки
Як той мороз зближує нас
У пошуках повені я зариваюсь в твої груди
відігріваючи закоцюрблені пальці
Відчуваючи всією суттю своєю
навіки вічні захищенність з усіх сторін

ALLEZ, ALLEZ

Allez, опять allez,
Как крик из детства.
Щелчок еще щелчок –
Глухая боль.
И крупы лошадей,
И барабанит сердце,
Глаза немой толпы
В круг собранных людей.
Allez, опять allez,
Живая пирамида.
Скользит брюшко змеи –
И ввысь Икар.

Высоко над землей
Несет ее Фемида,
По тонкой и стальной
Дрожащей бахромой.
Allez, щелчок, allez!
Рука немеет.
И холод по спине,
И снова боль.
Смешались свет и тень.
Толпа редет.
Отрывистый allez –
Над головой.

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент»,

«Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида»,

«Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон» и др.

В 2012 году вышла книга стихов и прозы «На костре своих строчек...»

В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...»

Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014г.,

Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г.

Юбилейная медаль журнала «Крещатик» 2015 г.

Есть миры, где мы не при делах,
О которых строим лишь догадки,
Где все черное отмыто до бела,
Все уравновешено и гладко.

Не было в истории у них
Авеля и Каина – двух братцев.
Мир наш с пылу с жару, как возник,
Был с гнильцой – не стоило и браться.

Не было в истории у них
Несуразных вавилонских башен.
Сколько мы настроили таких,
Возведем – и с башни палкой машем.

Все у них разумно, без затей.
Это мы, – сказать не бережемся:
«Боже мой, избавь нас от друзей,
А с врагом мы сами разберемся!»

Это мы, позвав: «Приди, владей!»
Возопим потом, кусая локти:

«Боже мой, избавь нас от вождей!» –
Тех, кому вострили сами когти.

Это мы – невольники, рабы,
Отданы любимым во владенье.
«Боже мой, избавь нас от любви!»,
От себя самих на самом деле.

Кубер-Педи

«Завтра не приходит никогда» –
Говорят добытчики опалов.
Жизнь – пустопорожняя руда
И опалов в ней чертовски мало.

Оттого и главное – копать,
Повезет – и жила попадетя.
В том и смысл, чтоб смысла не искать.
Как ни странно, что-то остается.

Кроме лабиринтов узких нор,
Вырытых в горячем кураже,
Рукотворных холмиков и гор –
Бесконечных кряжиков и кряжей.

Кроме прихотливости имен
Бузатеров против жизни постной,
Что обсели плотью каждый склон
И как Бог играют с Богом в кости.

Что-то поценнее, чем опал,
Красивей, чем черно-красный камень.
Все, что ты нашел, что потерял –
Это только то, что между нами.

Инстинкт

Очередь на *аккаунтере*, проще сказать – на кассе
У самого южного выхода, если смотреть на карте.

Кассирша по-неосторожности помидор уронила на пол
И он покотился в сторону, будто скакал на лапах.

Клиент – англосакс с бородкой – даже не шелохнулся,
И никто из стоящих в очереди к овощу не рванулся.
Пришлось кассирше (что делать?) выйти из-за прилавка
И, натужась, сердешной – достать его смуглой лапкой.

Что-то витало в воздухе, мешало врожденной прыти,
Связывало стоящих одной неразрывной нитью.
Истина жалась рядом, ступая тяжело на пятки –
Кассирша была в хиджабе – беременной азиаткой.

Действовала на нервы приклеенная улыбка,
И подступала горечь истины, падшей низко:
Жалко было до боли скрученных в свиток нравов,
И – что необратимо неприязнь сделалась правой.

Австралия

Твои касанья – ласки костолома
Ты завываешь за ребром оконным,
Опасным жаром на мое плечо
Расплавленным ложишься сургучом.
Мне по два раза меж рассветом и закатом
Весну сменяешь летом и обратно,
И выдаешь за местного гурУ
Хвостатого, большого кенгуру.
Кривишь ты губы – не похож и близко
Мой *конверсэйшен* на язык английский,
И то, что я считал страной безбрежной –
Всего лишь только нитка побережья.
Что у тебя останется в заводе,
Что между нами скрытно происходит.
Ты мне подружка от соседней справа,
Или девчонка пьяная из бара –
К ней не пробиться, чтобы рядом сесть,
И, разложивши пару многочленов –

То отделить направо, то налево, –
С ней вместе в эмпиреи улететь.

Леониду Михайловскому

Не заладилось, а был большой мастак,
На зеро!– пока в удачу веришь.
Заведу себе я рыжего кота,
Научу его, как отпирают двери.

Он мне будет про свое кошачье петь,
Мышь на завтрак приносить по дружбе.
Говорят, что память может ослабеть,
Наплевать – там столько вех ненужных...

Я как раз не против подзабыть
О просчетах, стычках, переделках.
Мне б мальчишкой хоть часок побыть,
«Пацаном», «сынком», «козявкой», «мелким».

Я бы с толком этот час провел,
Я, будь спок, тогда б не растерялся –
Перочинный ножичек завел
И с дружком, на память, разменялся.

Я еврей, говорящий на великом и могучем.
Который, не взирая на легкий налет шипящих неблагозвучий,
Позволяет мне в ритме стремительного аллегро
Высказать все, что я думаю по поводу моего соседа-негра,
Или моей соседки, имеющей дурную привычку всей массой
Выгуливать собачку прямо у двери, не отходя от кассы.
Что мне не нравится в русском языке? – Да, так, ерунда,
Сослагательное наклонение и слова *авось* и *получится как всегда*.
Зато есть в нем шикарные вещи, да не одна.
Например, слова *водка*, *хорошо сидим* и *ни хрена*.
В отношении меня трудно подобрать эпитет к слову «поэт» –
Русский, еврейский – да?, нет?
А, может быть, даже, и австралийский,

Я ведь здесь уже двадцать лет разбавляю виски,
И могу отличить эвкалипт от пальмы и коала от кенгуру.
Впрочем, самое лучшее – никак не вестись на эту муру.
Я еврей, говорящий на великом и могучем
И не вижу причин поменять его на чтонибудь получше.

Парад личностей

Ать-два-три, ать-два-три, в ногу шагает рота
Даже младший сержант в роте вовсе не Швейк, а кто-то
Даже ефрейтор Гитлер с одной тонкою лычкой
Изъят из тягучей массы, тянет почти на личность.
Хиппи расширили парад личностей за горизонты
Гребень на темени - давай чеши, дуй в авангарде роты.
Кожу прижизненно сдал внаем – чем тебе не пергамент –
Картиной примитивиста живи, словно в реке пиранья.
Серьгой литого золота в ухе грешили даже пираты,
Самый дешевый неадекват – первый встречный патлатый.
Самозванный ефрейтор – тот, кто себе сам изготовил шишку
Или совсем расхрабился и – накарябал «про это» книжку.

Одиссея

Норд-ост выпадает или зюйд-вест
Неважно – вали на случай.
Такой интерес к перемене мест
Неволи ничуть не лучше.

Билет, багаж и в аэропорт –
Прощанье без слез, без славы.
С вещами на выход и кончен спор
Пендалем от державы.

А выпало, значит – далекий зюйд,
Где пальмы и небо в перистых,
Вместо метели – бриз с моря дует,
И чиновник ласково щерится.

Улыбается, словно что-то нашел
(Картавый бы так зырил на буржуазию).
Им здесь, наверное, очень хорошо –
Повезло, что далеко от России.

О чем то скромном мне говорит –
Не догоняю со школой советской,
У меня же только факультативно иврит
Да еще со словарем немецкий.

Возможно, что-то насчет погоды
Вроде, у них так принято.
А мне придется еще с полгода
В ответ лишь: «Йес! Йес!». Вот именно.

Б.В

Словно падает снег – снегопадом идет листопад
И дурман-потаскун очумелыми строчками вторит.
Ты одень для меня свой любимый, парадный наряд.
Календарь, календарь, ты взбесился от праздников что ли.

Провоцируешь, дразнишь своим легковесьем одежд,
Выставляешь на свет все что есть, словно скарб ногорельца.
Черт с тобой, я согласен, еще не последний рубеж,
Не война, чтоб декабрь зарядить аргументом для немца.

Мы тебя пригласим, если хочешь, присядь за наш стол,
Станем шутки шутить, полнить влагой игристой бокалы,
Капать в кофе коньяк, но в умеренной дозе, а то –
Как бы нас всех троих не погнали в три шеи из зала.

Черные паруса в море у самой кромки
Два косых лоскута в дымке у горизонта
Хищные два клыка движутся в струях синих,
С берега видно, как – с потусторонней силой.

Где-то гнездовье ее – там, в голубой лазури
Вечная тайна бездн сводит с ума до дури.
Но сохранению ее парус далекий верен,
И остается вне тайны песчаный берег.

Обожаю свой город –
Он неисчерпаем, куда ни ткни указательным пальцем.
Я забираюсь в складки его и поры,
Каждая вылазка как секретная военная операция.

Марш, марш – куда капризный турист не потащится нипочем –
Слишком пресно, но ландшафтному лирику в масть:
«Мой дом – моя крепость» – это такой бином,
За который – хоть обоями торговать.

Встретится на тротуаре фрачный милорд –
Не верь, он скорей всего клерк из банка – совсем не Дон,
А в школе, что с виду, ну, чисто, Оксфорд,
Ребенка только тому и научат, что Англия – дом.

Но, говорят, здесь нередко случается (и это так здорово,
Значит о будущем моего города беспокоиться нечего),
Что та, которая является яблоком раздора,
После драки выбирает потерпевшего.

И здесь становится ясной (не выдумка – наяву!)
Простая как мычанье коровы истина – слушайте, слушайте:
Ведь революции случаются не оттого, что где-то плохо живут,
А оттого, что где-то живут получше.

А я никогда не отрачивал пейсы,
Но бабушка – Йоха, но дедушка – Ейшка...
(Родители – это другая заноза,
Но бабушка с дедушкой религиозные).
Я жизнь положил, чтобы их не стесняться,
Над ними, чтоб всем угодить, не смеяться,
Чтоб вспомнить, вздохнув, про их «кугел» и «шейку»,

О сладостях праздничных вязуше-клейких,
Припомнить их вещи с душком довоенным,
Что были на рынке предметом обмена,
Пасхальные рюмки с серебряной вязью,
Когда за столом все – из грязи да в князи,
Машинку с готической надписью «Зингер»,
Где платья тачались для Соньки и Зинки,
Чтоб вспомнить еще, кроме чая под сушку,
Как нежно они обожали друг дружку,
Как множились складки их лиц от такого,
О чем промолчали цека с синагогой.
Как смерть за полшага таскалась за ними
Косила вокруг, как колхозную ниву,
Как я прогибался, как было мне плохо,
Что дедушка – Ейшка, что бабушка – Йоха,
Каким был скупым на любые усилья,
Чтобы за это меня простили.

Так древнюю книгу хранят и лелеют,
Листают ее, а прочесть – не умеют.

МИХАИЛ ЯРОВОЙ

В Австралии с 1998 г. Родился в Москве в 1969 году, образование – высшее медицинское. Как автор и исполнитель песен неоднократно выступал в России (в "Гнезде Глухаря", "Библио-Глобусе", ДК "Рублево", "Фортосте в Лужниках", в программе "Авторская песня" на радио "Эхо Москвы" и др.) и в Австралии (в концертных залах, по австралийскому радио СБС, по мельбурнскому телеканалу "Спутник").

Автор публикаций в ряде русскоязычных изданий, включая журналы "Австралийская мозаика" и "Интеллект", литературные сборники "Уроки русского", "Встречи", "Под небом Австралии", "Со мною вот что происходит", мельбурнский альманах "Витражи", российский альманах "Поэт года 2011" и др. Творчество Михаила Ярового также представлено на портале "Русская литература Австралии", о нём неоднократно писала старейшая русскоязычная газета Австралии "Единение" и другие газеты и журналы.

Лауреат и дипломант различных литературных и бардовских конкурсов, среди которых – Грушинский международный интернет-конкурс (2014г.).

РЫЦАРЬ

Поход окончен и встречает замок
Прохладою плющом увитых стен
Коня и рыцаря. Текучий воздух сладок
И пробивается из-под холщовых складок
Чужое солнце, и доспехов плен

Окончен тоже. Разомкнутся ставни.
В окне – почти прозрачный силуэт,
Как в день отъезда, безвозвратно давний.
Забывтый образ, колыхнувшись плавно
В сознании, теперь – тупой стилет –

Лишь холодом обдаст. Слуге поводья
Хозяин бросит: "Что у вас с войной?
Турнир когда? Да не молчи, отродье!
Что там жена моя? Как там угодня?
А впрочем, ладно. Видел. Бог с тобой".

Зачем, зачем вернулся ты обратно
Из тех земель пустынных, в коих был
Живой стрелой, пока в угаре ратном,
У смерти посох выбив троекратно,
В гробах друзей себя не схоронил?

Где, восходя на горькие вершины,
Свой путь урочный с честью совершил –
С друзьями связан словом нерушимым,
Среди врагов прослав несокрушимым,
Ты сам вершиной стал среди вершин.

Где, прозревая, истинную цену
Не только фарсу бранному постиг.
Фирдоуси вкусив и Авиценны,
Преодолев черту портала сцены,
Из лож взирал на балаган интриг.

Где, от себя от прежнего всё дальше,
За шагом шаг – по звёздам, без дорог –
Стал нетерпим к слепым прожилкам фальши
В кристаллах душ. И что простил бы раньше,
Теперь себе простить уже не мог.

Что думал ты найти в родных пенатах?
Жену, к которой сердцем охладел?
В соседском замке пир? Охоту? В латах
Пустое щеголянье? Сон в палатах?
Нерыцарский для рыцаря удел!

Быть может, путь отшельника отныне
Твоё спасенье в праздной маете?
Уединишься, как Христос в пустыне,
Тревожа разум думами пустыми
И старя сердце в книжной духоте?

Не жди, не будет умиротворённых –
Ни бронзы дней, ни жемчуга ночей –
Пока в краях, тобою разорённых,

Униженных и всё ж непокорённых,
Горят планеты варварских очей.

Её очей! В них россыпью галактик
Мерцают угли рыцарской души –
Твоей души! Увы! Стратег ли, тактик,
Философ-теоретик, воин-практик,
Теперь ты – вечный пленник! И в глуши

Твоих поместий, и в столичном блеске
Одни и те же контуры – тюрьмы...
Решётки шёпот в каждом винном плеске,
Незрячим караулом дремлют фрески
Под покрывалом гибельной сурьмы.

И как дышать, когда всё в половину –
И жар огня, и воздуха слюда?
Как жить, когда вот-вот ударит в спину,
Высвобождая спящую лавину,
Хворь – экзекутор совести суда?

Надеяться на зыбкое забвенье,
Дурманом иссушающее мозг?
Летальное грозы прикосновенье?
Библейской катастрофы повторенье?
Исповедален плавящийся воск?

Не притупить – как после тяжкой битвы –
Опустошенья острые резцы.
И в мире нет ещё такой молитвы,
Чтоб сердце напоить бесстрастным ритмом,
Пока дымят сердечные рубцы.

Но есть рецепт – возьми перо и свиток,
За ночью день – смыкать не думай век –
По капле выплавляя дивный слиток –
Любви и смерти сплав – от подлых пыток
Уйдёшь по руслам стихотворных рек.

И, может быть – через века – однажды,
Вернувшись из похода, как и ты,
В попытке утоления той же жажды,
Я прикоснусь к ветрам твоим бумажным
И удержусь, не рухну с высоты.

Ноябрь 2013 – март 2016

Лауреаты и финалисты **Калибра 45**

**IV Международный ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС
Имени Георгия ЯРОПОЛЬСКОГО Сезон 2016**

Выбор редакции Альманаха «Витражи»

Алёна Асенчик (Асенчик Елена Фёдоровна) родилась в чудесном городе Витебске (Беларусь), со школьного возраста живёт в не менее чудесном Гомеле. Окончила Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, филологический факультет, где и работает на кафедре русского, общего и славянского языкознания. Стихи пишет с детства.

Печаталась в газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. Лауреат нескольких международных поэтических конкурсов. Любит осень, кофе и хорошую поэзию.

Улиточка

*Мне поведал старик-бедолага,
Как тропа превращается в путь.
(В. Д.)*

Время на кухне событий заварит кашу,
плотную: ложку воткнёшь – и застынет ложка...
Прячься, улиточка, в домик: снаружи страшно.
Ты ведь не веришь, что всё это понарошку?
Выкрикнешь «чур меня» - и сокрыта чуром!
Домик всегда с тобой, как вторая кожа...
Правда, реальность грозит обернуться чудом,
если ты домик покинешь и уничтожишь...
Ложку, другую, третью... Почуешь, кто ты,
если отдашь за это свои полцарства!
Знаешь ли ты, как путями становятся тропы?
Просто учишь терять – и тогда воздастся...

Не навсегда

Она верит:
Летать – это очень просто, главное – окрылиться.
Какое дело пространству, что ты не птица?
Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:
всё безопасней в тенётах его качаться...

– Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,
дерзкое, бесшабашное!?
Над замыслом покумекав,
мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:
Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!
Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
а солнце к закату стынет и будто вянет...
И мы парим – над розовыми церквями,
зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:
Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,
лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник – в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует
летящего
человека...

Она плачет:
Марк, но ведь летать – это счастье, да?!!
Да, говорит Марк. Если не навсегда...

Ты сочинишь...

...и вот однажды, чувствуя: не нужен
твой бред словесный и напев лиричный,
ты вылезашь – из калоши, лужи,
ты запираешь честным словом душу
и варишь крепкий кофе по привычке.
И долго им пытаешься согреться
(как будто можно внутреннее – внешним)...
О запертую душу бьётся сердце,
но ты умеешь рогом упереться,

не уступая слабостям сердешным.
И в час, когда с церковных колоколен
взлетают в небо ангелы и птицы,
и каждый звук – пронзительно бемолен,
и каждый сон – рассветом обездолен,
и падая – нельзя остановиться,
ты сочинишь распахнутые окна,
перешагнёшь запретную границу...
Душа взметнётся, обречённо охнув,
мелькнёт стены обветренная охра,
и Бог черкнёт в блокнотике: "Не птица..."

без времени

Ребёнок живёт без времени, прост и дик,
и мог бы поспорить с Вечностью – захоти он...
Так иностранец, осваивая язык,
обычно начинает с инфинитивов.
Так в каждом сне – безвременье, "здесь, сейчас,
всегда": и каждый ключ открывает Двери...
А явь, в бесплотное плотным своим сочась,
обычно начинается с недоверий
и с измерений: сколько, мол, быт и я,
соединившись, выдюжим в мире этом,
в котором время – длительность бытия,
а всё, что ЗА, как водится, под запретом?
И оттого – безвыходность, неуют,
игра вслепую: мы для судьбы – гомеры...

И ты, который не верил, что Там – живут,
теперь ты Там, без времени и без меры...

Причащённые осени...

Никаких претензий, Господи, что ты, что ты!
Ну, надежды разве что да фантазии.
Садись, не побрезгуй: у меня тут хлебушек, водка, шпроты.

И картошка. Правда, сырая. На балконе, в тазике.
Да не пью я, Господи, бог с тобою!
(ой потешно вышло, словно ты сам на сам, Господи)...
Я вот стопочку, под хлебушек – и закрою!
И не стану ныть: у тебя и так проблем с нами воз, поди!
Ох и сложные мы: всё у тебя что-то просим, просим.
Ты нам – нате, держите, мол, – яркие листья, небо эмалевое!..
Ты, поди, всё лето придумывал эту осень –
А мы опять у тебя лето вымаливаем...

А Бог знает, что кому-то нужны его вечера, расплывчато-акварелевые,
кому-то дороги утра, пряные, терпкие, словно чай анисовый.
И лишь порой, отчаявшись, Он в свой мир холодами выстреливает,
и к ногам причащённых снисходит, снисходит листьями...

Двум «империям» горожанка

Витебску, городу детства...

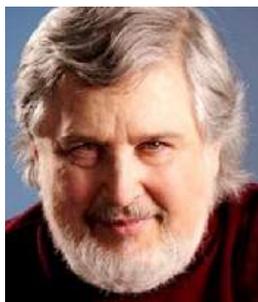
Золотистый рассвет пропах
ежедневным моим эспрессо...
Разгорается птичья месса.
Зреет солнце на куполах.

Старых улиц седую пыль
приминая с утра неспешно
и - по-бабушкиному "пешью" -
прохожу сквозь чужую быль...

Белой краской по кирпичам
(скрыть штрихи черновые дома)

мазал Витебск свои хоромы:
так запомнил его Шагал...

Я за ним, через сотню лет,
светлой тенью (и той не жалко!):
двум "империям" – горожанка,
чуть художница, чуть поэт...

Ян Бруштейн родился в Ленинграде в 1947 году. Живёт в Иванове.

Работал в областных газетах и на телевидении, преподавал в вузах (кандидат искусствоведения), руководил независимыми телеканалами. Стихи и рассказы печатались в журналах «Знамя», «Волга», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Дети Ра», «День и Ночь», «Крещатик», «Зинзивер», «Зарубежные записки» и во многих других изданиях в России и за рубежом – всего

более пятидесяти публикаций. Стихи входили во многие антологии, в том числе «Лучшие стихи года». Автор шести поэтических книг. Стихи переведены на украинский, белорусский, польский и английский языки.

Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра. Серебряный лауреат конкурса им. Н.Гумилёва, дипломант Международного конкурса им. М.Волошина, лауреат премии «Поэт года – 2013»

И никому не верил на Земле

1961-й

В четыре – очередь за хлебом,
И там встречали мы рассвет.
Я был худым, большим, нелепым,
Тринадцать лохматых лет.
Старухи, завернувшись в шали,
Приткнули плечики к стене.
Они, как лошади, дремали,
Не помышляя обо мне.
Похмельный инвалид Володя
Гармошку тихо теребил
И крепко материл уродин,
Кто в этом всём виновен был.
С подвывом он кричал, и с болью,
Обрубок давешней войны,
Что загубили Ставрополье,
Былую житницу страны!
Я дома повторял: «Вот гады!..»
Но стыд взрывался горячо:

Я ж помнил мамину блокаду
И папин Невский пятачок.
Горбушку посолив покруче
И крошки слизывая с рук,
В окно смотрел я на могучий
И равнодушный к нам Машук,
Мычал фальшиво Окуджаву,
Стихи лелеял в голове...

Кончалась оттепель в державной,
Пока неведомой Москве.

Сухари

А бабушка сушила сухари,
И понимала, что сушить не надо.
Но за ее спиной была блокада,
И бабушка сушила сухари.

И над собой посмеивалась часто:
Ведь нет войны, какое это счастье,
И хлебный рядом, прямо за углом...
Но по ночам одно ей только снилось —
Как солнце над ее землей затмилось,
И горе, не стучась, ворвалось в дом.

Блокадный ветер надрывался жутко,
И остывала в памяти «буржуйка»...
И бабушка рассказывала мне,
Как обжигала радостью Победа.
Воякой в шутку называла деда,
Который был сапером на войне.

А дед сердился: «Сушит сухари!
И складывает в наволочку белую.
Когда ж тебя сознательной я сделаю?»
А бабушка сушила сухари.

Она ушла морозною зимой.
Блокадный ветер долетел сквозь годы.

Зашлась голодным плачем непогода
Над белой и промерзшею землей.

«Под девяносто, что ни говори.
И столько пережить, и столько вынести».

Не поднялась рука из дома вынести
Тяжелые ржаные сухари.

Прадед

Мой прадед, плотогон и костолом,
Не вышедший своей еврейской мордой,
По жизни пер, бродяга, напролом,
И пил лишь на свои, поскольку гордый.
Когда он через Финский гнал плоты,
Когда ломал штормящую Онегу,
Так матом гнул – сводило животы
У скандинавов, что молились снегу.
И рост – под два, и с бочку – голова,
И хохотом сминал он злые волны,
И Торы непонятные слова
Читал, весь дом рычанием наполнив.
А как гулял он, стылый Петербург
Ножом каленым прошивая спьяну!
И собутельников дежурный круг
Терял у кабаков и ресторанов.
Проигрывался в карты – в пух и прах,
Но в жизни не боялся перебора.
Носил прабабку Ривку на руках
И не любил пустые разговоры.
Когда тащило под гудящий плот,
Башкою лысой с маху бил о бревна.
И думал, видно, – был бы это лед,
Прорвался бы на волку, безусловно!..

Наш род мельчает, но сквозь толщу лет
Как будто ветром ладожским подуло.

Я в сыне вижу отдаленный след
Неистового прадеда Шаула.

Сапожник

Маленький сапожник, мой дедушка Абрам,
Как твой старый «Зингер» тихонечко стучит!
Страшный фининспектор проходит по дворам,
Дедушка сидит, но трудится в ночи.

Бабушка – большая и полная любви,
Дедушку ругает и гонит спать к семи...
Денюжки заплатит подпольный цеховик,
Маленькие деньги, но для большой семьи.

Бабушка наварит из курочки бульон,
Манделех нажарит, и шейка тоже тут.
Будут чують запах наш дом и весь район,
Дедушка покушает, и Яничке дадут.

Дедушку усталость сразила наповал,
Перед тем, как спрятать всего себя в кровать,
Тихо мне расскажет, как долго воевал:
В давней – у Котовского, а в этой ...
будем спать...

Маленький сапожник, бабуле по плечо,
Он во сне боится, и плачет в спину мне,
И шаги все слышит, и дышит горячо,
И вздыхает «Зингер» в тревожной тишине.

Ерофей Павлович

Сбежать бы туда, где снег опаловый,
Где сосны такого роста, что голову держи,
Там станция есть, Ерофей Павлович,
Высокое небо, низкие этажи.
Мимо, мимо, на Амур везли меня,
А потом – обратно, хорошо, что головой вперед.
Три дня здесь стояли – забита линия,
И любопытствовал местный народ:

Что за вагон, гудящий стонами,
И, хотя нам не велели высовываться из ок'он,
Понесли пирожки – корзинами, молоко – бидонами,
А то и самогон, замаскированный рюкзаком.
Санитарка Полинька, с округлой речью,
С маленькой намозоленной рукой,
Говорила мне: «Пей молоко, еврейчик,
Поправляйся, а то ведь совсем никакой...»
А я мычал, не справляясь со словом,
Я нащупывал его онемевшим языком,
Я хотел ей сказать много такого,
С чем ещё и не был толком знаком.
В мешковатом халате тоненькая фигурка...
Вот и дёрнулся поезд, и все дела.
Под мостом бормотала блатная река Урка,
Что-то по фене, молилась или кляла.

Сестрорецкое

В забубенном Сестрорецке, возле озера Разлив,
Я свое пробегал детство, солнцем шкурку прокалив.
Там, где Ржавая Канава, там, где Лягушачий Вал,
Я уже почти что плавал, далеко не заплывал.
Эта финская водица да балтийский ветерок...
Угораздило родиться, где промок я и продрог,
Где коленки драл до мяса – эту боль запомнить мне б -
Где ядреным хлебным квасом запивал соленый хлеб,
Где меня жидом пархатым обзывала шелупня,
Где лупил я их, ребята, а потом они – меня.
Только мама знала это и ждала, пока засну...
Я на улицу с рассветом шел, как будто на войну.
Чайки громкие летали, я бежал, что было сил,
Со стены товарищ Сталин подозрительно косил...

Сам себя бедой пугая, сбросил маечку в траву,
Приняла вода тугая, и я понял, что плыву!
Непомерная удача, я плыву, а значит – жив...
Называлось это – дача, детство, озеро Разлив.

Плацкартное

Единственный из проклятого рода,
Плевал в колодец и не дул на воду,
И никому не верил на Земле.
Он заплатил за блатю-полицая...
Не разглядел тогда его лица я
В плацкартной ненасытной полумгле.

Он говорил, не мог остановиться,
И бился голос как слепая птица –
Казалось, что расколется окно.
Он говорил о лагере, о воле,
И я, пацан, объелся этой боли,
И словно бы ударился о дно.

Цедил слова он, бил лещом по краю
Нечистого стола. И, обмирая,
Смотрела злая тётка на него.
Он пиво пил, и нервно цыкал зубом,
И тётке говорил: «Моя голуба...
Не бойся, я разбойник, а не вор!»

Он растворился в городке таёжном,
И все зашевелились осторожно,
Шарахаясь от встречного гудка.
И пили водку, хлеб кромсая ломкий,
И только мама плакала негромко,
И говорила: «Жалко мужика...»

Сергей Пагын
Единцы, Молдова

Родился в 1969 году в молдавском городе Единцы в семье служащих. После окончания пединститута работал в районной газете. С 2000 года является главным редактором регионального периодического издания «Норд-инфо». Стихи публиковались в молдавских изданиях, в газетах «Литературная Россия» и «Литературная газета», в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Дети Ра», «День и

ночь», «Юность», «Москва», «Зарубежные записки», в сетевых литературных журналах, в антологиях «Современное русское зарубежье» (Москва), «Поэзия третьего тысячелетия» (Берлин), в «Антологии Григорьевской премии» (Санкт-Петербург).

Финалист и дипломант международного конкурса имени Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2010 г.), лауреат премии «Молодой Петербург» (2011 г.).

Автор стихотворных сборников «Обретения», «Прогулка в ноябре», «Сверчок в радиоприемнике», «Перед снегом», член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Живет в г. Единцы (Молдавия).

* * *

Такая во сне уязвимость,
как будто бы сняли с меня
ладони Божественной милость
среди бесконечного дня,

в котором ни ветки, ни птицы,
ни тёмного дома вдали...

Но можно и здесь заручиться
угрюмой поддержкой земли.

Но можно и здесь надышаться
игольчатым воздухом впрок,
на гиблом ветру удержаться
за светлый репейный комок,

его золотые ресницы
в руке шевельнулись моей,

чтоб в линию жизни вцепиться,
не дав улетучиться ей.

* * *

Из какого глядим мы покоя,
если в злой суете бытия
вдруг на нас налетает такое:
«Боже мой, что здесь делаю я?!»

Из какой тишины безмятежной
слышим гам у базарных ворот,
лай собак, одинокий неспешный
захолустного времени ход?

Значит, кто-то берёт нас легонько
в чудотворное небо своё
на секунду нездешнюю, только
нам до смерти хватает её.

Голем

...А на лбу у него светится слово «ЖИЗНЬ»,
в голове – стекляшка, в груди – лоза.
– Вот слеплю, и будет он нам служить, –
говорит мне сын, тревожны его глаза.

– Будет нас спасать от любой войны,
будет гнать подальше от нас беду.

– Саша, сколько света и тишины
вон, в апрельском облаке и в саду.

Дался тебе этот глиняный истукан!
Вон, перо спускается по лучу...

Ухожу.

Наливаю вина в стакан.

И курю, и думаю, и молчу.

Сказочка про пулю

Пулю, в сердце выпущенную из ствола,
озарило вдруг, что она – пчела,
что лететь назначено ей Творцом,
а не тем, кто форму залил свинцом,
кто спустил, не дрогнув, тугой курок...
И летит она, потому что срок
сквозь тишайший воздух,
домашний дым
ей нестись к подсолнухам золотым,
пить нектар, возиться в сухой пылице,
и затихнуть вечером на крыльце –
на летке родимом в косых лучах,
чуя запах мыла, сырых рубашках
со двора, где после дневных сует
все за стол садятся,
и смерти нет.

* * *

Он говорит, смотря на осенний куст:
«Листья везде опали, а этот себе горит.
Воздух окрестный тёмный уже и пуст,
а здесь, на холме, свет-то какой стоит!

Словно со всей округи кто-то принёс свечей
и язычков печного трепетного огня.
Словно бродил я долго где-то среди ночей,
и подошёл к окну дома, где ждут меня.

Будет мне в нём светло, буду я в нём любим,
будет совсем не страшно
вслушиваться в темноту».

Он отворяет куст, входит, чтоб вместе с ним
жить от листа к листу.

* * *

И в слово лёгкое вместишь ты напоследок
косматый промельк придорожных веток,
на пальце мёд и варезку в снегу...

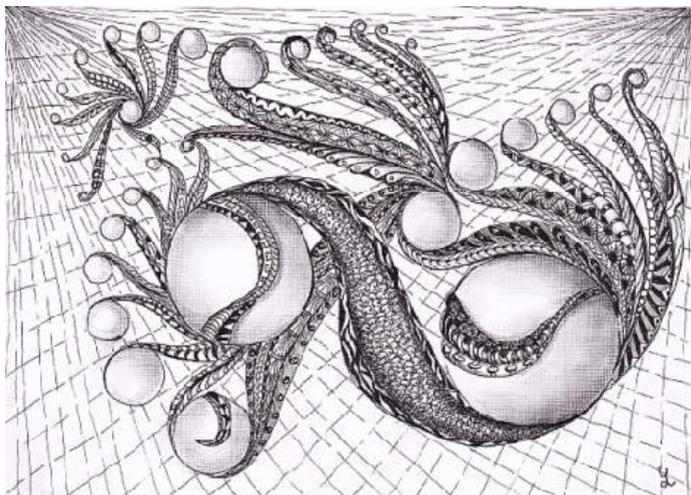
Куда-то вдаль над местностью печальной
оно плывёт ладьёю погребальной,
а ты в траве сидишь на берегу.

Но будет день и будет ночь кривая,
и ты пойдёшь, пути не разбирая,
водой ли, глиной, воздухом во мгле.

А там зима растёт из рукавицы,
и снег встаёт, и вспорх синичий длится,
и твёрдый мёд сияет на столе.

ПЕРЕВОДЫ – PEREVODY

Редактор - Наталья Крофтс

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

Родился 18 июня 1950 года в Москве. До отмены в СССР цензуры печатался как поэт-переводчик; опубликовал множество переложений из Китса, Уайльда, Киплинга, Рильке, Рембо, и других. В 1990-е годы подготовил к печати четырехтомную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», трёхтомное собрание сочинений Георгия Иванова и многое иное. В 2003 году создал сайт «Век перевода»

(www.vekperevoda.com), в 2005 и 2006 годах издательством «Водолей Publishers» по материалам сайта изданы антологии русского поэтического перевода XXI века – «Век перевода». Лауреат премии «Серебряный век» за 2014 год, эксперт Союза переводчиков России, поэт, переводчик, романист, главный редактор издательства “Водолей”. Живёт в Москве.

РАДЕН МАС НОТО СУРОТО

(1888-1951)

Принц одного из благородных домов Джокьякарты (остров Ява). Поэт, писатель и журналист из Ост-Индии (ныне Индонезия). Он внёс значительный вклад в литературу на голландском языке, исследуя новые литературные темы и сосредоточив внимание на коренных народах островов Малайского архипелага.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевел этот цикл, наверное, потому, что хотел доказать: индонезийская литература на голландском языке в первой половине XX века была жива-здорава.

Идея цикла "Театр ваянг" навеяна чтением известных мест в "Государстве" Платона, где мир сравнивается с подземным склепом, который открыт с одной стороны. От нее внутрь падает свет, таким образом тени проходящих созданий, отброшенные на противоположную сторону, также и тени обитателей, которые всю свою жизнь, повернутые спиной к свету, закованы в кандалы, не имея возможности поворачиваться. В целом идея вполне согласуется с техникой представления ваянг.

Разница в том, что мир платоновской идеи представляется сквозь реальность, располагающуюся за темницей, в то время как в представлении ваянг, как символе «саморазделения» божественного Бытия, этот мир согласуется с той

стороны ширмы, где даланг сидит посреди разноцветных кукол ваянг и звукового моря инструментов гамелана.

Яванская пословица гласит: «послушны марионетки Кукловоду [Далангу], Кукловод послушен [путями знания] марионеткам», иначе говоря, "управлением в гармонии нашим сокровеннейшим знанием управляем мы в свободе и в то же время покорствуя высшей Воле, что есть выражение, данное вышней красоте, красоте управления».

Примечания (выношу перед текстом, иначе тут ничего не понять):

Ваянг – яванский театр теней

Даланг – актер (кукольник) за ширмой ваянга

Бленчонг – лампа, подсвечивающая лампу ширмы ваянга

Пандава – пятеро сыновей Панду, прародителя героев, которые в мифах ваянг изображаются красивыми и добрыми.

Данава – гигант или демон

Отмечу, что в малайском (индонезийском) языке ударения в словах заметной роли не играют.

ТЕАТР ВАЯНГ

Антону Зеллингу

I

Мой маленький даланг, ты все не спишь,
 За ширмой двигаешь марионеток,
 Поешь за них среди гвоздичных веток –
А в мир уже сошла ночная тишь.

Будь умницей в сей поздний час, мальш,
 Довольно игр: узнай, что только этак
 Ты выучишь ваянг для однолеток,
Когда заснуть скорее поспешишь!

Я помешал тебе, но высший гений
 Даланг Великий, делатель добра,
 Спокойствует с утра и до утра.

Мы перед ним проходим, – тоже тени, –
 Не ведая, пора иль не пора,
 И нравится ль ему сия игра..

II

...Отец, ужели это лишь забавы?..
Могучий кшатрий вышел на экран –
И вот повержен грозный великан:
Пленительны страницы древней славы.

Смотри, как благородные Пандавы
Идут на тех, кто злобой обуян,
Бой проиграет здесь любой смутьян,
Смирятся побежденные Данавы.

Даланг, и я играю роль свою,
Спекталь прекрасен, но не безобиден,
И смысл его мне в будущем не виден:

Что ж участи своей не познаю?
Приди, ответ, возникни и воскресни
В морской, в земной, в простой, в сердечной песне.

III

За ширмой куклы, спавшие досель,
Земное притяжение отринув,
Взлетают выше горных исполинов
И покидают брэнную скудель.
Бросает гамелан за трелью трель
И, струны прямо в синеву закинув
Под крики перепелок и павлинов
Бамбук поет, как нежная свирель.

Идет спектакль, заранее известный,
Он прославляет все, что есть вокруг –
Любое чувство, запах, цвет и звук;

Бленчонгом озаряем свод небесный,
Не обратить повествованья вспять, –
И я сюжета не могу понять.

IV

Даланг великий! Этот мир наземный
Ты ширмой рассекаешь пополам,
И в нем границей всем людским делам
Твоя любовь стоит стеной тюремной.

Мы дни влачим в неволе подъяремной,
Мы недоступны бурям и ветрам,
Наружный свет не входит к нам во храм,
Здесь мир наполнен смутю никчемной.

Да, я – слуга, а ты – мой Господин:
Сколь свет наружный от меня не засти,
Меня собой ты делишь на две части.

В первоначале я с тобой един,
Беды не ожидая и напасти,
Я счастлив тем, что у тебя во власти.

V

Даланг приют предоставляет мне
Его чертог прекрасен и ухожен;

Мой скромный быт отлажен и несложен,
В нем есть покой, а суета – вовне.

Мне света здесь достаточно вполне,
Я сумрак покидать не расположен.
Весь чуждый мир экраном отгорожен,
А здесь – лишь песнь Даланга в тишине.

Я вечный пленник сей духовной жажды:
Она продлится множество веков,
Без отступлений, без обиняков.

Пускай мой путь останется таков;
Покуда ото всех земных оков
Не буду я освобожден однажды.

VI

Я в сердце эту землю заберу,
И свет и тьму предвижу я заране:
Ваянг старинный, куклы на экране,
Доставят людям радость ввечеру.

Я перед тайнами теней замру,
Отброшенными куклами на ткани,
И счастлив буду, чуть на гамелане
Начнет оркестр волшебную игру.

Даланг Великий, сниди, посочувствуй,
Внимать позволь, в восторге обомлев,
Чтоб я душой услышал твой напев.

Пусть я забуду, что такое гнев,
И припаду, рассудком посветлев,
К возвышенному твоему Искусству.

VII

Владыка ль ночи ты, владыка дня,
Дневное затмеваешь ты светило,
Что человека к жизни пробудило,
Пусть он живет, твой блеск в себе храня.

В себе я тоже слышу власть огня:
Твоя безмерная мысленная сила,
Ты – таинство для всех, для всех – мерило;
Я знаю, ты и в смерти ждешь меня,

Я изможден, но стражду благостыни.
Ты – Солнце, вышний символ горней сини;
Я пребывать в тебе хочу отныне.

Сияй же надо мною, синий кров,
Ты, лучший дар из всех земных даров,
Ты, Движитель всех мыслимых миров!

Перевод с голландского Е. Витковского

ОЛЬГА КОЛЬЦОВА

Родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ. В периодических издания печатается с 1978 года, как поэт – с 1987 года. Поэтические произведения О. Кольцова печатала, в основном, на Западе: филаделфийский альманах «Встречи», нью-йоркский «Новый журнал», журнал «Новый берег», издающийся в Дании. С конца 1980-х годов занимается переводами. Публиковала переложения с немецкого (В. Буш, А. Маргул-Шпербер, В. Айхельбург) и английского (Р. Фергюссон, Дж. Китс, О. Уайльд, Р. Киплинг, Л. Кэрролл,

Р. Саути), а также стихи современных поэтов Индии.

Автор книги стихотворений «Несвобода» (2007). Лауреат литературной премии «Серебряный век» (2008). Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

ОСКАР УАЙЛЬД

(1854 – 1900)

*Стихи из единственного поэтического сборника О. Уайльда, представляемые читателю, входят в раздел *Rosa Mystica* (Мистическая роза). Они навеяны путешествиями в Италию, которую Уайльд впервые посетил летом 1875 г.*

Особо хотелось бы подчеркнуть, что в этот период Уайльд находился на грани перехода в католичество; в письме Уильяму Уорду, написанном в начале 1877 г., Уайльд признается, что «поддался обольщению жены, облаченной в порфиру и багряницу, и, возможно, перейду в лоно Римско-католической церкви» (чего, впрочем, никогда не осуществил).

От переводчика

СОНЕТ, НАПИСАННЫЙ НА ПОДСТУПАХ К ИТАЛИИ

И вот я в Альпах. Именем твоим,
Италия, тобой душа объята.
Земля, которой бредил я когда-то,
Куда так влекся, грезю токим.

Обласканный случайно пилигрим,
Историю листаю непредвзято.

День догорал. От свежих ран заката
Лазурь дымилась золотом литым.

Волной волос ласкалась хвоя пиний,
Бутонов разрывалась кожа,
И сад кипел от молодого цвета.

Но сердце сжалось, памятью задето:
Там, в Риме, - прах распятого Петра.
Италия, твой горек блеск отныне.

Турин

САН-МИНИАТО

Я одолел высокий склон.
Здесь, в серафических просторах,
У Божьих врат, на горних створах
Сонм ангелов изображен.

И Приснодевы светел лик.
В изножье – полумесяц лунный,
Души заполнены лакуны,
И смерть желанна в этот миг.

В Тебе – Сыновних терний боль,
Жена в лазурном покрывале!
Устало сердце и едва ли
Земную воспоеет юдоль.

В Тебе – Сыновний брезжит свет,
Внемли же грешному, покуда
Душа не встала из-под спуда
Впустую проведенных лет.

AVE MARIA GRATIA PLENA

Явил Себя Он. Я же, как дикарь,
Зевеса блеск и славу заклинаю,

Всё ждал, что в золотом дожде Даная
Очам моим предстанет, словно встарь.

Казалось, до сих пор вдыхаю гарь
И вижу вновь Семелу в страстной дрожи,
И молний след, испепеливших ложе -
Желанья дерзновенного алтарь.

Так грезил я средь древних базилик,
Но таинством Любви повергнут в прах,
Был возрожден причастностью святыне:

Девический, еще бесстрастный лик,
Холодный крин у ангела в руках
И белокрылый голубь на притине.

Флоренция

ИТАЛИЯ

Повержена, но преображена, -
Землей твоей шагают батальоны
До Сиракуз от северной Вероны, -
Опальная, но гордая жена.

Былым богатством ты озарена,
В три цвета - красный, белый и зеленый
Одет в лагуне ветер окрыленный.
Тебе иная участь суждена.

Бесславен блеск, краса твоя заклята,
Миропомазанника трон остыл,
И вдовья столица в поруганье.

Ужели, Небо, тщетно упованье?
Во пламенах грядущий Рафаил
Испепелит возмездьем супостата.

Венеция

СОНЕТ, НАПИСАННЫЙ НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ В ГЕНУЕ

Я шел скалистым берегом вдоль моря.
Под солнцем апельсинов кожура

Была светилу младшая сестра.
Пичуга пронесилась, ветру вторя,

Сметая лепестки, тропу узоря.
Нарциссы, словно слитки серебра,
Мерцали из цветущего ковра.
Резвились волны. Жизнь не знала горя.

Вдали послушник напевал свое:
“Христос, Марии сын, во гробе мертвый.
Приидет к телу всякий, кто скорбит...”

О Светодавче! Эллинский зенит
Твоей в душе повыжег знаки жертвы:
Венец. Распятые. Воины. Копье.

РИМ ВОЖДЕЛЕННЫЙ

1.
Прозябнув, налилось зерно, -
Свершился дней круговорот.
Вдали от северных широт
Дышу Италией давно.

Пора в далекий Альбион,
Пора в туманные края.
Но солнце, небосвод края,
Семи холмам несет поклон.

О Дева Светлая! Велик
И властен легких дланей взмах.
Горит в широких куполах
Твой трижды освященный лик.

Рим, я твой вечный паладин, -
Позволь к стопам твоим прильнуть!
Но как же крут и долог путь -
Тот, что ведет на Палатин.

2.
О, если бы я только мог
Предстать паломником смиренным

Пред фьезоланцем несравненным
На юге, там, где Тибр широк.

Иль пробираться вдоль ложбин
Над золотым изгибом Арно,
Зарю встречая благодарно
Под ясным небом Аппенин.

Через Кампанию - до ворот
По Via Appia упругой,
Где семь холмов, тесня друг друга,
Несут величественный свод.

3.
Скитальца душу излечи,
Твой храм дарует упование.
Здесь камень, легший в основание,
Хранит небесные ключи.

Коленопреклонен народ
Пред освященными Дарами,
И гостия над головами
В резной монстранции плывет.

Дай лицезреть, пока живу,
Богопомазанника славу
И серебристых труб октаву
Позволь услышать наяву!

Мистическое торжество
Горит под куполом собора,
Явив для трепетного взора
И плоть Его, и кровь Его.

4.
Извилиста река времен.
Как знать - чреда бегущих лет
Иной в душе затеплит свет,
Окрепнет голос, обновлен.

Покуда стебли зелены
И не пришел для жатвы срок,

Покуда осени венок
Не лег в изножье тишины, -

Быть может, светоч мой горит,
Быть может, суждена мне честь
Не всуе имя произнести
Того, Чей лик пока сокрыт.

Арона

URBS SACRA ÆTERNA

О Рим! Круты истории витки!
Республиканский меч воздев над миром,
Ты грозным высился ориентиром,
Полсвета взяв в имперские тиски.

Но от жестокой варварской руки
Зенит перевернулся, стал надиром.
А ныне вьется флаг в просторе сиром
Трехцветный – Провиденью вопреки.

Алкая власти, некогда орел
К двойному свету рвался в синеву,
И мир дрожал перед твоей десницей.

В Едином ты величие обрел, –
Паломники идут склонить главу
Пред Пастырем, томящимся в темнице.

Монте Марио

СОНЕТ НА СЛУШАНИЕ DIES IRAE В СИКСТИНСКОЙ КАПЕЛЛЕ

Но, Господи, зардевшийся бутон,
Голубка и печальная олива, –
Любовь Твоя в них столь красноречива,
Что я не карой – кротостью сражен.

Тобою виноград отяжелен,
Ты – в звуках птичьего речитатива,

Гнездо свивает птица хлопотливо, –
Лишь Ты один пристанища лишен.

Приди, когда осенний краток день
И листья желтизной обведены,
Поля пусты, и одиноки – дали.

Когда снопы отбрасывают тень
В серебряном сиянии луны, –
Прииди, жнец. Мы слишком долго ждали.

ПАСХА

Под пенье труб серебряных народ
Благоговейно преклонил колена.
Поверх голов я видел, как степенно
Епископ Рима шествует вперед:

Торжественно свещает крестный ход
В расшитой ризе, в альбе белопенной,
Священник и король одновременно
С тремя венцами в блеске позолот.

Но, словно сдернув прошлого покров,
Я очутился с Тем, кто шел вдоль моря,
Сбив ноги, утомлен, простоволос.

«У лис есть норы, и у птицы – кров,
Лишь мне бродить, с бездомностью не споря,
И пить вино, соленое от слез».

Е TENEBRIS

Стезям Твоим, Спаситель, научи!
Душа моя не ведает исхода.
Тяжка Генисарета несвобода,
И тает жизнь, как бледный воск свечи.

Иссякли в сердце светлые ключи,
Зане его испорчена природа.
Мне быть в аду, иль я уже у входа? –
Господень суд свершается в ночи.

«Он спит, иль занят чем-то, как Ваал,
Не отвечавший на слова пророков,
К нему взывавших на горе Кармил?»»

Подарит тьма, в сиянье покрывал,
Ступни из меди, исполнение сроков
И безотрадный взор, лишенный сил.

MADONNA MIA

Ты боли мира этого чужда, –
Лилейный лоб не тронула тревога,
Твой взор остановился у порога, –
Так в легкой дымке светится вода.

Ланиты от любовного стыда
Не вспыхивали, рот прикушен строго.
И белоснежна шейка-недотрога,
Но мрамор оживает иногда.

Пусть с губ моих высокие слова
Слетают, – но, дыша благоговеньем,
Я поцелую разве узкий след.

Так Данте с Беатриче, знаком Льва
Отмечен, просветленным видел зреньем
Седьмых небес слепящий горний свет.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Победитель международного конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010 и конкурса молодых переводчиков Института русской литературы РАН; автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино). Лингвист, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова

ХЕРАРДО ДИЕГО

РОМАНС РЕКИ ДУЭРО

Дуэро, река Дуэро,
Твои берега пустынно;
Никто не желает слушать
Напевы строфы старинной.

Застенчиво отвернувшись
От зеркала влаги зыбкой,
Стесняется древний город
Щербатой своей улыбки;

И, спрятав в усы усмешку,
Дуэро, седой кудесник,
Ты скудные мелешь жатвы
На мельнице вечной песни.

Среди непорочных статуй,
Среди тополей вечерних,
Истомой речей любовных
Струится твоё течение.

И нет тебе в пенье равных:
В тиши, или в блеске молний
Всё тот же романс забытый,
Сменяясь, рокочут волны.

Дуэро, старик Дуэро,
С веками твой зов все глуше:

Никто не придёт на берег,
Никто не захочет слушать,

Никто, кроме тех, влюблённых,
Что ждут, задыхаясь, встречи,
Роня в поток твой пенный
Любовные речи... речи...

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

КАНУН СВЯТОЙ АГНЕССЫ

Снега на крышах улеглись,
Сверкая и шурша;
Дыханья пар стремится ввысь –
Лети за ним, душа!
По склону медленно ползёт
Старинной башни тень,
И времени неспешный ход
Влечёт к закату день.
Господь! Услышь меня, молю,
Сияньем душу тронь;
Снежинкой лягу я в твою
Раскрытую ладонь...

Как блекнет снеговой покров
Пред сферою святой,
Как меркнет злато куполов
Пред твердью золотой,
Так перед Агнцем я стою –
Грешна, не согрешив;
Так образ, явленный в раю,
Светлей земной души.
Господь, разверзни небеса,
И в блеске горних сил
Меня в свой светоносный сад
Невестой вознеси!

И вот - в блистанье зимних звёзд
Раскрылась глубина,

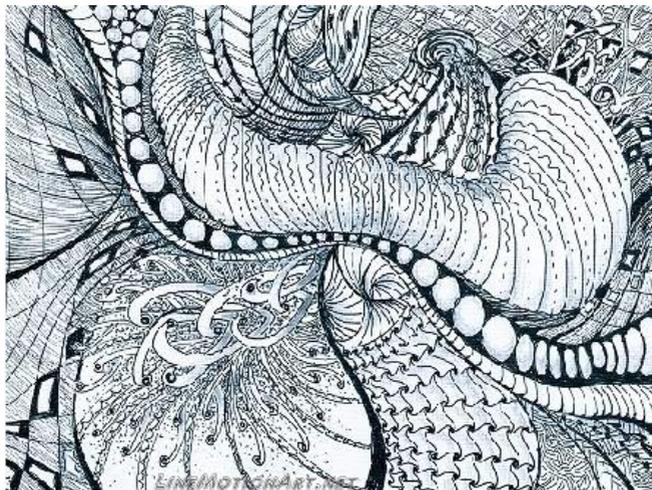
И стелет серебристый мост
Мне под ноги луна,
Ввысь, вширь! распахнуты врата,
И, волей Жениха,
Войду, блаженна и чиста
От тлена и греха.
Чудесный, дивный час настал:
Над гладью вод земных
Свет негасимый воссиял –
Невеста и Жених!

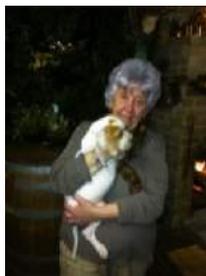
ВЕНДИ КОУП

ТРИОЛЕТ

Я думала, поэты байроничны –
Безумны, вольнодумны и опасны.
С тех пор мне довелось встречаться лично...
Я думала, поэты байроничны,
Они же как касторка романтичны
И буйны как бухгалтеры. Напрасно
Считала я: поэты байроничны,
Безумны, вольнодумны и опасны.

ΠΡΟΖΑ ΑΞΟΠΡ

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА

Журналист с полувековым стажем работы в России. Четверть века работала главным редактором на телевидении. Живет в Австралии с 1996 года. Публикуется в различных печатных изданиях. Регулярно выступает в русской программе радио SBS. Проводит самые содержательные экскурсии по Мельбурну. За годы жизни в Австралии выпустила 10 книг о городе Мельбурне и стране Австралии.

“Waltzing Matilda”

В 1956 году на Олимпийских Играх в Мельбурне, когда побеждал кто-нибудь из представителей хозяев страны, и австралийские спортсмены награждались медалями, всякий раз исполнялся английский гимн "Боже, храни королеву! "Это повергало в недоумение всех иностранцев, включая и англичан. Тем более, что как только утихали последние звуки гимна, воодушевленные зрители на огромном стадионе хором затягивали "Вальсирующую Матильду". И через двадцать лет, в 1976 году в Монреале песня эта снова неслась в мир... Прозвучала она и на XXII Олимпийских Играх в Сиднее...

Долгая и даже бурная история с национальным гимном Австралии вполне может быть темой для отдельного рассказа... А вот то, что большинство австралийцев, действительно, считало и даже настаивало, что лучшего варианта гимна, чем "Вальсирующая (или "Танцующая») Матильда" не найти, говорит о её поистине национальном характере и оттого удивительной популярности... Но, поскольку в ней бродяга, якобы, укравший четырёх овец бросается в озеро, лишь бы не попасть в руки властям, "Матильда" была сочтена "подрывающей устои" и отвергнута.

Однако, это не помешало австралийским солдатам пронести свою любимую песню через две мировые войны, вместе с ними она штурмовала Дарданеллы, шла до полей Фландрии, её пели под Тобруком и на Крите. Эту песню обычно играли в австралийских портах, когда приходил очередной корабль с эмигрантами из Европы... Говорят, в сувенирных магазинах и сейчас продаются заводные куколки с узелком за плечами: несколько поворотов ключа – и тоненько зазвучит знакомая мелодия:

*Вы те, кто бродит по дорогам, покрытым пылью,
Таща свой свэг. свой дырявый свэг на край земли,
Там высоко над вами сияет Южный Крест...*

Кто со мной? – "Вальсирующая Матильда", моя дорогая...!"

Греческие города не спорили так о том, в каком из них родился Гомер, как австралийцы об авторстве мелодии "Вальсирующей Матильды"... Учёные музыковеды находят, что в её основе могут лежать шотландские мотивы или элементы музыки английских солдат XVIII века. Но в любом случае, точно известно, что маршевая её аранжировка сделана в Австралии в начале 1890-х годов и впервые исполнена в Виктории 24 апреля 1894 года на скачках в Варнамбуле. (Редкие копии нот этого марша ещё существуют). Её автор Томас Балч, больше известный под псевдонимом Готфри Паркер, умер в 1941 году, оставив поместье, стоимостью всего в 200 фунтов. Но, видя, как солдаты из Сиднея под "Вальсирующую Матильду" уходили на первую мировую войну, сказал своему другу: она стоит миллион, когда я слышу, как её поют... Не обогатила "Матильда" и поэта Эндрю Патерсона, чья собственная судьба тоже похожа на остросюжетную балладу. И чей портрет сегодня – на десяти долларовой купюре. Он написал её в буше, где услышал однажды грустную историю о том самом скитальце, что утонул, преследуемый полицейскими. До поздней ночи сидел он на веранде и писал об одиноких парнях, пешком пересекающих огромные просторы Австралии. Иногда им удавалось подрабатывать горняком, пастухом или стригалём. Чаше, добравшись к вечеру до какого-нибудь жилья, где в это время готовился ужин, они просили хозяйку угостить их таким маленьким кусочком хлеба, который они могли бы хоть "показать своему желудку".

Странники, как правило, никогда не носят с собой больше, чем нужно: пара белья, рубаша, чайник-билли, вода и пакет сахара, завёрнутые в тонкое одеяло, из которого они делали скатку (свэг). За это их самих прозвали свэгменами, Обычно такие одеяла были синие или голубые – кстати в большом хорошем словаре слово "blue" означает "одеяло", закрученное одеяло, независимо от его цвета. Песня, столь дорогая сердцу каждого австралийца, воспевает именно такого бродягу-свэгмена, который уселся под деревом дожидаясь, пока вода в чайнике над костром закипит. И его «Танцующая Матильда» всегда с ним... На самом же деле никакой девушки по имени Матильда нет и в помине. Ибо «Матильда» – это шутовское название узелка, который он носит повсюду

с собой, А танцевать с Матильдой – ничто иное, как идти по бесконечным дорогам с палкой на плече, на конце которой пляшет и подпрыгивает жалкий узелок. (В русском языке тоже есть сленговое выражение "гуляй вальсом", т.е. иди подальше отсюда).

Но вот отчего именно это имя – Матильда? Кто и когда принёс его в далёкую Австралию? Все ответы годятся только со словом «возможно»... Говорят, к примеру, что ещё в средние века торговцы называли свои узлы с товаром "Матильдой". Возможно... Или австрийские солдаты во время тридцатилетней войны (1618 – 48) называли Матильдами женщин, следовавших за лагерем. Тоже возможно...

Во всяком случае, известно, что "Матильдами" звались солдатские шинели, на которых приходилось согреться, лёжа, вместо кровати, на холодной земле. А возможно, слово это попало в английский язык во время войны с испанцами в 1701 году...

Однако, бесспорно, что родиться такая песня о страннике и его узелке могла только в Австралии – таинственной и одинокой земле, и скорее всего в 50-е годы, когда по ней в поисках работы или золота из конца в конец скитались многочисленные "свэгмены".

Так песня, когда-то вобравшая в себя дух развития Австралии, сделалась её символом и талисманом!

"ЛУЧШИЙ ГЕНЕРАЛ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ»

Говорят, на Востоке существует поверье, будто Будда на свой день рожденья позвал в гости животных, чтобы одарить каждого "персональным" годом. Подарки доставались в порядке живой очереди. Но быстроногая лошадь пришла лишь седьмой – из порядочности пропуская других, даже медлительную и вовсе без ног змею... Ведь лошадь и в самом деле справедлива, трудолюбива, независима, добра и умна. И потому, наверное, бронзовые скакуны веками несут своих великих седоков в зной и стужу в разных уголках мира. Австралия – не исключение, ибо все три конные памятника в Мельбурне: английскому королю Эдварду VII, первому Генерал-Губернатору Австралии графу Норетуну и великому австралийцу Джону Монашу давно сделались приметой столицы Виктории.

Последняя, правда, не сразу, как говорится, пришлась ко двору: специалистам показалось будто неправильная посадка всадника слишком прямо сидит, плечи вислые, грудь не расправлена, и коротко натянутая уздечка делают всю конную статую неестественной...

Но со временем памятник, созданный на собранные по подписке деньги и открытый 12 ноября 1950 года, сделался одним из известнейших во всей Австралии. И обязан таким признанием, безусловно, знаменитому своему седоку, чья жизнь до сих пор остаётся примером для подражания, удивляет и восхищает. Тем более, что сэр Джон Монаш известен сегодня каждому из нас, буквально, в лицо – чуть суровое на вид, с внимательными глазами и ухоженными усами – на столлларовой новой австралийской банкноте! Рядом с заряженной пушкой и скачущей в бой кавалерией...

Однако, война – лишь половина его славной жизни, "Marte et Arte", как значится на его фамильном гербе – "Война и Мир"... Кстати, весь этот герб, словно, соткан из обстоятельств в судьбе его обладателя: пять звёзд на щите – созвездие Южного Креста указывают на место его рождения – Джон Монаш родился в Западном Мельбурне в 1865 году в семье эмигрантов из Пруссии; золотой Лев вверху герба держит в лапах циркуль царя Соломона – фамилия отца, издателя еврейских религиозных книг писалась Monasch а не Monash. (В Мельбурне тогда жило около 3-х тысяч евреев, выходцев в основном из Англии и Германии, к 1890 году их число почти удвоилось).

В Мельбурнском Университете он получил инженерную специальность и степень "Мастера" – строил дома, железные дороги в восточных районах города, проектировал мосты Princes Bridge и Anderson Street Bridge, и широкая золотая полоса по центру герба является символом построенных им мостов, а также вклада в технический прогресс.

Можно подумать, что он коллекционировал дипломы: в 1895 – юриспруденции, чуть позже – по искусству; знал языки, играл на пианино. И вполне мог с таким же успехом стать учёным, богословом, адвокатом, музыкантом или филологом... Лавровый венок в гербе и отражает его академические и научные почести.

К слову, его высококвалифицированный труд соответственно высоко оплачивался: когда двадцатилетним он женился на Ханне Мосс и поселился в Ричмонде, его доход составлял 2000 фунтов стерлингов, а в 1913-ом уже 30 тысяч фунтов, что по сегодняшним меркам соответствует 1 млн. долларов в год!

И всё же подлинная слава пришла к нему в 49 лет, когда разразилась 1-я мировая война – вот отчего рядом с лавровым венком в гербе присутствует меч, означающий, что владелец герба был также солдатом. Его всегда интересовала военная история, и он мог по памяти в деталях описать любую мировую битву. Да и сама военная карьера по существу

началась ещё в мирное время, когда он служил в австралийской гражданской гвардии – резервном формировании британских регулярных войск, и потому войну он встретил в чине полковника запаса.

В этом то звании во главе 4 пехотной бригады Джон Монаш и высадился 25 апреля 1915 года на Галлиполийский полуостров. О Галлиполийском десанте, обернувшимся многомесячным кровопролитным сражением до 20 декабря 1915-го, в Австралии знают все. О плохо просчитанной операции по уничтожению укреплений турков на полуострове и минных полей в проливе, в результате которой австралийские и новозеландские войска – ANZAC оказались под шквальным огнем противника еще в лодках перед штурмом почти отвесного берега. О вырытых на все-таки захваченных каменистых позициях траншеях, где драться приходилось не только штыками, а и кулаками! Как и о том, что долгие годы – до 1944-го этот десант оставался крупнейшей в истории высадкой с боем на вражеский берег. И потому, когда вышел фильм о Галлиполи, многие подумали, что это художественный фильм. На самом же деле он лишь воссоздал подлинные наиболее трагические события кампании, по своей невероятности и впрямь похожие на легенды.

Как известно, в декабре того же года британское командование, наконец, приняло решение эвакуировать войска – 45 тысяч измотанных непрерывными боями солдат и офицеров. Возложив ее руководство на Джона Монаша, ставшего уже бригадным генералом и, главное, успевшим показать блестящие организаторские военные способности, помноженные на умение неправдоподобно быстро просчитывать ситуацию и титаническую выносливость в работе.

И этот его вывод без потерь из-под носа у противника многотысячного войска, по определению специалистов, считается одной из самых блестящих операций в истории войн!

А тогда за неделю до Рождества 1915 года на позициях постепенно оставалось все меньше человек: 5000, 1500, потом 14 км фронта держали всего две роты – 170 отборных, самых умелых и храбрых бойцов. Они создавали впечатление активной боевой деятельности: вели огонь, жгли костры, передвигались в траншеях. Когда же к 2 ночи последний из них покинул свой окоп, Джон Монаш записал в судовом дневнике на борту последнего уходящего парохода ставшие историческими слова: «Если бы турки знали! Мой пикет только что прибыл и доложил, что турки подкапываются под наши заграждения, готовясь к атаке. Значит не

знают, что позиции уже пусты. Но там до утра будут работать мои ружейные автоматы и взрывные имитаторы, а когда они атакуют, – сработают все фугасы. Но людей наших там нет уже более двух часов!» Так все и случилось: когда в опустевших окопах вдруг началась пальба, турки бросились в атаку, но...

Остается горько сожалеть, что и высадка десанта, в котором погибло огромное число союзнических войск, в основном австралийцев и новозеландцев, не была поручена тому же Монашу!

К маю 1918-го он уже командовал всеми австралийскими войсками в Европе, и те же историки считают, что если бы Монаш стоял во главе всей британской армии, то Первая мировая могла бы закончиться быстрее и с меньшими потерями. Но войны, увы, не признают запоздалых сожалений!

Он гордился своей страной, написав с фронта жене, что быть первым рождённым в Австралии командиром – ради этого стоило жить... И, значит, не случайно всё на том же его гербе справа и слева щит поддерживают два солдата австралийских вооружённых сил – артиллерист и пехотинец. А понизу – британские и иностранные ордена, которыми был награждён этот, по определению маршала Монтгомери, "Лучший генерал на Западном фронте".

Если не знать, не помнить заслуг Джона Монаша в 1-й мировой войне: участия в успешном разрушении "Линии Гинденбурга", точно просчитанного им сражения, которое немецкий генерал Людендорф назвал "Чёрным днём Германии" – не понять бы, откуда у сына ребе фамильный Герб?! Он получил на него право в августе 1918 года прямо на поле боя, когда преклонил колено перед королём Георгом V, а тот возложил на его плечо меч, совершив тем старинный обряд посвящения в рыцари, который не совершался английскими монархами с 1743 года! Домой, в Австралию, сэр Монаш вернулся с наградами не только от Англии, Франции и Австралии, но и от Бельгии, Америки. Но он не был бы тем сэром Монашем, как сказали бы нынче – "с компьютером в голове и бензином в венах", если бы просто почил на заслуженных лаврах... Десять лет – с 1921-го и до самой смерти в 66 лет – он возглавлял Государственную Электрическую комиссию. Воспитывал свою единственную дочь БERTУ, возглавлял Австралийскую сионистскую федерацию. И никогда не забывал о тех, кому не довелось с победой возвратиться домой – оттого был одним из инициаторов создания в Мельбурне Храма Памяти и Дня Памяти – Anzac Day. Большой ценитель австралийских лошадей *walers* и *gunners*, сэр Монаш в мае 1926 года

открыл в своём родном городе необычайный монумент – десяткам тысяч погибших воинов-лошадей, через 60 лет отнесённый к общему военному мемориалу "Shrine"...

Известно, что однажды "правые", опасаясь коммунизма в Австралии, пытались использовать огромный авторитет сэра Монаша, сделав его диктатором! К чести своей он отказался, оставив нам своё имя в названии второго по величине в Виктории Университета, трёх внуков и 7 правнуков, а также свои любимые девизы: "Черпайте знания, где только возможно, просто ради самих этих знаний"... И «Примите как свое фундаментальное кредо, что вы будете развиваться не только для собственной пользы, но и для пользы всего общества!»

Когда 8 октября 1931 года сэр Монаш умер, мельбурнцы прощались с ним до 11 октября в Королевской зале Парламента. 250 тысяч человек выстроились в девятимильную линию от этого здания до кладбища в Брайтоне, где гроб, покрытый английским флагом, ждали ещё 50 тысяч желающих попрощаться с великим соотечественником (генерала похоронили рядом с женой).

И по сию пору в годовщину его смерти на кладбище собираются ветераны, учащиеся школ, родственники, играет военный оркестр и приспускается Государственный флаг. (а Ребе Австралийских вооружённых сил читает молитву...)

И, право, не так уж важно, насколько удался бронзовый всадник в King's Domain - главное, что сэр Джон Монаш был и остаётся навечно величайшим сыном Австралии

ВИКТОРИЯ ЕЛАНЦЕВА

Родилась в Москве. Выпускница факультета физико-математических и естественных наук Российского Университета Дружбы Народов. Живет в Мельбурне (Австралия). Журналист казахстанских изданий Cosmopolitan, Beauty World, Forbes; колумнист и член жюри премии «Меню и счет» журнала Time Out

(Казахстан); лауреат литературного конкурса Proza.kz; автор романа для подростков «Загадка Алтын Мадам» и сборника рассказов «Мотыльки».

Цитата: «Жизнь похожа на взлетную полосу: не успел еще как следует разогнаться, а кто-то уже наступает тебе на пятки».

Идиоты

Борька упрекал дедушку в недалёковидности. Надо же, взял и... умер. И никого не предупредил о своих намерениях. Умирать дедушка, конечно, не хотел, но наверняка догадывался, что час его близок, а кормить Борьку будет некому. Мог бы хоть в зоопарк отнести. Хотя, наверное, не мог – ходил плохо, продукты сердобольная соседка приносила. Заодно и его, Борьку, жалела: пропадет, мол, идиот говорящий, без деда то. Пропадать Борька не хотел. За окном – зима. В квартире – пустота. «Красота», – мрачно гаркнул Борька и съежился. Зеркало было затянуто непрозрачной тряпкой. Соседка постаралась. Борька изловчился и стянул тряпку на пол. В комнате сразу стало светлее. Морщинистой крючковатой лапой Борька шлепнул по кнопке радиоприемника: метод отработанный – пожелтевшую пластиковую клавишу с чуть оплывшими краями Борька освоил еще в девяносто пятом, когда дедушка – тогда еще капитан первого ранга – привез его, маленького сине-желтого ару, из прокопченной солнцем Аргентины в ветреный российский город с труднопроизносимым названием. Дедушка любил крепкий – с кисловатым душком – кофе и запивал его разбавленным белым вином. Борька пристрастий хозяина не разделял, поэтому трещал козинаками и радовался редким кружкам перезревшего банана. Динамик радиоприемника фыркнул, захрипел и начал выдавать обрывки фраз: – Владимир Путин посетил строящиеся Олимпийские объекты...

Несовершеннолетние в Челябинске ограбили сигаретный киоск... В Москве прошел первый легальный гей-парад...

– Идиоты, – задумчиво закричал Борька дедушкиным голосом. – Вовка – молодец. Геи – идиоты.

Радио продолжало трещать, но попугай уже потерял к нему интерес: теперь его занимал подтекающий кран. Борька про себя отметил, что все-таки дедушка о нем позаботился – без воды не оставил. Захотелось есть: соседка не приходила уже три дня, овес в кормушке закончился, а яблочный огрызок, воткнутый между стальными прутиками, высох. На полу, под пустым мусорным ведром, валялись хлебные крошки, – почерневшие, но ароматные и способные на время притупить чувство голода. Борька жадно подхватывал сдобную пыль, упираясь цепким клювом в линолеум, и представлял, что это не крошки вовсе, а соленые кедровые орехи. Борька помнил, как в первый день дедушка посадил его на запястье и подал на ладони горсть похожих на жирных личинок орешков. Именно с них – молочно-желтых семян сибирского кедра – началось знакомство Борьки с новым домом.

После дедушкиной необдуманной смерти драцена осталась единственным Борькиным другом. Он часами раскачивался на ее всклокоченной кроне, представляя себя в родном лесу. Драцена не возражала. Будучи растением благородным и даже немного ядовитым, она точно знала, что обдирать кору ара не будет. К тому же, драцена была благодарна Борьке за его почти человеческую заботу: попугай, подгоняемый неведомыми инстинктами, приносил в клюве несколько капель воды и даже ухитрился прикрыть форточку, чтобы тропическая подруга не замерзла.

Примостившись на пышной шевелюре драцены, Борька смотрел в окно и думал о том, что там, за твердой прозрачной перегородкой, растут кедровые деревья, облепленные хрустящими шишками. Можно же слетать – туда и обратно. Это займет не больше десяти минут, зато он будет сыт. Борька похвалил себя за сообразительность, приоткрыл форточку, содрал потемневшую от уличной пыли марлю и с криком «Борррис, ты не пррррав!» впервые за семнадцать лет вылетел наружу.

Сева Кулебякин считал, что бросаться из окна – недальновидно. Его, натуру артистическую, а потому – склонную к излишней рефлексии, пугало все некрасивое. А назвать красивой лужу крови язык не поворачивается. Хотя, с другой стороны, истинный художник может

черпать вдохновение в расплывшейся кляксе. Поппибрайтово, без сомнения, но за это платят.

Севина муза уже не первый день находилась в оплачиваемом отпуске (а как еще назвать ее хамское исчезновение с кредитной карточкой и набором винтажных вилок?), что рабочему процессу никак не способствовало. Не то что бы Севе было жаль вилок, но музино предательство больно било по самолюбию. Гениев в городке – раз, два и обчелся, а она нос воротит.

Написать крах всего сущего (или же хаос в лучшей из его форм) Сева придумал еще в детстве, но все как-то руки не доходили: то плакат для кинозала состряпай, то соседского митрофанушку к поступлению в художественное подготовь. Деньги, конечно, немалые. И с жильем помогли. Не в столице, правда, а здесь – на выселках. Хотя ему, Севе, морозные дни были в тягость. Истинное искусство тянется к солнцу: оно питается воспоминаниями о лете, тоскует по увядающим цветам, вплетенным в венок юной прелестницы, босиком бегущей по душистой ниве... Мороз и солнце восхваляют только поэты, а художников зимний ландшафт гонит к урологу. Против последних Сева ничего не имел, но заснеженные виды писал из окна.

Почтенная Анна Степановна (вот уж чудо-человек!) – экс-сталинистка и истовый борец с новым режимом, попутно ударившаяся в религию, - сбежавшую Севину музу нахваливала: и умница, и красавица, и замужем всего один раз была. Отказываться было как-то не прилично. Однако, поняв, что Кулебякин – патологически холост, муза оперативно упаковала вилки (в качестве платы за безвозвратно потерянные недели) и исчезла в направлении третьего микрорайона.

Сева чувствовал себя идиотом: предупреди он музу о своей ориентации заранее, глядишь, похищения можно было избежать. Но хорошее воспитание и нежелание самостоятельно готовить вынудили Кулебякина на сделку с совестью: терпел он, терпела муза, терпел Юрасик, которому была поставлена задача – потерпеть до получения Севой какой-нибудь мало-мальски значимой премии за творческие заслуги перед Отечеством. Юрасик Севиными экзерсисами искренне восхищался, поэтому смиренно верил в успех и терпел. «Понять ранимую душу художника может только истинно родственная душа», – думал Юрасик и, тяжело вздыхая, натянуто улыбался румяной музе, благодаря которой однажды Сева переплюнет Роберта Шерера и Юрочку Альберта.

Кулебякин вынужденное расставание переживал тяжело: звонил по ночам и тихо дышал в трубку, пока разбуженный Юрасик ненормативно

и даже как-то по-детски обиженно возмущался; посылал любимому букеты белоснежных кал и плюшевых медвежат с шелковым сердцем в мохнатых лапках; звонил на радио и в прямом эфире клялся в вечной любви. Сева талантливо рефлексировал, а Юрасик терпеливо воздерживался. Наконец, и его терпение лопнуло: ровно за сутки до побега клетоманки-музы Юрасик отправил к Севе курьера из кондитерской, вручившего художнику пропитанный дешевым ромом торт в форме обрамленной взбитыми сливками задницы, и иммигрировал в более лояльную ко всему творческому Москву.

...Решение броситься из окна возникло спонтанно. Сева уткнулся носом в холодное стекло стеклопакета (врут все, что оно не промерзает!) и посмотрел на землю. На надтреснутом асфальте, кое-где замаскированном проплешинами сизой наледи, лежала яркая синяя тряпка. Больше всего на свете она напоминала крах всего сущего.

То, что лететь в никуда было, мягко говоря, недальновидно, Борька понял, только оказавшись за пределами теплой квартиры. Летать ара умел (и довольно ловко), но мороз оказался слишком сильным: пролетев пару сотен метров и попутно показав язык изумленной вороне, Борька камнем рухнул на землю и приготовился воочию познакомиться с духами предков.

Выйду в симбирское утро.

Стринги дают на совесть.

Прощай, Мураками!

Кулебякин не верил своему везению. Нервно дергая кнопку лифта, он молился, чтобы прекрасное видение не исчезло. К счастью, ультрамаринное пятно было на месте: его очертания художник мог угадать, даже сбегая по ступеням благоустроенного подъезда (паршивый новодел: традиционно отмыли спонсорские бабки, а приз вручили пятнадцатому дому).

Спотыкаясь о ледяные корки на асфальте, Кулебякин подбежал к будущему шедевру и ошел: перед ним лежала крупная птица – из тех, чье праздничное оперение привлекает посетителей городских зверинцев и ностальгирующих аниматоров.

Птица была мертвой, а потому – невероятно стильной (премия Леси Украинки точно обеспечена!). Дрожащими руками Сева приподнял

пахнущий летом и амазонскими культурами трупик, воровато засунул его подмышку и устремился обратно в мастерскую.

Приходить в себя Борька не хотел. Ему снились теплые края, где на рослых пальмах топорщатся кедровые шишки, и десятки крылатых собратьев танцуют танго на крышах Сантьяго-дель-Эстери. От приятных сновидений Борьку отвлек резкий запах. Ара нехотя открыл правый глаз и увидел мужичка, суетливо размазывающего краски по дешевому холсту.

Сева боялся не успеть: комнатная температура рано или поздно сделает свое дело – замерзшая тушка оттаяет и наполнит помещение терпким ароматом тлена. А это некрасиво. Писать надо было быстро, чтобы каждое перышко, каждая ворсинка выглядела натурально. Чтобы предатель-Юрасик понял, что, потерпи он еще немного, они были бы богаты и счастливы. Они купили бы билеты в Лондон, где не надо ни перед кем отчитываться и притворятся слесарями, завели бы ребенка и указали в его свидетельстве о рождении нейтральное «родитель». Они бы...

Борька пошевелился. Левое крыло болело, но на фоне неминуемой гибели этот нюанс казался мелочью. Наклонив голову, попугай подумал, что этот напыщенный идиот-maricón, должно быть, также одинок, как и он, Борька. Начиналась новая жизнь.

Алматы, 2012

АЛЕКСАНДР КРАМЕР

Родился на Украине, в Харькове. По образованию инженер. Публиковался в литературных периодических изданиях разных стран, в том числе в Германии, где живу последние 12 лет, России, Украине, США и Канаде.

ШУТ

Поздней осенью 1534 года властитель артейский, Франческо Форца, умер внезапно, не дожив 17 дней до своих сорока восьми лет. Это был крупный мужчина с внешностью носорога – огромный бугристый нос и маленькие подслеповатые глазки. Мгновенная смерть от удара поразила его прямо в седле и на землю с коня властитель упал уже мертвым. Его шут, за несносный характер получивший среди придворных кличку «Заноза», пустился было в бега, но был вскоре изловлен, доставлен в артейский замок, бит плетью, клеймен каленым железом, посажен на цепь и брошен в пыточной на ночь.

1

Пир был в самом разгаре. То есть до смерти пьяных пока еще не было, но все находились в легком и приятном подпитии: шумели, горланили песни, несли, не стесняясь дам, жеребятину, похвалялись кичливо всякими глупостями... В общем, веселились на славу. Огонь бушевал в каминах. Было душно. Дамы усиленно обмахивались веерами. Два дога беломраморной масти лежали возле камина и спали вполглаза. Карлы и карлицы, одетые в серые хламиды, точно ночные бабочки, носились по залу, развевая широкими рукавами, как крыльями, и противно хихикали. Музыканты в синих костюмах с серебряными позументами играли тихонько гавот – для лучшего усвоения пищи...

Тут парадная дверь отворилась, и в залу походкой канатоходца скользнул расфуфыренный шут. Правой рукой он вертел непрерывно мароту, а левой подбрасывал в воздух черный шар, весь в серебряных звездах. Бесшумно – ни один колокольчик на дурацкой шапке не вздрогнул – дошел он до центра зала, сложил свои атрибуты к ногам и

застыл, прищуривая поочередно то правый, то левый глаз: ждал внимания публики. Гостям было не до шута. Тогда он осторожно подкрался к дебелий расфуфыренной даме, усиленно флиртовавшей со своим кавалером, присел у нее за стулом и вдруг... завизжал по-свинячьи. Звук был такой, как будто бы стадо свиней решили прирезать разом. Несчастная жертва трясла двойным подбородком, махала руками, верещала от ужаса еще пуще шута и, наконец, стала тоскливо икать. Доги проснулись и осатанело залаяли. Гости бурно смеялись и были проказой довольны. Шут был тоже доволен: скалил длинный безгубый рот и двигал оттопыренными ушами – он достиг своей цели и был теперь в центре внимания. Насладившись своею победой, шут подпрыгнул, сделал сальто-мортале и пронзительно заорал, подражая городскому глашатаю, что сегодня покажет гостям чудесное представление под названием «Утро наследника» и расскажет о том, как юный артейский наследник просыпается утром. С дозволенья, конечно, своего господина.

Властитель артейский пребывал в эйфории. Он достаточно к этому времени выпил и был полон радужных мыслей. Поэтому он не очень-то слушал, что кричит ему шут, но слова «представление» и «дозволение» все же расслышал и милостиво махнул рукою.

2

Есть и пить давали мальчишке тогда, когда были еда и питье, а били всегда и часто без всякой пощады – за подкидыша некому было вступиться. Хозяин бродячего цирка, Кривой Корраджо, решил, что публики станет больше, если в труппе будет уродец с головою, как тыква и носом, как у обезьяны. К тому же, он оказался довольно способным: здорово подражал голосам людей и животных, а кроме того, разыгрывал препотешные пантомимы. Так что хлеб он свой отработывал, хозяин не просчитался.

Ему было четырнадцать лет, когда труппа забрела в окрестности артейского замка, и Форца выторговал уродца за немалую сумму, сделал своим шутком и жизнь его изменилась. Теперь его били редко, а еды было вдоволь; ему не хотелось вновь возвращаться к голоду и побоям и он очень старался.

С течением времени шут стал ужасно дерзким и ядовитым; собственно, в замке, как правило, все было слегка ядовитым, и шут исключением из этого правила не был. Отличие состояло лишь в том, что он ядовит был открыто и беспечно сеял себе недругов тайных и явных –

в изрядном количестве. Покровительство властелина расхолаживало, притупляло чувство опасности, вселяло уверенность в абсолютной и вечной вседозволенности. Он приобрел дурную привычку выбирать себе жертву и всякими дерзкими фокусами доводить ее до иступления. Только это не всегда удавалось. Однажды он стал цепляться к начальнику замковой стражи, пытался его известить подколками и ядовитостями, но пузан хохотал до слез вместе со всеми и нисколько не злился. Видя такой афронт, шут скоро остыл и выбрал новую жертву, не слишком при этом досадуя. Но это случалось так редко... А в основном, его жертвы неистовствовали ужасно...

3

Было раннее, раннее утро. Темное, темное... Очень сильно хотелось, но чертов горшок куда-то запропастился. И он очень злился, и нервничал, и даже слегка повизгивал от нетерпения. Насилу горшок отыскался, но теперь, это просто ужасно, пропало причинное место. Правда оно отыскалось немного быстрее, чем горшок в темной комнате, но было так страшно, что вдруг оно да не найдется. Ну, слава Богу! Теперь, наконец, все удастся! Но время было упущено и хотелось уже так сильно, что в нем ходуном все ходило от дрожи, и он мазал все время, отчего на полу появилась изрядная лужа. Наконец-то... Он лег рядом с лужей без сил и просто блаженствовал. Но лужа противно воняла... Он снова обшарил комнату на четвереньках, нашел какую-то тряпку и, брезгливо кривляясь, уничтожил следы позора, улегся и снова уснул, счастливый безмерно...

Все хохотали ужасно. Разъяренные доги лаяли и прыгали, как очумелые. Властитель топал ногами, бил по столу кулаками и слезы по красным щекам текли не переставая.

Анемичный артефактный наследник стал сине-зеленым, щека его дергалась, рот перекошило; еще в самом начале он взял из высокой серебрянной вазы сочную грушу и теперь в пароксизме бешенства превратил ее в липкое месиво...

Все еще хохотали, когда Форца почувствовал вдруг неладное, оглянулся на сына, подхватился, схватил шута здоровенной лапшей за шиворот и вышвырнул вон. Но хохот не прекращался аж до тех самых пор, когда все наконец разошлись. И долго еще после пира вспоминали проделку шута, и при виде наследника прыскали и отворачивались. Казалось, проклятую выходку никто никогда не забудет...

Всю ночь на рыночной площади нагло стучали топоры, были надсадно пилы, бранились усталые люди, но к утру помост и виселица на нем были готовы: торопился новый властитель с исполнением своей воли.

Поздним утром два дюжих увальня с постными мордами близнецов схватили шута подмышки, выволокли наверх, швырнули в телегу, запряженную чалой клячей, привалили спиной к заднему борту, взгромоздились на козлы, и телега медленно потащилась по кривым немощным улочкам на базарную площадь.

Еще с вечера ветер натащил на небо жирные черные тучи и ближе к полуночи мощно и ровно повалил огромными хлопьями снег, первый в этом году, украшая прокопченный, угрюмый, загаженный нечистотами город, скрывая всю гадость и мерзость человеческой жизни. К утру снег прекратился, морозец ударил и теперь было чисто кругом и красиво, и тихо, только галки и вороны кричали, но они не мешали тишине и покою, их не нарушали. Снег скрипел под колесами. Кругом были красота и покой, но шут ничего не видел, не слышал, не чувствовал. Один только ужас владел им всецело. И только когда проезжали мимо снеговика с двумя головами, в нем что-то тихонько вздрогнуло, как капелька талой воды упала с сосульки и тут же снова застыла серою льдинкой.

Все те же два увальня втащили шута на помост и поставили перед толпой. Но ноги совсем не держали, и шут упал на колени, и стоял перед толпой на коленях, качаясь как маятник. Палачу показалось, что жертва молится напоследок и он не трогал беднягу. А толпа расплывалась перед глазами шута и не было мыслей, и не было веры, а был один страх, гнилой, удушающий страх...

И тут вдруг случилось. Глаз шута зацепился за рожу рыбной торговки. Рожа пялилась тупо, жирный губастый рот приоткрылся, сальный чепец над узким наморщенным лобиком сдвинулся на затылок, рука теребила нетерпеливо бородавку на жирном носу...

Х-ха, что за сладкая рожа! Дивная рожа! Страх внезапно иссяк. Рожа его заслонила. Шут встал, не чувствуя боли. Весь выгнулся, точно змея, зад отставил, щеки надул, глаза выпучил и вдруг заорал на всю площадь голосом рыбной торговки, известным любому и каждому: «А-а-а... Кому рыбки! Кому гнилой и вонючей...» Он орал, что попало, корчил

ужасные рожи, похабничал и сквернословил... Толпа, поначалу нестройно, хохотнула, качнулась и вот уже ржала отменно во всю мощь своих легких. А шут принялся за аптекаря, но не закончил... Палач, здоровенный детина, одетый в неряшливый черный балахон и стальной шлем с забралом, чтоб не видно было лица, вдруг озлился, схватил бедолагу за шиворот и швырнул его под перекладину, накиннул петлю, затянул до упора... Пол под шутком провалился, тело его задергалось в предсмертной невыносимой муке, колокольчики на дурацкой шапке, что было сил, зазвонили... И все было кончено. И только толпа продолжала еще хохотать, доводя до безумия нового правителя артейского замка.

Ночью снова шел снег, а поутру помост разобрали, и на рыночной площади среди снега осталось черное скорбное место. Впрочем, до первой метели.

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Родилась в городе Херсоне, окончила МГУ и Оксфордский университет. Автор около 200 публикаций в русскоязычной периодике, в том числе в журналах «Нева», «Юность», «Новый журнал», «Работница», «Cosmopolitan Россия», в «Литературной газете» и многих других изданиях.

Сборник стихов «Поэт эпохи динозавров» вошёл в список «65 лучших книг 2012 года» в России и в длинный список премии «Литературной газеты» имени А. Дельвига. Английские стихи были опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях. Живёт в Австралии.

ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ КИПУ

* * *

Солдат фортуны Гонсало де Варгас присел и заботливо стряхнул пыль с рыжеватых сапог.

Сапоги у него появились недавно – их прежний хозяин остался у горного перевала, рассматривать лёгкие облачка неподвижными глазами. Бедняге повезло – он почти не мучился. А Гонсало повезло ещё больше: сапоги пришили ему как раз по ноге, и солдат легко зашагал по ржаво-красной земле этой варварской страны. «Вот бы ещё коня», – думал он, и конь услужливо появлялся в скупом воображении де Варгаса: нетерпеливо грыз уздечку, помахивал хвостом. Его конь.

Совсем рядом, в красной долине, солдата ждал сказочный город. Индейцы называли его «Куско». Про этот город плели такие рассказы, что у де Варгаса начинало стучать в висках и жечь внутри, будто от сильной жажды. Говорили, Куско – это центр мира, а золота там столько, что даже мощные стены покрыты им. «Моё сердце поражено страшным недугом, и вылечить его может только золото», – с усмешкой подумал де Варгас. Он прислонился к тёплой скале и закрыл глаза. Золото – вот бог, творящий чудеса, превративший грязного свинопаса из Саламанки в бесстрашного солдата. И если повезёт, этот бог ещё увидит, как блистательный дон Гонсало будет пить вино из золотых кубков, спать на реннских простынях и лихо носить за поясом мягкие перчатки из Кордобы.

До других богов солдату не было дела. И богам до него, наверное – тоже. Куда, скажите, смотрел всевышний, когда пьяный капитан де Варгас по прозвищу «Длинный» соблазнил глупую, полнотелую Инес Каско, служанку монастыря Пуэрта-де-Кориа? Создатель, верно, повернулся спиной к тяжёлым стенам обители – а в это время Инес проворно лишилась девственности и столь же расторопно понесла. Она бродила по коридорам монастыря в душном облачке животного ужаса и страсти, едва понимая обращённые к ней слова – и достаточно скоро нехитрая её тайна была раскрыта. Инес оказалась за забором, де Варгаса-старшего простыл и след – и выгнанная кастелянша заковыляла по узкой тропе к дому матери, иногда останавливаясь от давящей на грудь тошноты, с надрывным кашлем наклоняясь над придорожной травой. Так началась бурная жизнь Гонсало де Варгаса, стремительно выхватившая мальчишку из тихой испанской деревушки, чтобы забросить его в бойню под Миланом – а потом в Новый Свет, к войнам, болезням и варварам. Солдат фортуны был равнодушен к чудесам этих земель – невиданным городам, заснеженным вершинам и лиановым лесам. Он яростно гнался за величественным доном, давно представшим ему в мечтах – за новым Гонсало де Варгасом: солдат уже видел, как растерянно хлопает глазами его постаревшая мать, как будут яростно шептаться соседи, не веря, что ослепительный господин – это и есть неграмотный байстрюк, долго сносивший их насмешки. И Гонсало настойчиво шагал вперёд – навстречу своему мерцающему богу, навстречу сиятельному дону де Варгасу, навстречу заветным перчаткам, прочно захватившим его воображение.

Ночи в этих горах были чертовски холодны. Даже выдавший виды де Варгас долго не мог уснуть. Завтра – Куско, и фортуна решит, набивать ли ему карманы, сумки и сапоги золотом – или неподвижно лежать на этой красной земле в луже крови, под ногами других везунчиков, сгребających добычу.

Но фортуна помогла своему солдату: войско инков, потрёпанное небольшой испанской конницей, этой ночью тихо ушло, и в городе остались только мирные жители, ошалело глазевшие на лошадей, на волосатые лица пришельцев, на их сверкающие шлемы... Де Варгас ненадолго опешил от непривычного величия, чистоты и порядка – прямые улицы, каменные дома, тихое журчание воды. С холма на пришельцев мрачно смотрела какая-то крепость – две огромные круглые башни, сложенные из гигантских валунов. Говорят, там-то и были самые богатые запасы – в бесконечных лабиринтах тёмных комнат.

Сжимая рукоять кинжала, Де Варгас быстро пошёл наудачу, почти принохиваясь: где, где варвары спрятали золото? Его встречали тёмно-красные стены, склады жалких дротиков и стрел, комнаты с мерцавшими тканями, запасы еды, пугливые фигуры, шарахавшиеся от него, как летучие мыши от огня. ... Болезнь сердца, излечимая только золотом, жгла нутро, рука всё злее сжимала сталь. Ещё одна комната. Безбородый старик выскочил в дверной проём, торопливо заговорил, пытаясь схватить де Варгаса за рукав потрёпанной куртки. Ага, вот где ты прячешь сокровища!

Солдат быстро сунул кинжал под ребро дикарю, отпихнул его согнувшееся вдвое тело – и шагнул в темноту. Мотки разноцветной пакли, разукрашенные деревяшки. Маленькое лицо, испуганно глянувшее из угла на де Варгаса. Золота не было и здесь.

– Варвары, – в бешенстве прошипел Гонсало, резко бросил в комнату горящий факел и долго смотрел, как весело потрескивала под красными огоньками разноцветная пакля.

* * *

Самым прекрасным было созвездие Чёрной Ламы. Она выходила на Млечный Путь, чуть пугливо, недоверчиво озираясь на Лиса, принохивалась к прозрачному колкому воздуху ночных гор. Потом за матерью робко появлялся мохнатый детёныш – и восьмилетний Теуотихи каждый раз невольно сжимался: ему казалось, что глаза Лиса наливаются красным, и пушистый зверь начинает тихо подкрадываться к малышу, аккуратно ступая по острым песчинкам звёзд. Тогда весь мир замирал, и ждал...

По ночам Теуотихи часто смотрел на небо – он безумно хотел увидеть, как Чёрная Лама спустится на землю, чтобы напиться воды из моря. Она пойдёт по Млечному Пути мимо толстой жабы и могучего змея – а потом вдруг прыгнет вниз, словно с горного уступа, и мягко опустится на красную землю Детей Солнца. Теуотихи знал, что пить Лама должна непременно, иначе воды на земле будет слишком много и начнётся потоп – так сказал ему дядя Киспе-Сонко.

Дядя был самым мудрым из всех, кого знал маленький Теуотихи. Он хранил бесчисленные мотки чудесных историй – таких, от которых становилось тепло и грустно, а глаза начинали слезиться, как от едкого дыма. И название у этих мотков было мягкое, ласковое, словно пух – «кипу». Разматывая длинные цветные нити, дядя умел вызывать слова о творце Виракочу, населившем мир – и Теуотихи видел, как первые люди

выходят из вод огромного озера, раздвигая упругий жёлтый камыш у самого берега. А если Киспе-Сонко разворачивал знакомый моток, украшенный ракушками с далёкого побережья, то начинала мерно струиться грустная история о достославном пастухе и дочери Солнца. Сказаний было множество – и вослед за неспешным старческим речитативом Теуотихи бесконечно повторял их про себя, даже когда не совсем понимал, о чём говорят эти волшебные нити.

Но больше всего мальчик любил маленькие пёстрые мотки, полные весёлых историй. Он радостно хихикал каждый раз, когда лукавая морская свинка уговаривала глупого крестьянина: «Не ешь меня, я вовсе не свинка, а просто работник: маленький-маленький, но очень ловкий и способный». Так ярко видел Теуотихи умные круглые глазки, так ясно слышал плутоватый голосок. Но прекраснее всего была сказка о лисе, одолевшем у птицы клюв: как же радовался рыжий музыкант прекрасным звукам, как весело пускались в пляс на полянке два полосатых скунса!

Только с недавнего времени дядя Киспе-Сонко стал рассказывать новые истории – страшные и нелепые. Будто движутся по красной земле зловещие чужаки: их шерстяные лица похожи на морды лам, они едут верхом на невиданных зверях, и знают, как извергать смертельный огонь из палок. Но при столь огромной силе они безумны: носят на головах поваренные котлы, которыми никогда не пользуются. Они не чтут ни прародительницу Пачамаму, ни духов гор Апу, ни самого Инти, бога Солнца. Варвары, без короля и законов.

Киспе-Сонко стал печален, подолгу задумывался, глядя на пёстрые мотки, беззвучно и озабоченно шептал себе что-то. Он всё чаще сплетал длинные нити в чудесные узелки, и Теуотихи понимал, что дядя создаёт новые кипу, пытаясь сохранить рассказ об этих тревожных временах. Всё настойчивей Киспе-Сонко велел мальчику повторять заученные истории, ласково поправлял ошибки, тихо подсказывал. Иногда старик обходил тёмные коридоры хранилища, прислушивался к звукам.

...Ночь выдалась холодной, и малыш, сжимаясь в комочек под тяжёлыми одеялами, видел, что дядю лихорадит. Проснулся Теуотихи от шума: за стенами слышались крики, звучала странная речь. Он вскочил, и забился в тёмный угол, чтобы не мешать Киспе-Сонко, озабоченно шагающему по хранилищу от одной полки кипу к другой. Вдруг крики раздались уже здесь, совсем близко. Кто-то тяжёлый и страшный шёл по коридору, гулко звенел металл. Киспе-Сонко метнулся к двери – и перед ним

возник чудовищный незнакомец огромного роста: чёрная волосатая морда, мясистый нос, дикие глаза.

– Пожалуйста, господин! Мы накормим, мы дадим золота, – торопливо заговорил старый хранитель, пытаясь схватить ужасного незнакомца за рукав, увести от бесценных кипу, отвлечь.

Блеснул серебристый металл – и дядя Киспе-Сонко тихо согнулся вдвое у самой двери. Мохнатое чудовище в блестящих одеждах шагнуло в комнату. По-звериному круглые глаза равнодушно пробежали по моткам древних кипу, по деревянным таблицам, по испуганному мальчику, вжавшемуся в угол. Вдруг чудовище издало страшный рык – непонятный, но, казалось, осмысленный – и от этого стало невыносимо жутко.

Метнулось пламя – огромная лапа резко швырнула факел в самую середину священных кипу, и они тут же загорелись, тихо и весело потрескивая. Красные язычки беспечно плясали по древним сказаниям о сотворении мира, по учётным спискам из разных углов империи, по рассказам о небесных светилах. Горели прекрасные мотки с ракушками, унося в небытие сказку о достославном пастухе и дочери Солнца.

Проворный огонёк подкрался к пёстрым нитям, алчно пожирая весёлых скунсов, хитрую морскую свинку и пушистого лиса, самозабвенно распеваящего звонкие песни. Наконец чудовище закашлялось и вышло, задев рыжим сапогом недвижимое тело Киспе-Сонко.

Только тогда узкие глаза Теуотики наполнились слезами. От жёсткого дыма. От того, что дядя Сонко неподвижно лежал у дверного проёма. И ещё потому, что мягкая Чёрная Лама уже никогда-никогда не захочет спуститься на эту землю.

– Варвары, – сдавленно прошептал последний маленький кипу. – Варвары...

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

ИНДИКАТОР СОВМЕСТИМОСТИ

Все началось с блинов. Однажды, в шабат, моя 16-летняя дочь привела в дом худощавого незнакомого паренька. Его худобу подчеркивал огромный нос, на котором под странным углом разместились очки в красивой тонкой оправе.

Мальчик был очень вежлив, хорошо воспитан и, понятное дело, мне сразу захотелось его накормить. Холодильник ломился от приготовленных к шабату яств: холодец из говяжьих ножек – застыл, и его можно было резать ножом, купленное накануне сало, розовое, с тоненькими прослойками мяса, так и просилось на кусочек ржаного хлеба, а буженина в духовке распространяла аромат далеко за пределами кухни.

– Проходите, присаживайтесь, сейчас будем обедать, – расплылась я в гостеприимной улыбке, не сразу заметив у него на макушке кипу.

Сразу стало понятно, что наш домашний корм ему никак не подходит. Более того, я понимала, что даже на стол выставлять все эти лакомства было бы прямым неуважением к гостю. Поэтому, заметив умоляющее выражение в глазах дочери, я, как-то сразу сориентировавшись, объявила радостно, ни к кому персонально не обращаясь:

– А у нас сегодня блинчики со сметаной, творогом и вареньем! – и тут же засуетилась у кухонного стола.

О чем я думала в тот момент? Скорей всего о буженине, которая перестоит и завтра будет уже не та и о том, как скормить ее втайне от гостя, своим детям.

– Надюша, помоги мне, пожалуйста – позвала я дочь и добавила, с улыбкой обращаясь к гостю, – я дверь прикрою, чтобы запах в комнату не шел.

Отрезав приличный кусок буженины, со словами «Ешь быстро, пока не застучали», я поставила тарелку на стол.

Дочь посмотрела на закрытую дверь, затем на буженину и, махнув рукой, «А, будь, что будет!» быстро заработала ножом и вилкой.

Теперь, можно было смириться с тем, что в шабат мы будем не есть, а перекусывать.

Клянусь, я не желала гостю ничего плохого, я пекла блины с чувством полного удовлетворения от того, что дочь поела.

Блины получились отменные, и вечер прошел в атмосфере полного взаимопонимания. Гость с удовольствием уплетал блинчики, на столе горели шабатные свечи, обращенные на меня глаза дочери, излучали благодарность, и я очень гордилась собой.

Больше мы этого заморыша не увидели. По какой-то странной, необъяснимой причине, они перестали общаться и вскоре, у дочери появился новый ухажер. На сей раз, это был одетый по последней моде, с гордо посаженной головой, самодовольный грузин.

К тому же, его звали Эдик, не Эдуард, а именно Эдик. Признаться, заморыш мне нравился больше.

– Мама, ты не будешь против, если я приглашу Эдика к нам на обед? – спросила дочь, и я тут же согласилась.

Как всегда, обед был готов, но я, решив не отступать от традиций, испекла блинчики.

Было интересно наблюдать, как привыкший к мясу с острыми приправами и зеленью спесивый Эдик, давился блинами. Есть он их не умел и, похоже, вообще видел впервые. Сметана стекала по его чисто выбритому подбородку, варенье с вилки попало на пальцы и к ним прилипали салфетки, которыми он пытался пользоваться. В общем, зрелище было не для слабонервных.

Дочка смотрела в свою тарелку, а я злорадствовала, отдавая отчет собственной стержовности. По делом тебе, нечего было выпендриваться перед нами.

Но, как оказалось, одного раза было недостаточно. Эдик проявлял чудеса настойчивости, и мне пришлось несколько недель подряд кормить гостя блинами, прежде чем он потерялся где-то между Тель-Авивом и Ашдодом.

С зятем до свадьбы знакома я не была. Дочь жила в другой стране, и продуктовые посылки не пропускали. А как было бы замечательно напечь блинчиков и послать новому родственнику. Но об этом можно было только мечтать. Зато, по приезде, я сразу же пригласила детей к себе.

Израиль остался далеко, и потому ничто мне не мешало праздновать Масленицу.

Блинов было много. Я старалась изо всех сил. Зять уплетал их, похваливая, и просил с собой.

Но то ли время мною было упущено, то ли любовь моего зятя к дочери сильнее, да только уже много лет подряд на Масленицу пеку я блины безо всякой задней мысли, просто потому что вкусно.

Когда меня познакомили с будущим мужем, пироги испек он. Памятуя собственное ноу-хау, я, сославшись на диету, вежливо прихлебывала чай, в то время, как окружающие наслаждались его кулинарными способностями.

Отдавая долг вежливости, я пригласила его к себе, и, заметьте, не нарочно, а скорее уже по привычке, напекла блинчики.

И, уже позже, сидя за столом, поймав на себе недоумевающий взгляд дочери, поняла, что натворила.

– Ой, что это я? Вы, наверное, голодны, – вскочила я из-за стола, с грохотом отодвинув стул и попыталась, было, забрать тарелку с блинами.

Гость вцепился в нее, как хватается утопающий за спасательный круг, видимо, подсознательно, понимая, что блины помогут ему избежать брака.

Он был сильнее меня физически, но мне помогла мотивация. Его тарелка оказалась у меня в руках, а блины соскользнули на пол, и пока я их собирала, мой будущий муж, преспокойно пододвинув к себе стоящее на столе блюдо с блинами, начал есть прямо оттуда, приговаривая:

– Нет-нет! Прекрасные блины и я их все съем!

Я, смирилась с неизбежным и потухшими глазами наблюдала результат собственной глупости.

Провожая его, я даже не предложила перезвонить или зайти в гости.

Знала – все бесполезно! С таким количеством съеденных блинов мне не справиться.

Он перезвонил на следующий день и предложил прогулку.

Я собиралась на свидание с тяжелым сердцем, зная, что воспитанный интеллигентный человек не мог просто так, без объяснений оставить женщину.

А он краснел, не смотрел мне в глаза и, казалось, готовился произнести что-то такое, что навсегда прервет наши отношения.

Я репетировала мысленно единственно возможный ответ, который помог бы мне выйти красиво из неприятной ситуации, сохранив при этом собственное реноме. Что-то вроде «Ничего страшного» или «Да что ты о себе возомнил!».

– Ты выйдешь за меня замуж? – тихо спросил он и, растерявшись от неожиданности, я только кивнула в ответ.

С тех пор я всем своим подругам советую прежде, чем заводить серьезные отношения с мужчинами – накормите его блинами собственного приготовления.

Если после этого он вернется к вам – смело выходите за него замуж, потому что этот мужчина Ваш.

КАК ПРОХОДЯТ ИНТЕРВЬЮ

АВСТРАЛИЯ

Сколько их было в моей жизни? Трудно сказать. Но это было особенным. Я еще никогда так не волновалась.

Дело в том, что в обычном порядке мне нужно было подтверждать свои профессиональные навыки, тогда, как здесь о них нужно было постараться забыть.

Интервью было назначено на одиннадцать, но готовилась я к нему с самого утра.

Продуманный более, чем скромный наряд, стянутые в тугий узел волосы, руки, без украшений и маникюра.

Перед выходом, я еще раз взглянула на свое отражение.

Дамочка в зеркале, молодящаяся настолько, чтобы получить физическую работу, отдаленно напоминала революционно настроенную рабочую с Красной Пресни.

Прическа создавала впечатление рабочей лошади, чистые, но сильно поношенные кроссовки на ногах должны были выдавать тщательно скрываемые финансовые затруднения.

Итак, в назначенное время я, выплюнув изо рта несуществующую жевательную резинку, как было рекомендовано в «правилах прохождения интервью», которые я прилежно изучила накануне, предстала перед секретарем, выдерживая на лице неприменный оскал, дабы показать свою принадлежность к австралийским устоям. Не знаю, кто составлял сей кодекс и на кого он был рассчитан, но наставления звучали примерно так:

– выплюнуть жевательную резинку,

– улыбаться,

– избегать упоминания о личных, семейных и финансовых проблемах (как будто, само по себе мое желание мыть полы не является прямым доказательством моих финансовых затруднений).

– избегать разговоров о политике, религии и сексе – интересно, какому соискателю могло прийти в голову философствовать на подобные темы во время интервью,

– не стараться подавить собеседника своими знаниями – совет просто изумительный, то есть, чтобы получить работу, вы должны тщательно скрывать свою компетентность, чтобы, не приведи Господи, не перещеголять эрудицией собеседника.

Поскольку я всегда отличалась пунктуальностью, то явившись к назначенному часу, прождала в приемной около 20 минут, то есть пока служащие общались друг другом за чашечкой утреннего кофе.

Но вот, наконец, откуда-то из недр офиса на меня выплыла непомерных размеров дама и, ответив мне точной копией моего оскала, пригласила в святая святых – комнату для прохождения Интервью.

Я вспомнила Правило № 3 и приняла открытую позу, то есть не скрестила руки на груди и не положила ногу на ногу.

Первый вопрос «Как ты?» – непременный ритуал и я, как хорошо выдрессированное животное, тут же отвечаю:

– Неплохо, а ты? – вопрос риторический, потому висит в воздухе.

– Почему ты выбрала именно эту работу, – с легкой усмешкой задает она первый вопрос.

Как будто мне было из чего выбирать!

Видимо, несмотря на все мои старания, высшее образование, как позорное клеймо, все же просвечивало на лбу, отдавая интеллектом.

Ответ «деньги нужны» – плохой ответ, поэтому, я честно признаюсь в том, что у меня просто руки чешутся убирать квартиры, отмывать душевые кабинки и туалеты.

Дама меня не слушает, озабоченно перебирая бланки и, отыскав подходящий, протягивает мне с предложением ответить на вопросы анкеты.

– У тебя есть полчаса, – произносит она и удаляется, обдав меня запахом дешевого парфюма.

Я с удивлением читаю предлагаемые вопросы, которые должны подтвердить мою компетентность на должности уборщицы.

Вопрос под номером один «Почему Вы выбрали именно нашу компанию?» предлагает мне из 30 отведенных минут, минимум 10 потратить на дифирамбы данной компании.

«Почему Вы хотите получить именно эту работу?»

Как будто, у меня есть выбор!

Ну, цель вопроса «Каковы Ваши слабые стороны?» вполне объяснима – облегчить работу кадров, то есть самой отыскать причину по которой я им не подхожу.

На вопрос «Как Вы представляете свое положение через пять (десять) лет?» отвечаю обтекаемо: я хотела бы работать в этой же организации, но на более ответственной должности.

На самом деле, я хотела бы работать в отделе кадров. То есть просто получать деньги, пить кофе и раздавать опросники соискателям. «На какую зарплату Вы рассчитываете?» – вопрос потрясающий.

Поскольку Правило № 6 предлагает предоставлять только достоверную информацию, отвечаю четко и уверенно, то есть, честно признаюсь в том, что уровень зарплаты должен покрыть мои счета, ссуды, текущие расходы на парикмахера, косметику и маникюр, заграничные поездки, а также, желательно, на подарки для детей и внуков.

Вернувшись, дама все с тем же оскалом сообщает мне об окончании интервью.

Через две недели я получаю письмо – интервью я не прошла.

Видимо, мои жизненные цели не отвечают потребностям данной организации.

ИЗРАИЛЬ

За письменным столом, заваленным чертежами, бутылками с колой и остатками шаурмы, сидит лысоватый мужчина средних лет с кипой на макушке.

– Шалом, мотек! – произносит он, одной рукой, забрасывая в рот чипсы, а жестом другой руки предлагая присесть на продавленный, в углу стоящий, диван.

– Шалом! – отвечаю я, осторожно усаживаясь на край дивана.

– Как дела?

– Все в порядке.

– Есть хочешь? – задает он мне традиционный вопрос.

– Нет, спасибо, – я представляю, как буду хватать руками чипсы и мясо с его тарелки и судорожно сглатываю, пытаюсь подавить спазм.

Он вертит в руках мой диплом инженера, собираясь с мыслями, затем, поднимает глаза и бесцеремонно начинает меня разглядывать.

Взгляд его скользит по лицу и замирает в вырезе блузки. Затем, многозначительно улыбнувшись плотоядной улыбкой, слегка подавшись вперед, он произносит с отеческими интонациями в голосе:

– Тебе не нужна работа, тебе нужен друг!

Я принимаю условия игры, зная их правила. Продолжения не последует, и скромно опускаю глаза, затем, тоном пай-девички, с легким вздохом сожаления бормочу себе под нос:

– Друг просто необходим, но где его взять?

Прием давно не новый и давно опробованный, знаю наперед, что за этим последует, тем не менее, не могу отказать себе в удовольствии полюбоваться на очередного самовлюбленного самца.

Мой собеседник победоносно распрямляет плечи, втягивает живот, и уже совершенно другим, не допускающим возражений тоном, проговаривает:

– Мы встретимся вечером, выпьем кофе, и мы обо всем поговорим. Все будет хорошо, не переживай.

– Вы знаете, – отвечаю я, – у меня дети, двое и старенький папа, я никак вырваться не смогу. А Вы приходите прямо ко мне домой, пообедаете вместе с нами, я Вас с папой познакомлю.

Его взгляд становится острым, как бритва и, поджав губы, он встает из-за стола, давая понять, что интервью окончено.

– Мы сообщим вам результаты, – сухо произносит он, а я поспешно удаляюсь, пытаясь не испачкаться о ручку входной двери.

МОСКВА

Офис филиала престижной американской фирмы был расположен в гостинице «Космос». О вакансии заместителя руководителя со знанием английского языка я узнала совершенно случайно. Директор филиала не говорил по-русски, а потому это было непременным условием трудоустройства.

Референт встретил меня в холле гостиницы и проводил в кабинет.

Вскоре появился и сам директор в потертых джинсах, черном, сильно поношенном свитере и старых, стоптанных туфлях.

– Привет! – по-английски обратился он ко мне.

– Привет! – так же легко ответила я, протягивая резюме, которое он отложил в сторону, даже не взглянув.

– Для чего тебе нужна работа? – спросил он, бесцеремонно пуская мне дым в лицо.

– Извини, я не поняла,

– Ну, ты же не голодная, сразу видно. Я в Москве уже два года, здесь все голодные и это хорошо. Они будут держаться зубами за свое место.

Он говорил со мной, как с человеком, который его поймет:

- Они здесь все работают за копейки, понимаешь, работы нет, зарплата маленькая, а у меня все условия, красивый оффис.
- А каков месячный оклад без бонусов? – задаю я вопрос просто так, ради интереса.
- Первые 3 месяца испытательный срок. Я плачу 12000 рублей в месяц.
- Так ведь пенсия и та 15000, – начала было я, и осеклась, – а что потом? Он смеется громко, раскатисто и нагло.
- Что потом? Потом я их увольняю, как непрошедших испытательный срок.
- Извини, у меня ещё одно интервью, – я встала и направилась к выходу.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Частная клиника. Интервьюирует женщина. Красивая, уверенная в себе, что само по себе внушает надежду.

Я протягиваю ей диплом массажистки.

Она, тепло улыбнувшись, отодвигает мою руку:

– Не стоит. Для меня очень важно почувствовать твои руки, – чуть понизив голос, произносит она и мягко уводит меня за занавеску.

Ничего предосудительного в этом я не вижу, это правильно, ни один диплом не расскажет – хороший ты массажист или нет. Проверить можно только на деле, поэтому я, как положено, отворачиваюсь, пока женщина раздевается.

– Ты готова? – спрашиваю я, и, не дождавшись ответа, поворачиваюсь лицом к столу, на котором лежит полностью обнаженная дама.

На мои попытки прикрыть ее простыней, она отвечает многозначительной полуулыбкой и мягко берет меня за руку.

Я с интересом рассматриваю татуировки и пирсинг на ее теле, затем, решительным голосом предлагаю лечь на живот.

Нехотя, она переворачивается и не произносит ни слова за все время массажа.

– О своем решении я сообщу письменно, – сухо произносит она на прощание.

Письмо я действительно получила. Мне отказали, но в первый раз за всю мою карьеру в этом письме была озвучена причина отказа.

Я не подходила по причине высокой квалификации. «Вы поднимите доходы клиники, а соответственно, увеличите налог на доход, что не рентабельно».

Я сняла копию с подлинника и при поступлении на новое место работы предоставляю ее вместо рекомендации.

ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных

журналах и сборниках («Нева», «Новый журнал», «Стороны света», «Крещатик», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

Пальто мадам Гройсман

В моей семье я – последнее поколение провинциалов.

Где бы я ни жила, а считаю себя жителем маленького города. Главная улица Ленина, парк культуры и отдыха имени Горького, центральный универмаг, колхозный рынок, кинотеатр имени... Десять лет ходишь по улице Ленина в школу и обратно, знаешь в лицо всех проходящих...

О чем мы сегодня? Ах, да, о пальто мадам Гройсман. Вот она, Мара Израйлевна, спешит на работу в своем в черном пальто с блестящими пуговицами и в каракулевом берете «Фантази». Из-под вытачек пальто выпущен черный блестящий шелк, таким же шелком оторочен воротник и манжеты. О-очень стильное пальто!

Пальто мадам Гройсман шил лучший мастер Дома Быта Ленинского района Михаил Борисович Кашка. За пальто Кашка запросил с мадам Гройсман сто пятьдесят рублей. Без оформления, конечно.

– Почему сто пятьдесят?! – возмущалась мадам Гройсман. – С

Самариной вы взяли сто, с Мисюрис сто и с Гершензон сто!

– Ну, а как же, мадам Гройсман?! – удивился мастер, – Вы же, женщина, не в обиду сказать, крупная, удовольствие смотреть. Но шить на Вас, простите, двойная работа!

Муж мадам Гройсман заведовал продуктовым магазином.

Наслушавшись жалоб жены, он стал брать с Кашки двойную цену за дефицитные продукты. Кашка обиделся, и все ему высказал:

– Ну да, если у кого жена, что пока вокруг обойдешь, от сигареты один бычок останется, то, конечно, ему нужны большие деньги, чтобы ее прокормить!

– И одеть! – в тон ему добавил Гройсман. – А то многие пользуются женской слабостью. Тебе по квитанции полагается взять пятьдесят шесть рублей – бери. А что сверху дали – скажи спасибо. Будешь цену назначать – без клиентов останешься!

Гройсман велел жене пошить летнее платье в том же ателье у закройщицы Гарамовой. Закройщицей Гарамова была неплохой, но не умела ни фасон выбрать, ни фантазию проявить. А в пошивочном деле без фантазии не пробиться. Так вот работала она на вторых ролях уже десять лет, оставаясь для всех закройщиков Маруськой.

Кто пошьет на незнакомую клиентку?

– Маруська!

Кто возьмется шить плотный шелк, который тупые бытовские иголки не протыкают?

– А Маруське дайте!

Михал Борисович и внимания-то на нее не обращал, так, пройдет мимо – чуть кивнет, и только. На прошлое Первое мая сотрудники ателье собрались посидеть вскладчину. Сидели у Кашки. И живет близко, считай, во дворе, и квартира просторная. Там на гулянке Марусю и осенило. Один в трех комнатах, да первый закройщик, да бездетный вдовец! Марусе, даром что уже тридцать шесть стукнуло, а еще мечталось о семье. Детей, наверное, уже не будет, но муж-то в любом возрасте может пригодиться. А тут квартира окнами на улицу Ле-ни-на! Первомайскую демонстрацию можно из окна смотреть – это вам не баран чихал – трибуна обкомовская прямо напротив ванной!

Сам Михал Борисович был мужчиной невидным: волосы белесые, коротко стриженные, не поймешь – седые или от природы такие бесцветные, глаза маленькие, желтоватые. Нос, правда, сразу бросался в глаза – этаким большой, с запасом выкроенный, словно нос этот готовили для кого-то другого побольше размером. Но, не внешность же в конце концов главное!

Как-то Маруся шила на завкадрами Дома Быта. Была завкадрами бабищей в три обхвата, так что приходилось ей шить даже белье. Вот за примеркой лифчиков она и разговорилась завкадрами. И разузнала Марусю, что Михал Борисычу только-только сорок шесть лет. Молодой еще мужчина! И как же она восемь лет с Михал Борисычем бок о бок проработала, а счастья своего не распознала? Ну теперь-то она его не упустит!

Маруся Гарамова строила планы захвата, но все, конечно же, как всегда упиралось в финансовый кризис. В этом кризисе закройщица Гарамова

пребывала постоянно. Дело в том, что своего жилья Маруся не имела, и снимала комнату у старой мадам Гройсман, свекрови нынешней мадам, бабки скверной и прижимистой. Комната, правда, была очень хорошая: большая, солнечная, в два окна, да еще и со своим выходом во двор. Но, на оплату ее уходила большая половина Марусиной зарплаты. Остатки денег шли на еду и редкие поездки к родителям. От родителей корзинку яиц привезет, картошку, иногда курицу. А бабка Гройсман чуть не каждый день колбасу хорошую ест, и ведь никогда кусочком не угостит! Ей бы, Марусе так питаться – сразу бы в тело вошла, отбоя бы от мужиков не было. А на картошке-то какие телеса вырастишь? Вот и получается, что из метра ткани платье можно выгадать, еще и на рукава остается. Одежду Маруся шила, покупая в своем ателье остатки тканей за копейки, а вот обувь у нее была проблемой номер один. Ну, кто заинтересуется женщиной в войлочных сапожках? А никто!

Так вот целый год Маруся и промучилась, пытаюсь обратить на себя Кашкино внимание. И так и этак пыталась. На верхнюю полку стеллажа с тканями залезала в короткой юбке, – под юбку заглянул, но и только. На полу иголку искала, на коленях ползала, – хмыкнул, да и мимо прошел. Подкараулила как-то на лестнице и стала колготки поправлять, а он и говорит:

– У тебя, Маруся, на чулке стрелка – зацепи, а то дальше пойдет!

Конечно, у него клиентки французскими духами пахнут, колготки у них по семи рублей пара – стрелок не пускают. Да и белье на них хорошее. А у Маруси комбинации с узеньким кружевом, которое после второй стирки расплзается на части, да «трико женское белое платированное», а после третьей стирки уже не белое а б/у. Маруся тоже купила себе духи – «Ландыш серебристый», запах за три шага слышно, а он только нос сморщил.

И вот тут подоспела история с пальто.

Гройсман как-то заехал к матери с недельным запасом продуктов. Взгромоздив две неподъемные сумки на кухонный стол, он спросил у Маруси: – Ты хорошо шьешь?

– Хорошо шьет, плохо шьет, зачем тебе это знать? – тут же отозвалась вредная бабка Гройсман.

– Халат мамин ты шила? – спросил Гройсман.

– Ну, и что такого ты увидел в халате? – не унималась бабка. – Ты таки думаешь, что она сможет пошить на твою жену тот сиреневый шелк, что она брала на базе? Чехол на самолет ей надо взять и три дырки прорезать, а не сиреневый шелк!

Но Гройсман отмахнулся от бабки:

– Слушай сюда, Маруся, завтра придет в ателье моя жена и отдаст тебе шить платье. Сделаешь хорошо – утрешь нос Кашке, а я тебя отблагодарю!

Никогда и не мечтавшая о такой клиентке, Маруся Гарамова, как сама потом призналась подругам, «Просто на говно извелась!», пытаясь угодить мадам. Платье получилось. Мадам Гройсман тотчас же заказала еще два, одарив Марусю сиреневой двадцатипятирублевкой за каждое платье. Обалдевшая Маруся, которой никто еще больше пятерки не давал, провожала клиентку до дверей и, задыхаясь от счастья, приговаривала:

– Мара Израйлина, если кто из знакомых, так пусть прямо ко мне, скажут от Мары Израйлины – я всегда!

Кашка, белый от злости, курил на лестнице. Мадам Гройсман протиснулась мимо и приветливо поздоровалась:

– Добрый день, Михал Борисович! Погода чудесная, хоть сегодня летнее платье надевай!

– Кур-ва! – прошипел ей в спину Кашка.

На следующей неделе две подружки мадам Гройсман заказали у Гарамовой. За лето приобрела Маруся не только хороших клиентов, но и авторитет. А что с фантазией плохо, так не пожалела она денег, и купила в гостинице “Интурист” журнал “Бурда”. Платья в этой “Бурде” – зашибись! Все клиентки были довольны. Маруся даже подумывала купить еще одну “Бурду”, вроде как, «у меня журналов навалом», но решила подождать зимнего номера.

Гройсман и Кашка, разобидевшись друг на друга, перестали встречаться за преферансом. Оба злились на весь мир почти месяц, но постепенно пришли к мысли, что, как выразился Кашка, «От баб одна морока!» И встречи за картами по пятницам снова стали регулярными. При этом каждый думал, что наказал другого. Гройсман потому, что теперь многие стали заказывать платья у Гарамовой. Кашка потому, что у него перестали заказывать платья, освободив его для более денежной работы – пальто и костюмов. Ну, кто же рискнет шить костюм у Маруськи? Или, скажем, пальто... Шутите!

И не видели ни тот ни другой, что победителем-то вышла Маруся Гарамова.

Так вот, значит, в конце августа пришла Маруся на работу в новых чешских босоножках. И платье новое, первый раз надетое, фасон из той самой “Бурды”. Мастерицы хвалили, мол, хорошо получилось, идет тебе.

Под платьем тоже все было новое, но кроме Маруси об этом никто еще не знал. Во время перерыва она подстриглась в салоне на первом этаже и укладку сделала с бигуди и лаком. Поднимаясь в ателье, еще и губы накрашила розовым перламутром. Открывая дверь пошивочного цеха, Маруся бросила взгляд в зеркало на стене. Смотрела на нее оттуда вполне симпатичная женщина, не первой, конечно, молодости, но и не старая еще. Волосы русые «налачены» до твердости, губы розовым перламутром блестят, ноги хоть и не первый класс, но из-под шелковой юбки «солнце-клеш» только новые босоножки и можно рассмотреть. Платье сиреневое, совсем такое как у мадам Гройсман, только шелк не с базы, а из магазина тканей на колхозном рынке. Грудь небольшая, но вполне бросается в глаза щедро приспособленными мелкими рюшечками. Впервые за тридцать шесть лет показалась себе Маруся Гарамова женщиной чуть ли не «алегантной». Сумку поставила в шкаф, оттуда сверток подхватила с утра дожидавшийся, и к Кашке:

– Михал Борисыч, я к вам с просьбой, уж не откажите. Хочу костюм пошить, с жакетом модным. Вы своей клиентке шили – просто глаз не оторвать. Материала в обрез, мне самой не выкроить, а у вас получится. А я в долгу не останусь. Сделайте, Михал Борисыч, вы ж у нас самый лучший!

Пела Маруся так и умильно в глаза Кашке заглядывала. Пока обмерял ее – едва дышала, а как стал материал раскладывать да кроить – прямо всем телом на него поперла.

– Маруся, – мурлыкал удивленный Кашка, – я же работаю, смотри, не там разрежу!

– И то правда, – согласилась Маруся. – Не буду вам мешать, Михал Борисыч, после работы закончим!

С трех часов дня пошли примерки одна за другой, и Маруся поднялась в пошивочный цех только после пяти вечера. Закройщики уже разошлись, лишь одна из мастериц еще дострачивала подол свадебного наряда. К половине шестого ушла и она, пристроив платье на манекен и накрыв белой простыней. Наряд этот свадебный Маруся томным взглядом оглядела. Кашка послушно ждал, сидя за своим столом и сметывая на живую нитку для первой примерки ее костюм.

– Готово, Маруся! – наконец сказал он. – Можно примерить!

Маруся встала медленно и со значением. Подошла к столу и, так же медленно нагнувшись и, обдав Кашку запахом лака для волос, собрала руками подол платья и потянула вверх. Кашка только сейчас сообразил, что на Марусе-то платье, а не юбка с блузкой, как на клиентках. Обычно

дамы на примерку костюма приходили в юбках с блузками и жакет примеряли на блузку. Пока он это думал, Маруся уже успела утянуть платье далеко вверх и глазам изумленного Кашки предстала ярко голубая комбинация обшита по подолу кружевами шириной в ладонь. Маруся явно разворачивала все стратегические резервы, так как далее, враз вспотевшему Михал Борисовичу, показалась грудь в светло-голубом лифчике, а затем из-под сиреневого шелка вынырнуло Маруськино лицо с пылающими щеками. Платье Маруся бросила на стол и, выдернув из рук обалдевшего закройщика юбку, вступила в нее обеими чешскими босоножками и потянула вверх, причем вслед за юбкой вверх пошла и голубая комбинация. Маруся, однако, комбинацию одернула, – не все сразу – и повернулась к зеркалу. Кашка дрожащими руками кое-как примерил юбку. Надевая на Марусю жакет, он очень старался отвести глаза от голубого лифчика, но глаза не слушались, будто прилипли к шелковым бретелькам. Он помог ей снять жакет. Потом вытаскивал булавки из юбки, а глаза все равно не могли оторваться от застежки, выделявшейся на ярко-шелковой Маруськиной спине.

– Пригласите меня к себе на чай, Михал Борисыч, – предложила Маруся, – или еще на что...

– Ко-конечно, – выдавил из себя Кашка, – пойдем ко мне, то есть пойдемте!

По лестнице они шли рядом, а на улице Маруся взяла его под руку, просунув свою ладошку лопаткой под Кашкин локоть и прокопав путь до самых ребер. Зашли в подъезд, поднялись на третий этаж. Кашка долго не мог в темноте попасть в замочную скважину. Наконец, ключ повернулся, и дверь, скрипнув, распахнулась, пропуская Марусю с Кашкой.

Свет они не включали. Маруся по-хозяйски закрыла дверь на замок, поставила сумку под вешалку и сняла одну об другую босоножки. Квартиру Маруся изучила еще в ту первомайскую гулянку, в спальню тогда же из любопытства заглядывала, поэтому куда идти знала. Ощупью прошла в конец коридора и стала расстилать постель. Разделась в ванной, поплескала водой на подмышки да внизу, полотенцем вытерлась. Отметила про себя, что полотенца застиранные, надо выварить с порошком. Снова вошла в голубую комбинацию и босиком прошлепала в спальню. В кровать улеглась, одеялом закрылась до подбородка и стала ждать. Михал Борисыч гремел чайником – воду, что ли, пил. Потом позвал из кухни:

– Маруся, может, винца выпьем?

Она не ответила и он, вздохнув, пошел в спальню. Уже вешая брюки на спинку стула, Кашка вдруг спросил:

– А у тебя давно кто был?

– Фу-у, спросил, наконец! – пронеслось в голове Маруси. – А никого у меня не было, Михал Борисыч, – ответила она из-под одеяла, – вы первый будете!

– Так ты что, замуж хочешь? – опешил Кашка.

– А чем вам плохо будет? – спросила Маруся. – Я вас на десять лет моложе, везде здоровая, варить люблю, приберусь тут у вас...

Она так боялась что Кашка сейчас откажется, что все ее планы полетят на помойку и что она вот прямо сейчас попрощается с мечтой о трехкомнатной квартире окнами на первомайскую демонстрацию...

– Я даже могу жареную утку в духовке делать. Гостей будем звать... – у Маруси от волнения голос сорвался.

Кашка еще постоял босиком у окна, почесал в затылке, да и полез в постель. Любовные ласки Маруся перенесла безропотно, даже не вскрикнула. Только было ей очень трудно дышать, потому что на нее еще никто так не наваливался. Но, все кончилось быстро. Михал Борисыч повернулся к стенке и засопел, а она еще немного поерзала, потом привалилась спиной к его спине, согрелась и тоже уснула. Во сне Маруся Гарамова улыбалась и снились ей гости в столовой за круглым столом с бархатной скатертью.

Назавтра еще до открытия магазина Кашка зашел в кабинет Гройсмана.

– Мне, Леонид Самойлович, для семейного торжества, уж Вы не откажите! – улыбаясь попросил он, передавая список продуктов. – Женюсь я, устал один жить. И клиентов у меня меньше чем раньше. Так что, материально легче будет, жена хорошо зарабатывает! – усмехаясь рассказывал он.

– Кто ж невеста? – рассеяно спросил Гройсман.

– А закройщица наша, Мария Федоровна. На десять лет меня моложе, фигурка стройная, молодая еще женщина! – Кашка улыбался все шире.

– Маруська Гарамова?! – ахнул Гройсман.

– Гарамова, Мария Федоровна, – подтвердил жених, улыбаясь, как будто получил наследство тети-миллионерши. – И просим вас с супругой к нам в субботу вечером, так сказать, отметить.

Никто в магазине не мог понять, почему Гройсман весь день шпынял продавщиц и разорался на грузчиков, распивавших в перерыве свою обычную поллитру.

Кашка за два дня сварганил для Маруси свадебное платье по французскому журналу. Но до субботы невеста так поправилась на дефицитных продуктах, что в платье влезла с трудом. Через положенное время отмечали рождение маленького Гриши, а еще через полтора года – Ани.

За пять лет семейной жизни Маруся раздобрела, стала размером чуть не с мадам Гройсман. А сама мадам Гройсман, в очередной раз заказывая у Маруси летние платья, пригласила ее к себе домой и подарила целый чемодан почти новых вещей, в которые сама уже не влезала. Так у Маруси Гарамовой и появилось очень стильное черное пальто “от мадам Гройсман”.

А Гройсман и Кашка теперь вместе ходят по пятницам в сауну и, выпив порядочно пива, за преферансом рассказывают смешные байки про своих жен, которые у них «женщины крупные, просто удовольствие смотреть!»

МИХАИЛ СПИВАК

Писатель, публицист, редактор, член Союза журналистов России, член Академии литературы и искусств Украины. Проживает в Канаде.

Автор романов: «Тыловые крысы, или армейская одиссея Сёмы Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения дона Мигеля Кастильского и визирия Иерусалимского в Испании» (2012),

«Мужской взгляд на любовь» (2013).

Публикации в периодических изданиях: «Невский Альманах», «Новая Немига литературная», «Метаморфозы», «Мир животных», «Новый Свет», «Порт-Фолио», «Set40»,

Лауреат литературных премий: имени Н.В.Гоголя «Триумф» (Украина, 2015) и имени Вениамина Блаженного (Беларусь, 2015).

Авторский сайт: <http://spivakm.com/>

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮДИ

В учебном центре канадского города Виннипега я веду шахматы, однако в тот день коллега попросил подменить его на предмете естествознания. Захожу в класс – сидят малявки пяти-шести лет.

– Здравствуй, дядя Миша! – кричат мне. Белокурый мальчик Коля машет рукой: – Привет!

– Привет, – здороваюсь с ними.

В Канаде не принято обращаться к старшим по имени и отчеству, поэтому мы, преподаватели, не требуем соблюдения условностей. Дети называют учителей дядями и тетями.

– Что вам на прошлом уроке рассказывал дядя Дима?

– Про древних людей! – зашумели, загалдели они с места.

– Хорошо, тогда продолжаем. Селились древние люди в пещерах, спали прямо на голых и холодных камнях, шкуры вместо одеял использовали; питались сырым мясом, ягодами и съедобными корешками...

Смотрю, Коля тянет руку, и улыбка до ушей.

– Что ты хотел сказать?

– А я знаю, как появились современные люди! – весь класс затих. Я жестом показал, что он может говорить, и он стал рассказывать: –

Сначала люди были дикими, дрались палками, кидали камни, кусались, могли целого быка съесть или друг друга, а потом появился Советский

Союз, и они превратились в нормальных людей, придумали самолет и полетели в космос, и уже на других планетах поселились, даже на Марсе. У меня аж дух захватило от его познаний.

ЗНАТОК ИСТОРИИ

Сроки поджимают. Готовлю к печати декабрьский номер газеты. В лучших традициях мультикультурализма пишем обо всех праздниках (чтобы никому обидно не было). Мои коллеги взяли на себя Новый Год и Рождество, а я пишу статью о Хануке, предварительно ознакомившись с несколькими главами из книги Маккавеев. Сижу и вслух считаю, сколько же там было братьев-повстанцев. По всему выходит – отец и четыре брата. Рядом крутится мой семилетний сын Мишка.

– Пять братьев, – говорит он.

– Сынок, четверо...

Я погрузился в книгу, пробежал по тексту – пятого не вижу.

– Пять, – не соглашается он. – Я точно знаю.

Я снова давай листать, весь текст перелопатил, – теперь хоть преподавателем иудаизма в университет устраивайся, – и точно, нашел пятого. Но возникает вопрос: откуда второклассник мог знать то, что не известно мне, взрослому человеку, прочитавшему довольно много книг.

– Сынок, тебе кто-то рассказал, что братьев было пятеро?

– Нет.

– Может быть, в школе говорили? — недоумеваю я.

– Нет.

– Ты у дедушки спросил?

– Нет, дедушка сам не знает.

– Сдаюсь, сынок, просвети отца.

Он отложил кубики, из которых строил замок, и удивленно поднял на меня глаза, будто спрашивал, не прикидываюсь ли я. А потом тоненько, по-детски задорно засмеялся:

– Смешной ты, папа. Я на обложке картинку посмотрел: там старый дядька и пятеро молодых, – и тут же счастливый побежал в спальню. — Мама, мама, я папе статью помог написать!

НА ТАМОЖНЕ

Смотрю я в честные и кристально чистые глаза наших любимых таможенников и понимаю: глаза – не зеркало души. Нет, и близко не стояло... и не лежало, и не сидело. Судите сами.

ОДЕССА

Бравый таможенник с пышными усами придиричиво разглядывает пустые страницы моего паспорта:

– Хм, не знаю, что с вами делать. Въехать на территорию Украины вы не можете... – он собирается с мыслями. – У вашей супруги два кольца и цепочка. Золотые украшения надо описать и отправить на экспертизу. Вдруг это краденные музейные экспонаты?

– Шутить изволите?

– Но-но, не забываетесь! – таможенник приосанился, дунул в моржовый ус и форму свою синюю поправил. – Не надо говорить, что нет в побрякушках ничего особенного. У меня интуиция. А после экспертизы в Киеве их заберете, если отдадут. Гы-ы-ы... – оскалился он. – Будем оформлять?

Я выпалил по его адресу гадкую, полную издевательств и язвительного цинизма тираду, такую, чтобы с ног валила... выпалил ее про себя, а вслух обреченным голосом спросил:

– Сколько?

– Думайте.

Пальцем, каким обычно делают неприличный жест, он подвинул мой паспорт. Кладу туда одну купюру среднего достоинства и тем же пальцем возвращаю ему. Таможенник не смотрит, он оскорблен.

– Подумайте в два раза больше!

Удваиваю ставку. Если еще запросит – не дам, не стоят побрякушки тех денег. Усатый мне благосклонно кивает. На его лице заиграла светлая улыбка.

– Добро пожаловать!

Иду к выходу и мысленно заканчиваю злую тираду об одесской таможне. Да, какой я все-таки страшный... когда молчу.

КИЕВ

– Нарушаете! – пробасил толстый таможенник. – Вы в гостях были? Ребенку на прошлой неделе пять лет исполнилось? Непорядок!

– В чем дело?! – щеки и шея моей жены покрываются красными пятнами.

– Пять лет ребенку. Значит, его фотография обязана быть в паспорте. Вы можете ехать дальше, а ребенок тут останется... И не надо, женщина,

делать вот такие испуганные глаза. Вернетесь потом за ним с фотографией, мы вам его отдадим.

– Так. Что хотите? – спрашиваю я.

– Магарыч – бутылку дорогого коньяка. Вон там можете купить.

Захожу в магазин, спрашиваю девушку-продавщицу:

– У вас палёный коньяк есть?

– Мужчина, зачем вы нас обижаете – только фирменный!

– Мне нужен палёный на этиловом спирте – плачу, как за «Наполеон».

– Простите, но такого не имеем.

Молодая продавщица с опаской косится на меня.

– Ну, хотя бы откупорить бутылку и плюнуть туда вы можете?

Мотает головой, а по глазам вижу, сейчас позовет милицию или санитаров из ближайшего дурдома.

– Ладно, – говорю разочарованно и показываю пальцем, – давайте вон тот коньяк, со второй полки.

Пришлось купить импортный, качественный. Обидно.

ИРМА УЛИЦКАЯ

В Австралии с 1995 года.

Журналист. Одеситка до мозга костей. В прошлом многолетняя сотрудница газеты «Правда». Всегда желательный автор во всех местных русскоязычных изданиях.

Быль, рождённая из сказки

*« Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: чудо есть!»
(Макс Волошин – Марине Цветаевой)*

– Мы уезжаем...

Голос ее дрогнул.

– Куда?...

Я протолкнула комок в горле. Сколько раз уже за последние месяцы мне приходилось слышать эти два слова “мы уезжаем” и задавать беспомощный вопрос “куда?”

– В Израиль... Зайдете к нам? Попрощаемся...

Мы обнялись. Впервые за последние несколько лет. Я учила ее детей, Диму и Наташу, я любила их, милых, прилежных, воспитанных, я уважала ее, их мать, всегда приветливую, искреннюю, готовую помочь в нескончаемых классных хлопотах.

...Несколько лет назад произошло то, что сломало принятые в нашей стране и привычные уже отношения между учителями и родителями, корректные, уважительные, но отстраненные во избежание каких бы то ни было сплетен и слухов.

В тот день, в самый обычный банный день, в субботу, горячей воды, как всегда, не было, а Наташу купать надо было, и Дима, старший брат, студент и первый помощник в доме после отца, снял с плиты ведро с кипятком, собираясь вылить его в ванну. Как случилось, что он споткнулся и... Дима был в глубоком шоке, из которого его безрезультатно пытались вывести врачи “Скорой помощи”.

Я примчалась в больницу. В коридоре сидели и мама, и папа, и Наташа, застывшие, безмолвные. В их страдальческих глазах, казалось, была та же боль, что и у Димы, лежавшего за дверью, там, куда их не пускали. Мы обнялись. Молча. О чем было говорить?...Ждали... Ждали... Его спасли. После операций, пересадок кожи, пережитых страхов, что он уже никогда не будет полноценным мужчиной, Дима вернулся домой.

Прошло несколько лет. И вот они уезжают. И я пошла прощаться.

Старый одесский двор, захламленный, неухоженный; ветер рвет развешанные мокрые простыни и полотенца; коты дремлют на крылечках; полузасохшая акация потрескивает в глубине. Знакомая картина... Дверь. Номер квартиры. Звонок. Комната. Дима на работе. Наташа в институте. Мы сидим за столом и говорим. О чем? Обо всем. И ни о чем. На стенах белесые следы от снятых фотографий, пустые полки буфета.

– Я хотела бы показать Вам кое-что.

Софа пропустила меня вперед. Открыла дверь.

– Зайдите, пожалуйста.

Я зашла. В комнате полумрак, маленькое оконце, сквозь него со двора пробивается слабая полоска солнечного света. Софа вышла. Я взглянула на стену. Картина. Большая. Темная. Портрет. Игра света и тени. Рядом еще одна. Портрет. Рядом еще, еще, еще. Куда я попала? Что это? Музей? Картинная галерея? Я оглянулась. Софа стояла за моей спиной.

– Что это?

– Я сейчас Вам все расскажу. Это рисует Дима.

– Дима?! Но ведь он...

– Да, я знаю, он никогда не рисовал, и единственная тройка у него была по рисованию. Это началось, когда его выписали из больницы... После того страшного дня, когда он обварился... Я проснулась поздно ночью. Дима не спал, в его комнате горел свет. Я подошла к двери. Он сидел за столом, полуодетый, напряженная спина, в руке карандаш, глаза устремлены в ведомое лишь ему. Это были не его глаза. Он рисовал. Я бесшумно приблизилась к сыну. Он будто не видел меня, не реагировал никак на мое присутствие. Он рисовал.

Я смотрела на портреты. Кто так творил? Рембрандт? Тинторетто? Дюрер? Тициан? Неповторимая свежесть красок. Роскошное искусство Высокого Ренессанса, выразить восхищение которым можно лишь высокими словами.

Вырвавшееся на свободу после столетий аскетизма и религиозного фанатизма, воспевающее величие и достоинство человеческой личности, силу духа и воли. Темный фон, ничего лишнего, все внимание художника сосредоточено на лице, на взгляде, озаренном внутренним светом. Изломанные поля шляп, бархатные береты, белоснежные манжеты, изящные бородки, брабантские кружева, локоны, бесстрашные и решительные глаза, устремленные прямо на зрителя, - что это? Откуда? ...Звякнул звонок. Пришел Дима.

– Дима, дорогой, что это? Откуда? Как?

– Я сам не знаю. Просыпаюсь поздней ночью и начинаю рисовать. Я не знаю, кто эти люди, я никогда не был в знаменитых музеях. Я просто вижу и рисую...

– Каждую ночь?

– Нет, не каждую. Но часто.

– А кто обучил тебя такой технике?

– Никто. Я просто знаю, как нужно рисовать.

Как это осознать? Он просто видит, просто знает. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Старая истина, но истина ли?

Идеальное владение кистью, масло, холсты, цвет, тени, античные пропорции человеческого тела... Кто первым придумал “золотое сечение”? Древние греки? Кто воссоздал его? Леонардо? Да, Леонардо. Откуда это все у Димы?...

Вошла Софа.

– Почему я ничего не знала? Почему Вы мне не рассказали об этом?

– Дима запретил кому-либо говорить и показывать. Он сам не может ничего объяснить и понять. Но я, конечно, приводила к нам втайне от него преподавателей и из художественного училища, и с художественно-графического факультета пединститута.

– И что?

– А ничего. Этого не может быть, потому что – да Вы знаете, что дальше. Мы, конечно, понимаем, что это последствия того болевого шока, но...

И теперь они уезжают. Первый вопрос, естественный в те времена: удастся ли им вывезти картины. Не буду пересказывать подробности того долгого и нелегкого разговора. В общем, разрешение они получили. Чего это им стоило, в прямом и переносном смысле, – не мне вам объяснять.

Я пришла к ним еще один раз, совсем последний. Опять сидела в той полутемной комнате и смотрела, смотрела и не могла насмотреться.

Ящики для упаковки картин стояли у стены. Дима, совсем взрослый, инженер, высокий, стройный, с грустными глазами, тихо входил и так же тихо выходил. Может, хотел что-то сказать? Не знаю.

Прошло десять лет.

Машина петляла по горному серпантину, страшному коловращению камней, скал, обрывов, пропастей и снова скал. Страшно, не так быстро, пожалуйста.

Когда-то здесь плескались воды древнего моря Тетис. На юге простирался сверхконтинент Гондвана. Распавшись, он образовал Индию, Африку, Южную Америку, Австралию и Антарктиду. А дно моря Тетис вздыбилось и стало скальным основанием Израиля. И высоко, в горах Верхней Галилеи, на севере, появился Цфат – надежный, безопасный город, таящий неразгаданные секреты. Отсюда должен был начать свой путь в Иерусалим Мессия. Здесь, по легенде, сын и внук Ноя основали ешиву, где много лет учился один из самых почитаемых мудрецов. Цфат, укрывавший и спасавший бежавших от ужасов инквизиции, переживший землетрясения, эпидемии чумы, арабские налеты и атаки. Пережил и выстоял. Город мистиков и кабаллистов, но именно в нем был установлен первый печатный станок и опубликована первая печатная книга на иврите в 1578 году. Город музыкантов и художников. Один из четырех священных городов Израиля.

Узкие средневековые улочки с односторонним движением. Двум машинам здесь не разъехаться. Изумительный пьянящий горный воздух. Странные люди, будто сошедшие с картин вечного юноши Марка Шагала, где они парили в серых облаках рядом с летучими рыбами и криворогими коровами. Будто время остановилось для них.

Когда-то хасидский раввин Нахман сказал: “Мир – это узкий мост; главное – ничего не бояться”.

А эти странные люди не боятся ходить по узкому мосту.

Древние синагоги. Лавочки с туристскими сувенирами. Много лавочек. Русская речь. Мастерские художников. Художественные галереи, кварталы галерей. Картины. Ишу. Вот она – диминова обитель. Вот и он. Посмуглевший, широкоплечий, с бородкой клинышком, кудри по плечам... Как они похожи, эти люди искусства, во всем мире!

Мы смотрим друг на друга и не верим, что это свершилось: я нашла его, моего давнего ученика, милого мальчика Диму Платонова, теперь известного художника, за спиной которого десятки выставок, альбомов, публикаций, телепрограмм...

И опять свет и тени. Среди сплошь мужских портретов, как тогда, в Одессе, поражающих, как и тогда, десять лет назад, один женский. Юная красавица, тонкие черты прекрасного лица Суламифи.

– Она?

Его глаза сказали все.

– Будь счастлив, дорогой.

Мы гуляем по парку, засаженному библейскими фруктовыми и оливковыми рощами, вдоль зеркальных прудов, по аллеям, спускающимся к древнему кладбищу, где спят мудрецы и предсказатели... Паломники направляются к гробнице мистика, ученика великого рабби Акивы, Шимона Бар-Иохая... Мы идем за ними... Два тысячелетия взирают на нас с потемневших небес. Внезапный ливень не отрезвляет нас. Этот день принадлежит нам и только нам.

Шаг по ведущей вверх лестнице

Миша Гальперин... Михаил Карлович Гальперин... Он был в начале 60-х не менее популярен в Одессе, чем в 80-х Борис Бурда, легендарный что-где-когдашник. В Одессе всегда любили талантливых людей. Выражаю робкую надежду, что и в будущем будут любить. Миша потрясал и завораживал всем: и голливудской улыбкой, и фигурой Аполлона, и привычно играющими мускулами, и джентльменскими манерами. В него были влюблены все: и учительницы, и родительницы, и ученицы, потому что работал он преподавателем физкультуры в средней школе № 57 имени Героя Советского Союза Александра Орликова. Бюст Александра Орликова встречал всех, входящих в вестибюль школы. Саша Орликов окончил учебу незадолго до войны, успел немного потрудиться на судоремонтном заводе, ушел на фронт добровольцем и погиб в самом конце, в 45-м, сгорел в танке под Кенигсбергом. Его мать, Софья Исааковна, была частой и желанной гостьей в нашей школе. Она приходила на торжественные собрания Союза орликовцев, куда вступить было значительно труднее, чем в комсомол, и куда принимали только самых лучших ребят, действительно самых лучших. Мы не раз видели, как Михаил Карлович, встречая у входа эту женщину с такими печальными глазами, низко наклонял голову и целовал ей руку.

Да, так вот, Михаил Карлович Гальперин работал преподавателем физического воспитания и завоевал всеобщую любовь и уважение своей фанатичной преданностью делу, которому он служил. Юные спортсмены и спортсменки нашей школы постоянно, без единого сбоя, выигрывали

все тогдашние соревнования, и городские, и областные, и республиканские. Имена чемпионов были у всех на устах. О них писали, о них говорили. Их торжественно встречали после очередной победы, бесконечно уставших, но таких счастливых; им дарили цветы, их награждали грамотами и книгами. А Миша, рассеянно выдерживая все поздравления и пожелания, тут же обдумывал стратегию и тактику проведения новых турниров, грядущих сражений, в которых его команда должна была непременно выиграть, только выиграть. Иного было не дано.

Шел 1960-й год. Впереди маячили Всесоюзные соревнования и сомнительная, достаточно призрачная перспектива участия в них даже для нашей школы, ибо борьба за эту возможность шла нешуточная. Ситуация осложнялась тем, что победившая команда получала блестящую, неслыханную ранее путевку на первые международные школьные соревнования. Конечно, только между странами Варшавского договора, конечно, только между братьями по классу и друзьями навеки, но все же – согласитесь, это был шанс, за который стоило сразиться. Немудрено, что наша школа одной из первых бросила перчатку. Можно представить, сколько десятков, если не сотен школьных команд из всех республик рвалось к заветной цели, сколько тайных, подковерных ходов и интриг было задействовано, сколько взяток в разных видах получили те, от кого зависело... Сами понимаете, о чем речь.

И все же то были незабываемые месяцы. Нужно было пройти отборочные всесоюзные соревнования, и подготовку к ним можно было сравнить разве что с подготовкой к Олимпийским играм. Представляю, через что прошел Михаил Карлович, прежде чем настал тот день, когда прилетела долгожданная телеграмма: «Мы победили! Ура, мы победили! И теперь мы едем в Будапешт на международные игры!»

Оставались две недели до отъезда. Тренировки, тренировки... С шести часов утра – на море, потом на стадионе. Солнце, солнце, посмуглевшие о загара лица и тела, отсчет дней, нетерпение и азартная убежденность в обязательной победе...

Каждый преподаватель горел желанием внести свою посильную лепту в процесс финальной подготовки. Учитель музыки репетировал с ребятами гимны СССР и Украины, разучивал народные украинские песни, знание которых входило в обязательную программу. Учительница труда конструировала потрясающие украинские костюмы. Я рассказывала о Шандоре Петефи, об Имре Кальмане, об озере Балатон,

которое никогда не видела и которое им, счастливицам, предстояло скоро увидеть...

Ребятам авансом выставили отличные годовые оценки, на специальном педсовете обсудили и утвердили не менее отличные характеристики. Правды ради должна сказать, что учились наши спортсмены хорошо и претензий к их поведению у учителей не было, так что все дифирамбы, которые были пропеты, ребята заслужили.

...Они появились в школе ровно в девять, трое молодых, спортивного вида парней, спросили, где кабинет директора, им указали.

Через полчаса в учительскую заглянул дежурный.

– Здесь нет Михаила Карловича? Его просит зайти директор.

Я проверяла тетради. Коллеги шептались в уголке, посмеиваясь. Все было, как обычно.

Прошло еще полчаса. Кто первым сказал то, что взорвало эту благодатную тишину, - я не помню. Да это и неважно.

– Михаил Карлович в Будапешт не едет.

– Как?! Почему?! Не может быть!

Оказалось, что и такое могло быть. Решение Центра. Какого Центра? Центра – и все. Значит, наша команда снимается с соревнований?! Нет, не снимается. С ребятами поедет член ЦК ВЛКСМ Вячеслав Колосков. Так я впервые услышала это имя, и оно врезалось, впечаталось в мою память на всю жизнь. И поедет Вячеслав Колосков не просто сопровождающим, а в качестве действующего тренера. Как?! А Михаил Карлович?! Ведь он же тренер! Он! Это решение Центра, и оно не обсуждается.

Миша, с судорожно двигающимися скулами, со сжатыми белыми губами, прошел сквозь нас, столпившихся в коридоре, не видя, не слыша, не реагируя на наши испуганные вопрошающие взгляды. Мне кажется, что виски его стали седыми в тот день.

Кто-то очень тихо сказал: «Может, потому, что он Гальперин?»

Может, потому, что он Гальперин. Не знаю. А может, потому, что Вячеславу Колоскову надо было без особых стараний и трудов взлететь на очередную карьерную ступеньку, и фамилия Гальперин подоспела как раз вовремя. Не знаю. Директор школы нервно звонил кому-то куда-то... Потом уехал, потом вернулся... На следующий день собрали родителей. Сначала было все, как и ожидалось: недоуменные вопросы, гнев, слезы, крики: «Не пошлем детей без Михаила Карловича!» Потом, очень скоро, страсти улеглись. Мамы и папы поразмыслили, согласились с тем, что можно бы, конечно, куда-то написать, пожаловаться, но время

поджимает, все равно ничего не изменишь, а лишит детей такой возможности... Да еще им недвусмысленно намекнули на грядущие неприятности на работе, если они сорвут такое важное политическое мероприятие. Словом, собрание завершилось так, как завершалось у нас тогда все. Или почти все.

Я видела Колоскова один раз, мельком, когда он шел в тот страшный день по коридору к выходу, молодой, высокий, с тренированно развернутыми плечами, парень как парень, только глаза... Наглые, бесстыжие глаза...

Оставалось последнее, единственное: успокоить ребят. И их успокоили, хотя это оказалось значительно более трудным делом, чем ожидалось. Мало того, им нужно было внушить, что их тренер – Вячеслав Колосков – это их постоянный тренер и ни о каком Михаиле Карловиче они и не ведали. И им внушили.

И они уехали в Будапешт. И выиграли. И вернулись триумфаторами, с медалями и грамотами.

Вячеслав Колосков в школе больше не появлялся, даже на вокзале его не было видно. Да это, собственно, и не важно. Свой тайм он отыграл. Первый тайм. Начало большого пути к управлению отечественным спортом.

Я не футбольная болельщица. Но... Встречала время от времени его имя в газетах, теле-или радиопередачах. Не помню, чтобы эти упоминания сопровождалось положительными эмоциями и комплиментами. Но отлично помню, как каждый раз вздрагивало и сжималось сердце, и опять клокотала ярость и жег стыд за тогдашнюю трусость и бессилие, и боль за поруганную, затоптанную честь и достоинство Михаила Карловича, единственного и неповторимого.

Конечно, через пару лет ребята еще раз съездили на игры в Болгарию, уже с Мишей; конечно, они и там выиграли, и еще много раз выигрывали, но первый сердечный приступ случился у него тогда, в 60-м году. И умер он от жесточайшего инфаркта совсем еще не старым человеком.

Незадолго до отъезда в Австралию я проходила мимо своей школы, и вдруг ударило по глазам: мемориальная доска на фасадной стене исчезла. Я толкнула дверь, вошла в вестибюль. Бюста Александра Орликова не было. Все. Хорошо, что Софья Исаковна не дожила до того дня, когда распалась связь времен... Больше писать не о чем.

Да, в конце цитата из газеты: «Нельзя приуменьшить роль, отведенную Вячеславу Колоскову в современной истории российского футбола. Без

него она была бы скучной – без главного отрицательного героя, который на протяжении 11 лет стоит во главе загнивающего российского футбола. Который каждый раз находит виноватых в очередном поражении, который неоднократно грозился оставить свой пост, но долг не позволил ему отдать миллиарды футбольных денег в чужие руки.» - «Аргументы и факты», № 25, 2004 год.

Не так давно Вячеслав Колосков , наконец, ушел из федерации футбола, вернее, его ушли. Жаль, что поздно.

РОМАН ФАЙЗУЛЛИН

Щенок

1

Дверь была не заперта и мы вошли. Стоял едкий запах собачьего дерьма. И я понял, что в квартире живут не только люди. Юра перешагнул через кучку белых сухих какашек и проследовал в спальню. Я на кухню. На полу лежал бородатый мужчина бомжеватого вида. На вид лет 45-50. Один рваный ботинок отброшен в сторону, второй натянут на босу ногу. Подоконник заставлен грязными банками, пепельница с окурками, сухари. Некоторые куски уже покрылись черной плесенью.

– Хуйня какая-то, – выругался Юра, вернувшись из спальни, – ничего нет. Только клопы и тараканы.

– А ты чего ожидал? – хмыкнул я, – посмотри в холодильнике. Юра открыл старенький, с засаленным темным пятном вокруг ручки на покосившейся двери «Юрюзань», что стоял у стены.

– Во бля! – воскликнул он, – тут окорока и колбаса! И даже банка тушенки! Ну хоть что-то мы сегодня поедим.

Не помню, сколько уже не ел. День, два, три... Неделя? Когда все время пьешь, о еде как-то забываешь. На второй план уходит. Хотя и хочется конечно.

Мы положили провиант в черный измятый пакет, воняющий старым салом, найденный здесь же, в холодильнике. Я помочился в неработающий унитаз. В сером туалете с пожелтевшими обоями жутко воняло. Смыв не работал. Судя по всему, коммуникации в этом доме уже десятки лет не функционируют.

Когда я вышел из туалета, откуда не возьмись появился щенок (плотненький такой меховой карапуз белого окраса, маленький совсем – и месяца наверное нет – на крепких ножках, с обрубленным хвостом и обрезанными ушами) и подбежал к моим ногам. Жалобно взвизгнул и поскуливая, принялся лизать мои старые берцы. Я оторопел. Замер и не знал что делать. Потом вытащил замерзший окорок из пакета и бросил ему. Он с жадностью принялся грызть его. Мы вышли в подъезд. Я закурил залежавшуюся в кармане измятую беломорину. Потом услышал скулёж.

– Стой, – окликнул я спускающегося Юру, – я сейчас....

2

– Ну и чем ты его собрался кормить? Нам самим жрать нечего... – укоряюще произнес Юра, помешивая тушенку на горячей сковородке. Окорока мы обменяли на вонючую самогонку.

– Найдем чем, – ответил я, потрещывая Валеру за холку. Я решил назвать его так. Маленький медвежонок, любвеобильный и прожорливый, теперь он жил с нами – двумя полубичами – алкоголиками, раздавленными жизнью субъектами.

– Слушай, – серьезно начал Юра, – это Алабай. Его нельзя вырастить просто так. Это не дворняжка. Когда он станет большим он сожрет и тебя и меня. Это опасное животное.

Я поднял Валеру и посмотрел в его добрые карие глаза. До чего ж хороший и потешный. Я засмеялся и прижал его к себе. А за окном падал первый снег. Или второй. А может быть и третий. Точно не знаю. Но было еще не так холодно. Мерзкая зима только начинала просыпаться. Когда вся эта канитель началась, была такая же погода, и помню, шел первый снег. Точно первый. Падал и таял на щеках. Я вышел из здания «Станции переливания крови» сжимая в руке результаты анализов. Посмотрел в небо и сказал самому себе: «Скажи еще спасибо, что не ВИЧ». Гепатит С. Я читал, что большинство людей, когда узнают о наличии у себя вируса переживают сильный стресс. А мне было абсолютно похуй. Жена устроила скандал. Все не верила, что я не половым путем его подхватил, при том, что половым путем он практически не передается. А я ей не изменял! Я от иглы чужой заразился! В ту пору я немного баловался. Она так и не узнала. Я не мог признаться. Но истинная причина не в этом. Она уже давно поебывалась со своей первой любовью, когда я уезжал на вахту. Я это узнал. Добрые люди рассказали. Подумывал даже убить обоих. Или хотя бы ее. Старая СВД надежно припрятана в моем гараже. В армии я был лучшим стрелком. Но потом, после длительных размышлений подумал: «Не я давал этой бляди жизнь – не мне и забирать. Пускай идет с миром». Только ушла не она. Ушел я. Сын растет. Скоро в школу пойдет. Квартира однокомнатная. Там делить нечего.

3

Под ногами хрустнуло стекло. Я наступил на лампочку. Какой-то мудака положил ее на входе в подъезд. Света не было. Я наощупь, трясущимися руками снял домофон. Положил в старый потрепанный походный рюкзак и пошел в следующий подъезд... Юра работал в доме напротив. Потом мы вывалили два рюкзака за гаражами. Разбили все это дело молотками. Вытащили медь. Сдали в пункт приема. Получили 520 рублей. Не прибыльное это дело – бомбить домофоны. И опасное. Можно запросто пизды получить, если ктонибудь из жильцов поймает. А можно и того хуже – схлопотать срок. Неоправданно, но выбора у нас нет.

Мы купили литр самогонки. Буханку хлеба. Три пачки балканской и две соленые селедки на закуску. И еще я взял пакетик корма для собак.

4

Валера разразился звонким скулением, перешедшим в громкий щенячий лай.

Он был в восторге от нашего возвращения. Его обрубок вертелся со скоростью вентилятора. Я бросил рюкзак. И взял его на руки. Он весь извивался и лизал мне лицо своим шершавым языком.

– Фу, бля! Ебанный ссач! Все обоссал! Абсолютно все! И насрал! – закричал Юра, пройдя на кухню. Валера и правда постарался. Ему не впервой. Но я не ругал его. И даже не был зол. Абсолютно. Все-таки нас не было целый день. Я бы тоже не выдержал.

Я вытер ссанину и убрал дерьмо. Покормил Валеру. Юра уже успел опрокинуть стакан бормотухи. Лихо у него это получается. Одним махом полбутылки. Я так не могу. Даже рюмку за раз всю тяжело. В три захода пью. И водой запиваю. Юра не запивает.

Я разделал селедку. Пить не особенно хотелось. Я бы лучше курнул. Но не было. И поэтому я все-таки ебнул рюмочку. Закусил. Посмотрел на спящего у моих ног сытого Валерку. Закурил. По радио сквозь шипение передавали о приближающемся конце света. Но мой-то давно уже наступил, и поэтому я не беспокоился. Впрочем, это у них привычка такая – каждый год пугать народ концом света. И каждый год ничего не происходит. Ну, во всяком случае – многие продолжают жить, как и всегда. Никто не умирает. Ничего не случается. Мир остается прежним. Обманщики. Подонки. Лжецы. Пиздоболы.

5

Уже стемнело. 5 часов вечера. Той зимой там наверху что-то намудрили со временем, и темнеть стало ненормально рано. Кухню освещал огарок свечки. Свет давно отключили за неуплату. Юра отрешенно смотрел в окно. Опьянел он уже порядком.

– Сука! – вдруг выплюнул он, ударив кулаком по столу – завалю, падлы!

Я посмотрел в окно. У подъезда стояла большая красная иномарка. Я не разбираюсь в марках. Мне это не нужно. Для меня машина она и есть машина. И ничего более. Солидный мужчина лет 35-40 и юная девушка как-то странно обнимались. Странно, потому что непонятно, то ли он ей папа, то ли ебарь. Наверное папик-ебарь. А она для него то ли Рай, то ли подстилка, а скорее райская подстилка. Девушка уворачивалась от его поцелуев в рот, и он попадал то в лоб, то в щеку...но не в губы. Видимо ротик она берегла для чего-то более серьезного и основательного.

– Завалю, твари! – прошипел Юра сквозь зубы, и снова ударил по столу, так что граненый стакан, наполовину наполненный самогомом, перевернулся и мутная, едкая жидкость потекла со стола на пол. Резко поднялся и направился к выходу. Я схватил его и усадил обратно.

– Тихо-тихо, друг, обожди чуток. Мы кажется не все сдали...

Тут главное отвлечь внимание и оттянуть время.

Юру я знаю очень давно. Практически с самого детства. Мы росли в одном дворе. Он серьезно увлекался боксом. Даже был чемпионом республики в полусреднем весе. Ему светила карьера профессионального боксера. Он тренировался каждый день с фанатичной преданностью своему делу. Но потом случилось то, что перевернуло его мозги. И жизнь. Его старшая сестра – известная шалава в районе – была убита. Ее нашли с пробитым черепом в

наркопритоне. Как выяснилось потом, ее очередной жених в порыве ревности, будучи бухим в хлам, случайно пробил ей голову гантелей и бросил подыхать, испугавшись ответственности. Очень скоро его поймали. Посадили. Сестру похоронили. А Юра ударился в пожизненный и беспросветный запой. Даже как-то загремел в дурку. Полежал там. Оклемался. Потом его выпустили. И он снова стал пить и сходить с ума. Квартира в которой мы живем, осталась ему после смерти родителей.

6

В тот день Юра приволок какую то обоссаную блядь и всю ночь шпшил ее на кухне. И все повторял, что он дельфин, а она его русалка и они вместе плавают в синей морской пучине. Часам к трем ночи они немного успокоились, и стали в два голоса петь «Черный воорАн... что ж ты вьееооошься... а над моею головоооой...». А затем она засмеялась стервозным грязным смехом и стала хвастаться тем, что она всегда проглатывает и берет до конца, полностью. А потом Юрке надоело все это, он открыл окно и вытолкал ее. А сам уснул. Валера спал у меня под боком, временами поскуливая во сне. Ему, как и всем нам снилось что-то страшное.

7

Утром я хмурый и не выспавшийся пошел на работу - побомбить сады в поисках цветного металла. Но сначала я покормил остатками еды Валеру и выгулял его. Девушка, к которой приезжает папик, тоже гуляла с собакой. Черный ньюфаундленд беспрекословно выполнял ее команды: «Лежать!», «Сидеть!», «Стоять!». Красивая властная амазонка. Без папика, с верным добрым псом рядом она выглядела как-то по - другому... Чище и светлее что ли. Порядочной она мне показалась. Не вязалась со сложившимся у меня образом подстилки. Мы разговорились о собаках, хотя я в этом ничего не смыслю. А потом она вдруг изменилась в лице. Стала очень серьезна и спросила меня:

– Мы с вами раньше нигде не встречались? У меня такое чувство, что я вас очень хорошо знала когда-то... Но, просто забыла об этом, как забывают со временем сны.

– Возможно, – ответил я, – в какой-то прошлой несуществующей больше жизни.

– Неужели все так безнадежно?

– Я реалист. Поэтому во мне нет ни капли надежды.

На этом я почувствовал острое желание больше не разговаривать с ней. Извинился. Сказал, что мне нужно идти по делам. Завел Валеру домой, а сам ушел...

8

Когда я вернулся, дверь в квартиру была открыта. Все перевернуто кверху дном. Юра лежал на кухне со спущенными штанами, перерезанным горлом и

отрезанными яйцами. Валера лакал с пола его кровь. Кто-то завалился в хату и убил Юру. Снятые штаны...кастрация...Вчерашняя блядина навела кого-то. Да, наверное, так. Больше было некому. Юра обошелся с ней по-джентльменски, вытолкав зимой ночью в окно первого этажа. А она оказалась ведьмой, и навлекла на Юру силы зла. И эти силы забрали у Юры его глупую жизнь. Или ее ревнивый муж узнал о ее похождениях? Бред какой-то. Сон. Небыль. Но оставаться было нельзя. Убийство, скорее всего, повесят на меня. По-другому и быть не может. Я буду первым подозреваемым. Нагрузят много чего поверх. Да еще и бутылку шампанского в жопу засунут, как это любит делать полиция в нашей стране.

Я накрыл тело простыней. Взял Валеру и ушел.

9

Та прекрасная девушка с ньюфом стояла у подъезда. Одна. Она была грустна и потерянна. Я сделал вид, что не заметил ее и прошел мимо. Потом остановился. Посмотрел на дрожащего Валеру у меня в руках. Повернулся, подошел к ней и отдал щенка.

– Пожалуйста, – сказал я, – позаботьтесь о нем. Я знаю – вы очень хорошая. Он умрет, если вы не поможете ему.

– Хорошо, – ответила она, – я позабочусь.

10

Я ощущал ту же скорбь и тот же ужас, в которые погрузился, когда мне приснилось что умерли моя жена и ребенок. Все кого я любил. И кто и является для меня всем миром.

Я стиснул зубы и быстрым шагом, не прощаясь, направился в неизвестно куда.

– Подождите! – крикнула мне девушка.

Я обернулся.

– Как вас зовут!?! – спросила она

– У меня нет имени, – ответил я и пошел дальше.

ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ

Зачет

Это был последний зачет зимней сессии.

Все устали. Наш преп, человек молодой, души не чаявший в своем предмете на пробу оказался весьма лояльным и понимающим. По жизни он был как мы – без понтов. Образ холодного эстета прикрывал душу ранимую и чувствительную.

Мы все сидели в огромной аудитории. Галерка, как всегда, занималась стихосложением. Каждый по строчке от себя до какого-то полного текстового смысла.

К зачету я была в общем-то готова, в голове ворох материала.

Лопе де Вега остался без особого внимания, но забить мозги препу смогу.

Информации уйма, хотя прочитано не все.

Процесс зачета шел обычно, вяло, монотонно. Мой друг Феликс уже сдал, подняв торжествующе руку: “no pasaran”. Мой черед.

– Черт, Лопе де Вега – «Овечий источник»! Какая, блин, лажа, ну да ладно, что-то наплету.

Особой подготовки не требовалось и я сразу ринулась отвечать.

Николаевич писал, слушая и кивая головой в поддержке.

Я была одной из его любимейших студенток. Все шло по накатанному.

И последний традиционный вопрос:

– Вы читали пьесу?

– Простите, не успела.

– Как так, не успела? – Николаевич оторопело взглянул на меня из-под очков. – Пожалуйста, пересядьте на последнюю парту, я с вами еще побеседую.

Это была – когда! Все понятно – быстро не отпустит.

Время тянулось трагически медленно. Зачет сдавало три группы, а посему ждать мне пришлось долго.

За окнами уже сизело, а я все еще сидела в аудитории.

Последний студент.

– Ну вот и все, – Николаевич хрустнул устало суставами пальцев и внимательно посмотрел в мою сторону.

– Подойдите, пожалуйста, садитесь и слушайте. Передо мной прошло три группы студентов... – начал он.

– Все сдавали одно и то же, да?

Он вопросительно посмотрел на меня. Я опустила вниз глаза, зная, что он будет нести.

– Как вы думаете, сколько студентов прочли все?

– Думаю, немного, – ответила я.

– Как вы думаете, я знаю, кто из вас читал, а кто нет?

– Думаю, да.

– Так вот, хочу дать вам совет – никогда не идите против толпы и общепринятых правил. Иначе не выжить! Вы хорошая, принципиальная студентка и вообще красивый человек. У вас все впереди, но для того чтоб выжить, нужно соблюдать правила общества в котором живешь, понятно?

– Да, – глухо ответила я.

Потерев переносицу пальцем под очками, Николаевич как-то по-ребячески улыбнулся, обнажая свою абсолютную незащищенность и протянул мне зачетку:

– До свидания.

Я вышла, был теплый зимний вечер. Последний зачет сдан. Все позади. Мы никогда уже не встретимся, вот так. Никогда. И мне стало грустно.

Весной вся кафедра хоронила Николаевича. Он свел счеты с жизнью. Все перешептывались между собой, но никто толком ничего не знал. Говорили о сексуальных меньшинствах, о его странном интересе. Видимо свой зачет он завалил с потрохами.

МИХАИЛ ЯРОВОЙ

ОПЕРАЦИЯ «ИЛЛЮМИНАЦИЯ»

- *Если не хотите, чтобы потомки смеялись над вашей наивностью, не пишите о будущем*
- *Кто знает, как будут жить наши потомки. Может, кроме как над нашей наивностью, им и посмеяться будет не над чем.*

Глава первая

Доктор Лаврушин никогда не считал себя избранным. Даже в юности, когда многие смотрят на себя, как на будущий музейный экспонат, он не находил для этого достаточных оснований. Почти половину своей жизни, с самого детства, он безвылазно просидел в тени, совершенно никем не замечаемый.

Обычный для подростков период неуверенности в себе затянулся для Игорька не на шутку – пока на первом курсе лечфака им не заинтересовалась одна, как в таких случаях принято говорить, обворожительная особа, чуть старше его по возрасту и несравнимо опытнее во всем остальном. Она-то и открыла робкому студенту глаза. Если верить ей, то Игорёк сильно выделялся на общем фоне, будучи редким умницей. А поскольку особа эта и впрямь была хороша собой, совсем неглупа и к тому же обладала добрым сердцем, не поверить ей было очень трудно. Через год она вышла замуж за ассистента с кафедры физиологии, но это уже не могло изменить главного – Игорёк наконец повзрослел и научился не только верить в себя, но и справляться с жизненными уроками. Так невинное любовное приключение стало для него точкой отсчёта новой, уже взрослой, жизни.

А жизнь не замедлила подхватить Игорька, или вернее, новоиспечённого доктора Игоря Александровича Лаврушина, и, кружа метельным ветром, пошвырять по броуновской траектории, давая ему шанс набраться ума-разума и встать на собственные две ноги вполне устойчиво.

На сегодняшний день он был не только опытным врачом, но и хорошо разбирался в ядерной физике. И уже два года возглавлял научную лабораторию, в которой придумали, как вредную для здоровья

радиацию использовать во благо человека. Попутно, чтобы не отрываться от корней, он дважды в неделю оперировал и консультировал в клинике имени Сергея Петровича Боткина.

Слава богу, никто пока не задавал ему тот подлый вопрос, который никогда нельзя задавать хорошим людям. А именно – что для них в жизни главнее, семья или работа? То ли в силу каких-то особенных личных качеств, а может, благодаря случайному везению в поиске спутницы жизни, но Игорёк – бывает и такое – уже почти девять лет любил свою жену так, словно встретил её только вчера. Без своей же работы он себя просто не мыслил. Уместно предположить, что он был счастливым человеком, хотя сам Игорёк об этом никогда не задумывался.

И вот тут-то, как сугроб на голову, и свалилась новость, которая ни в коем случае не могла считаться хорошей. Возможно, это была самая страшная новость за всю его жизнь. Однако, благодаря именно этому обстоятельству доктор Игорь Лаврушин вдруг открыл для себя, что принадлежит к числу избранных.

«Осторожно, двери закрываются!» – неживой, но при этом донельзя ласковый женский голос так плотно заполнил собой вагон, будто собирался измерить его объем. Едва не проскочив нужной станции, Глеб чертыхнулся и, оторвавшись на секунду от невесёлых мыслей, всё же успел, раздвинув двери руками, выскользнуть на платформу древнего столичного метро. Спиной он успел ощутить всю степень раздражения, накопленного вагонными дверьми за их немалый жизненный срок. Метро почти не изменилось. Такое же величественное, такое же мрачное и шумное, как и полжизни назад. Проходя под мраморными колоннами, Глеб вспомнил себя в те годы, когда он спускался в метро каждый день. Как они с Игорьком возвращались с институтских лекций и самозабвенно спорили, перекрикивая грохот вагонов. Спорили по любым пустякам. Спорили, потому что по-мальчишески были несогласны со многим в этой жизни. Спорили, потому что головы их были тогда набиты самой разной научной, околонучной и совсем ненаучной чепухой, и просто потому, что им было хорошо вместе. Друзей из того времени уже не осталось. Всех раскидало по странам, по семьям и таким учреждениям, в которых люди, по всей видимости, исчезали без следа. Во всяком случае, из жизни Глеба они исчезли. Один Игорёк никуда не пропал и не исчез, он всё это время был – и когда путешествовал за край

света, и даже когда ужинал у себя дома с женой. Вот и сегодня он начал день с того, что выволок на свет старую, немного полинявшую истину, глаголившую, что в жизни есть вещи, через которые можно переступить без особого вреда, и есть вещи, через которые переступить нельзя. Через дружбу переступить нельзя.

Выйдя с экстренного сверхсекретного совещания у себя в НИИ, он сразу позвонил Глебу. Сказал: жди, сейчас заеду, не уходи никуда. В восемь утра! Жди! А работа? Он приехал быстро, пробыл недолго. Рассказал то, что никому не должен был рассказывать. А именно – как это ни по-идиотски звучит – похоже, что конец света таки наступил. Кто наступил??? Да вот, представь. Какая-то глобальная катастрофа, связанная с радиацией и прочими грозными физическими явлениями, не совместимыми с жизнью. Как Чернобыль? Ну, типа того. Чернобыль или Фукусима. Только на этот раз в масштабах всей планеты. Человечество, правда, об этом пока не догадывается. И не должно догадаться до последней минуты. Таков, дескать, секретный план, принятый кем-то наверху. Глеб чуть не спросил «А как же шашлык?» (завтра он ждал Лаврушиных к себе на дачу), но вдруг понял, что шутки кончились. Игорёк выглядел озадаченным и растерянным, как, наверное, и должен выглядеть гонец, приносящий подобную весть. Поделившись с Глебом, он ушёл в себя и забормотал что-то, ему одному понятное: «Бурят... Бурят... Так вот зачем эти трубы... Надо же, по всей Москве... Ай да Руслан...» Глеб никогда его таким не видел. А тот с какой-то дикой тоской в глазах спросил у друга: «Как же с Ленкой-то?» и, резко встав, не прощаясь, вышел. Нетрудно предположить, чем он рисковал, делясь государственной тайной такого масштаба. И всё-таки, подумал Глеб, не зря такую информацию стараются держать в секрете.

«Странно, что у нас до сих пор тихо. Никто не звонит, не вызывает. – от метро Глеб шёл на работу по пасмурной аллее, спрятав руки в карманы и сутулясь от весенней промозглости, – я был уверен, что такие новости мы теперь узнаём одновременно. Ну что ж, хотя бы известно, о чём сегодня будет очередное внеочередное... Главное – не подать виду, что известно».

Глеб пригласил Игорька с женой к себе на дачу не потому, что хотел раньше обычного открыть дачный сезон. У него был более существенный повод. И если бы Игорёк знал, какой, то не спешил бы с утра пораньше поделиться с ним страшной государственной тайной.

Завтра на даче, под шашлык, Глеб намеревался отметить с друзьями своё повышение. Он тоже, как и Игорёк, теперь входил в состав КОЭФПУЧ – комиссии по экстремальным физическим проблемам, угрожающим человечеству. Отделы этой комиссии существовали во всех профильных институтах. В институте, где работал Глеб, шутники-физики звали членов комиссии кофе-путчистами. Он так и не сообщил свою радостную новость Игорьку. Впрочем, теперь, похоже, это не имело значения.

Первый, кого увидел Глеб, войдя в институт, был его шеф. Никого не замечая и ни с кем не здороваясь, мрачнее чёрного квадрата с известной картины, шеф брёл по коридору с папкой в руке.

«Так... Михалыч уже в курсе. Интересно, откуда? Кто его источник? Ведь такой информацией может располагать только председатель комиссии. Неужели у меня сейчас такое же лицо, как у Михалыча?» Глеб решил приложить все усилия, чтобы на комиссии выглядеть, насколько возможно, индифферентно и не выдать себя. А главное, Игорька.

Председателя комиссии не было. Почему-то на его место грузно и обыденно – как на своё – сел Михалыч. Глубоко вздохнул и, не поднимая глаз на присутствующих, внятно и жёстко произнес:

– Ну, вот что. Времени у нас нет. Сейчас каждый из вас ознакомится вот с этим документом, – в центр стола шлёпнулась небольшая стопка бумажных листов, извлечённая Михалычем из папки, – здесь по одной копии на каждого. Когда прочтёте, распишитесь внизу и вернёте мне каждый свою копию в обмен вот на это.

Его рука легла на металлическую коробочку, непонятно каким образом очутившуюся перед ним на столе.

– Сейчас вы сами всё узнаете, – отвечая на недоумённые взгляды собравшихся, продолжал Михалыч, – и никаких вопросов мне не задавать, – голос Михалыча зазвучал ещё жёстче, – я этого не писал и решений никаких не принимал. Мне, как и вам, это спустили сверху, и у меня у самого те же вопросы и проблемы. Всё. Через десять минут расходимся.

Пол-минуты бумажного шуршания и в кабинете комиссии высоковольтным проводом повисла гудящая тишина. Глеб наблюдал за лицами читающих. Сам он быстро пробежал листок глазами – что ж, Игорёк ничего не забыл. Остальные же отказывались верить. Читали снова и по-прежнему не могли взять в толк – как такое вообще возможно? В гулкой тишине кабинета, будто в глухую мрачную бездну,

строчка за строчкой, буква за буквой – в куски, в осколки, в пыль, в труху – валился, рассыпаясь, мир.

Иннокентий Михалыч Вильданов достиг того возраста и той точки на графике жизненного опыта, когда потрясений не испытывают. Его мало чем можно было удивить или напугать. Давно забытое чувство растерянности, испытанное сегодня утром в кабинете куратора, можно сказать, застало его врасплох.

Теленетный звонок обрубил сон в половине четвертого утра. Куратор потребовал явиться незамедлительно для получения инструкций в связи с чрезвычайной ситуацией. «Двадцать минут» – подавил звонок Михалыч. В кабинете было трое: вокруг массивного журнального столика из австралийского ясеня в низких креслах сидели куратор и двое, (незнакомых Михалычу, но при этом чем-то странно похожих на него), повидавших жизнь и давно заматеревших руководителей чуть выше среднего звена, которых только вовремя нажитая житейская мудрость уберегла от более высоких постов. Очевидно, куратор подбирал себе кадры сам, по своим выверенным критериям. Как и у Михалыча, у обоих незнакомцев в облике угадывалось не только научное, но и спортивное прошлое. Вон тот, покражестей, судя по отдаленным ушам – борец. Другой – сухощавый, с острым взглядом – типичный альпинист. Как и Михалыч, оба выглядели скорее чуть недоспавшими, чем встревоженными, и это делало всех троих еще более похожими друг на друга.

– Ну вот что, друзья мои, – начал куратор, когда Михалыч занял четвертое кресло, – Новости у меня плохие. Кофе не предлагаю – не хочу, чтобы он застрял у вас в горле.

Куратор нередко использовал устаревшие речевые обороты, несколько этим не смущаясь. Старомодное бабушкино воспитание, к примеру, не позволяло ему считать «кофе» именем существительным не мужского рода. Несмотря на свой высокий пост, отягченный непомерной ответственностью за сверхсовременные научно-технические проекты в сфере государственной безопасности, куратор – и не только внешним обликом – производил порой впечатление человека из прошлого века. Впечатление, надо заметить, благоприятное. Особенно на давящем фоне руководителей нового типа – такого расслабленно-цинично-делового, в американском духе. Его же манера держать себя не демократично, а аристократично, быть чуточку более формальным в

одежде и при общении с коллегами, чем это нынче принято, удивительно гармонично вписывали личность куратора и в его должность, и в его личный кабинет. Именно кабинет, а не какой-то там офис. В кабинете, оформленном под старину, не только присутствовали настоящие «книжные» шкафы. На их полках стояли настоящие старые книги, сшитые из бумаги. На корешках с золотым тиснением можно было прочесть имена великих писателей прошлого. Здесь рядом с Достоевским стояли Чехов и Аксаков, Куприн и Вольтер. Хемингуэй расположился между Маркесом и Ремарком. Несколько полок были заселены Брокгаузом и Ефроном. Разумеется, в любую эпоху люди образованные всегда отличались не поверхностным знакомством с классиками литературы, но читать их на бумаге в наши дни граничило с пижонством. Бумажные книги перестали широко издавать уже, по крайней мере, лет тридцать назад, за исключением коллекционных собраний сочинений, стоивших невероятно дорого. И даже не очень современный офисный дизайн начисто исключал любой намёк на подобную обстановку.

– Учитывая обстоятельства и продиктованную ими экстренность, с которой я вас собрал, вы не ошибётесь, если предположите самое худшее, – сам куратор налегал на кофе, нисколько за свое горло не опасаясь, но в то же время и без признаков удовольствия от процесса. Очевидно, это была не первая чашка за сегодняшнюю ночь. И даже в том, как он пил кофе, читалось желание как можно скорее покончить с экстренным совещанием и приступить к чему-то более важному.

– Итак, произошло ЧП на всем вам хорошо известном объекте ЗКМ-369. На трёх непроницаемых лицах одновременно возник намёк на кривую ухмылку – ирония босса была оценена. О «хорошо известном» объекте ЗКМ-369 Михалычу почти ничего не было известно, кроме того, что для его функционирования были задействованы самые мощные на сегодняшний день источники энергии. Дело в том, что ещё пару лет назад группе Вильданова было поручено разработать «План ликвидации последствий в случае аварии» на этом объекте при условии, что события будут развиваться по худшему из возможных вариантов. План так и не был разработан, поскольку Михалыч лично сформулировал вердикт, гласящий, что при указанных источниках энергии даже при не очень серьезной аварии последствия будут таковы, что осуществлять их ликвидацию просто будет некому. И что при существующем ограниченном доступе к информации по данному объекту никакие серьезные исследования невозможны. Отправив вердикт наверх, он

ждал, что разразится гроза, но ничего не произошло. У него даже возникло ощущение, что высокое начальство осталось вполне довольно такими выводами. На этом знания Михалыча по объекту ЗКМ-369 исчерпывались. Похоже, что другие двое знали не намного больше. Весьма вероятно, что им в свое время было поручено проделать такую же работу, чтобы потом можно было сверить результаты всех трех групп. Если так, то скорее всего они знали про объект ровно столько же, сколько и Михалыч.

– Уровень ЧП классифицируется как глобальная катастрофа, – продолжал куратор. – Надеюсь, без дополнительных комментариев ясно, что нас всех ожидает через двадцать четыре часа. Описывать подробности нет ни времени, ни смысла, поскольку изменить уже все равно ничего нельзя. И хоть вы не представили мне никакого плана на подобный случай, тем не менее такой план существует. Он, конечно, не решает всех проблем. И даже – говорю это сразу – создает дополнительные, но это единственный имеющийся у нас план. И вы здесь как раз для того, чтобы с ним ознакомиться, – куратор взял паузу, предвидя вопрос со стороны присутствующих.

Михалыч нутром чувствовал, что только что озвученная «плохая» новость сегодня не единственная. Он бы дорого заплатил за то, чтобы не слышать ответа на свой вопрос, который теперь он не мог не задать.

– Дополнительные проблемы... какого свойства?

– Этического, – куратор осторожно отодвинул от себя фарфоровую чашку, – Ситуация нестандартная и, к сожалению, более чем критическая, а потому и меры нестандартные. *À la guerre comme à la guerre*. Если нельзя спасти всё население, значит, будем пытаться спасти хотя бы его часть. Не бóльшую и не лучшую, а прежде всего ту, что обладает знаниями и навыками, необходимыми для выживания в сложившихся условиях. То есть, определенное количество определенных специалистов.

– Кем «определённых»? – спросил один из коллег-незнакомцев – тот, что похож на борца. Куратор лишь слегка поморщился, давая понять, что вопрос не по существу, и продолжал:

– Как вы уже сами догадываетесь, я вам всё это рассказываю только потому, что вы включены в список отобранных специалистов. Чему я лично очень рад и надеюсь, что, когда вы осмыслите всё здесь услышанное, вы разделите мою радость.

– Теперь, – на стол перед сидящими легли три микрофлэшки, – здесь списки везунчиков, находящихся у вас в подчинении. Там же текст

документа, который вы должны распечатать на бумаге и уничтожить после ознакомления с ним ваших подчинённых. Электронная рассылка может привести к утечке информации. А теперь о грустном. Я давно с вами работаю и неплохо вас знаю. Знаю о ваших незаменимых качествах и, в частности, о вашем редком самообладании. И тем не менее настоятельно прошу – постарайтесь держать себя в руках и не дать волю эмоциям. Вопросы будете задавать, когда я закончу. Придвинув к себе и тут же снова отодвинув чашку, куратор вдруг встал, отошел к окну и замер, глядя в темноту. Выждав с полминуты, он повернулся к столу:

– Как я уже говорил, отбор проводился по профессиональному признаку, а не по родственному. В результате практически нет случаев, когда целая семья была бы отобрана в группу «избранных». Разрабатывая план и готовя списки специалистов, мы сначала пытались концентрироваться на «несемейных», но быстро поняли, что это всё равно невозможно. Куратор видел, как у всех троих напряглись лица и остекленел взгляд. Он продолжал как можно спокойнее:

– В подобных обстоятельствах допустимо предположить, что не все захотят разлучиться со своими семьями и просто предпочтут остаться с ними до конца, не видя смысла в своём спасении. Хочу, чтобы вы учли следующее. Во-первых, ещё большой вопрос, уместно ли здесь слово «спасение». Возможно, напротив, это будет долгой и мучительной агонией для уцелевших. А во-вторых, продление жизни выбранной горстке людей продиктовано попыткой сохранить если не цивилизацию, то хотя бы память о ней. То есть законсервировать всё ценное и важное – по большей части в виде информации - дабы будущие земные цивилизации могли получить наиболее полное представление о нас. Ну и разумеется, необходимо будет заняться исследованием пока что новых для нас физико-экологических проблем, которые начнут возникать в ближайшие часы. Это как раз по вашей профессиональной части. Так что рассматривайте данную ситуацию как ваше последнее задание, причем галактического масштаба и важности. Коммуникации с другими регионами вам будут обеспечены.

Далее. Для того, чтобы дифференцировать отобранных специалистов от всех остальных, был разработан специальный препарат, расфасованный в ампулы, вводящийся внутримышечно и сохраняющийся в организме человека двенадцать часов. Препарат поддается внешнему биосканированию. Называется гелбиоцин. Точно также будет называться операция по дифференцировке населения и доставке отобранных

специалистов в специальные бункеры. Начинается операция «Гелбиоцин» сегодня в шестнадцать ноль ноль и будет длиться двенадцать часов. С началом операции на улицы населенных пунктов будет пущен так называемый «мирный газ» – разработка наших военных. Его действие на центральную нервную систему заключается в стимуляции образования эндорфинов и резкого повышения их концентрации. Таким образом, паника среди населения будет предотвращена. Препарат гелбиоцин нейтрализует действие «мирного газа». Так что каждый, кому положено, должен сделать себе инъекцию гелбиоцина в момент начала операции. Уровень секретности данной информации – наивысший. Ваши вопросы.

В наступившей тишине напольные часы своим маятником кромсали время, вдруг ставшее таким бесценным и таким бессмысленным.

– В какую мышцу лучше колоть? – отрешенно глядя перед собой, спросил «борец».

– Лучше в сердечную, – отреагировал «альпинист».

И хотя улыбки частично сняли напряжение с лиц, оно зацепилось за воздух предвестником прощания с задержавшимся в этих пасмурных широтах штилем.

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ РОДИНЫ

Опыт полупрозы.

И спросили мудреца: «Есть ли главное, что отличает дурное от хорошего?».
И ответил мудрец : «Нет в мире такого зла, которое можно одолеть ожесточением сердца». «Но тогда зло беспрепятственно распространится и заполнит весь мир» – возразили ему.
«Это заблуждение. Одолевши зло насилием, не уничтожаешь его, но удваиваешь»
«Это что же, значит, если тебя бьют по левой щеке, то подставляй правую?»
«Истинно так» – ответил мудрец.
«Но это же невероятно. Никто так не поступает из свободных людей.
От такого человека все отвернутся».
И подступившие к мудрецу ушли очень разочарованные, полагая, что тот тронулся умом.
И последователи мудреца и ученики его полагали так же, утверждая правоту свою огнем и мечом, но сделали мудреца знаменем своим и Богом, как будто не замечая, что в главном полностью расходятся со своим кумиром. И даже искренне верят, что он в конце концов откажется от своего заблуждения и придет на землю с неба с огненным мечом, чтобы навести на ней порядок.

Я Абу Али, сын феллаха,
Живу-поживаю в пригороде Каира,
Где бесчисленные лавочки
Заполнены бесчисленными

Подделками со всего мира.
Здесь за бесценок можно в любом
Неказистом подвальчике
Приобрести фирменные «левайсы»,
Или последнюю модель
Американского айфона
С изображением яблочного огрызка,
Или позеленевшую от времени волшебную
Лампу Алладина, добытую
Из земли древнего Вавилона,
Или старинный, покрытый
Вязью изречений из Корана
Хитро изогнутый кинжал
Таинственных убийц – ассасинов.
Скорей всего это проделки джиннов
Шныряющих туда-сюда
Между континентами и между
Настоящим, прошлым и будущим.
В мире нет такого народа,
Чьи солдаты не бегали бы с поля боя.
Наши солдаты (да будут они благословенны)
Не хуже других и не лучше.
Но нет в мире солдат, подобных нашим,
Которые убежав с поля боя,
Умели бы так красочно
Расписывать свои победы.
В мире нет такого народа,
Чьи священники не выдумали бы
Ему историю самую благоприятную,
Благородную и победоносную.
Ни один народ не захочет жить
С историческим грузом
Неудач, поражений и предательств.
Но наши имамы это самые
Изобретательные имамы в мире.
Когда им не достаточно того,
Что могло бы произойти на земле.
Они обращают свой взор к небу.
И тогда оказывается, что

Коран и мечеть Аль-Акса
Существовали на небе
С незапамятных времен
Раньше всех когда-либо
Написанных и даже задуманных книг,
Раньше всех когда-либо
Построенных на земле храмов.
И, когда пришло время,
Аллах бережно опустил их на землю.
Благословенна наша земля.
Благословен мой город Каир,
Где живут такие солдаты и такие имамы.
Я чувствую себя, как герой сказки Шахерезады,
И мечтаю, что когда-нибудь
Я приобрету в лавке настоящую лампу Алладина,
И у меня появится свой всемогущий джинн.
И он сделает так, чтобы эта
Противная соседская девчонка Ферюза
Разрешила мне себя поцеловать.

Три вещи в этом мире роковым образом не совместимы с установившимся порядком вещей. Во всяком случае в современных традиционных сообществах, опирающихся на продвинутую идею единобожия. Это женщина, евреи и нетрадиционные сексуальные союзы. Никакие, даже самые драконовские меры не могут заставить женщину противиться своей страстной природе, еврея примириться с любой авторитарной властью, кроме власти Бога, а гея отказаться от нарциссической любви к себе подобным. Государство и церковь пускались во все тяжкие, чтобы одолеть заразу. Самая крайняя форма глобальной фобии к ним – признание женщины существом, лишенным души и потому обязанным быть под опекой мужчины, сначала отца, потом мужа. Женщины пытались с этим бороться. Лесбос, амазанки, то – сё. В конце 16-го века в Испании даже возникла некая христианская женская секта. Ее адепки

вырезали себе клитор, чтобы избавиться от чувственной зависимости от мужчин и занимались преимущественно проституцией, то есть практически поменялись местами с мужчинами, за что разъяренные клирики кое-кого отправили на костер. Это и можно считать началом европейского движения феминисток.

Евреев тоже постоянно пытались вывести из-под охраны закона. Квинтэссенция этих потуг – Нюрнбергские законы, объявляющие евреев недочеловеками, унтерменшами, лишенными как и женщины каких-либо признаков божественной души. И как и женщин, их при этом наделяли демоническими, сверхчеловеческими способностями. Очень распространен панический панегирик: «Мы или они, третьего не дано». Этим грешил и Гитлер и русские националисты-антисемиты в лице, скажем, Василия Шульгина, им дословно вторят иранские аятоллы. Не лучше дела и с геями, начиная с библейских времен. И для них норма – остракизм, тюрьма, плаха. Но самое интересное, что общество, которое пытается поставить указанные фобии вне закона, начинает стремительно гнить и разваливаться. Так, может быть, здесь заключена далекая от нашего понимания сермяжная правда. Которая откроется только в конце времен.

Пидсунься, я сьяду,
Хочишь зи мною выпыты?
Бачь, в мэнэ цильй кухэль «Гамзы»,
Узяв на станции, у бухвэти.
Я мэшкаю отут у Гуляйполи.
Моя титка – курво помэрла у Цурыху,
Тай зальшыла мэни гроши, богато грошей,
Бо в нэи бильш ныкого нэ мае.
У сорок трэтьему вона – курво
Пишла зи своим нимцем.
А я народывся чэрэз дэсять рокив,
Та йи никола нэ бачив.
Ще до вийны майже вся родына

С голоду померла,
А кто у Сыбыри загынув.
Маты тэж помэрла, вже три роки як.
А мэнэ до Цурыху нэ пускають.
Кажуть, виддай, Тарасэ,
Гроши до дэржави, а мы тоби
Дамо добру хату, добру роботу.
А навищо мэни та робота.
Роблять, щоб маты гроши,
А в мэнэ гроши е.
Тильки воны зараз богато нэ дають.
Тильки щомисячно пэнсию, як гэнэралу.
Вот я и йизджу с Гуляйполя у Кывив
В потим з Кывива до Гуляйполя,
Вже майже трэтий мисяць.
Чого «Гамзу» пью, а нэ горилку?
Чого пойисты не купыв у бухвэти?
Так жаба давыть, гроши ж мойи.
Як я кажу людям, що за титкины,
Курвины гроши йизжу туды-сюды,
Так нихто зи мною пыты нэ хоче.

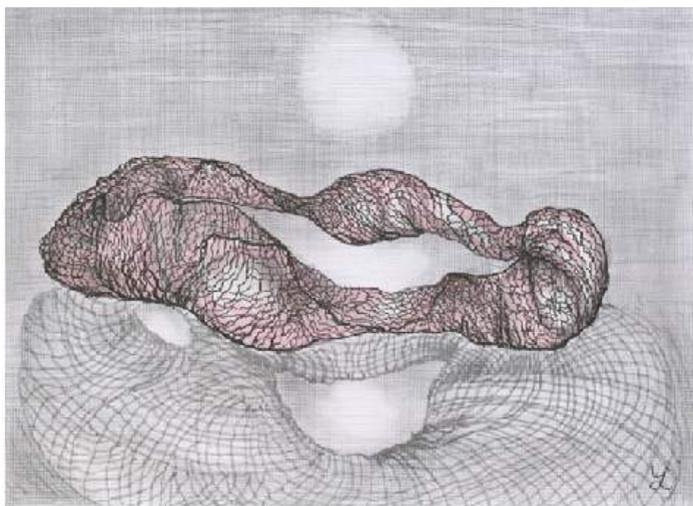
Когда Юлий Цезарь
На триумфальной колеснице
Въезжал в Рим,
Впереди кортежа бежал глашатай,
Который необычайно громким голосом
На все лады расхваливал
Великие дела, совершенные триумфатором,
Его невероятные победы над врагами Рима,
Его исключительную скромность
И почтительность к парламенту,
И как заслуженна любовь к нему тех тысяч и тысяч
Мужественных, прошагавших полмира мужчин,
С кем он многие годы делил солдатский котел
И все трудности походной жизни.
Встречавший народ бурно выражал

Свой восторг по этому поводу.
Но сзади, сзади непременно сопровождал
Колесницу маленький, кривоногий шут,
Который, корчась и хихикая,
Рассказывал о триумфаторе жуткие вещи.
О том, что этот развалившийся на сафьяновых
Расшитых золотом подушках
Разжиревший тип на самом деле
Обжора и сладострастник, растлитель и педофил
Алчный узурпатор, ограбивший даже
Своих родственников и единомышленников,
Мстительный злобный тиран, подсылающий
Убийц к своим робким критикам.
Нет, что ни говорите, а кривляющийся,
Подчеркнуто неподкупный Шендерович
Так же непотопляем и функционален,
Как и старательно дующий в фанфары
Отечественного патернализма Дмитрий Киселев.
Нелегко нарисовать бессмертного героя на все времена.
С легкой руки Гомера портрет будет неполон,
Если из него исключить такой,
Казалось бы природно низменный элемент, как пятка.

Живи, смеясь,
Не грусти, товарищ.
Не сомневайся. Бог есть.
Только он не такой, как ты привык думать.
Он уходит с твоего пути каждый раз,
Когда ты принимаешь какое-то решение.
В далекие, далекие времена
Он дал десять принципов –
Расплывчатых и невнятных.
О чем, наверное, не один раз пожалел.
Их двусмысленность невероятна.
Не убий! – Кого?!Может быть, человека, который с перекошенным
От злости лицом идет на тебя с топором?
Или любовника жены, перечеркнувшего похода

Всю твою жизнь?
Или сифилитического насильника твоей дочери?
Бог великий насмешник и любитель розыгрышей.
Во время войны нередко он предлагает отцу
Выбрать самому, в каком порядке
Будут убивать его мальчиков.
А вспомни историю Иова. Обхохочешься.
Бог любит возносить из грязи
И низвергать с трона.
Именно так предпочитает он напоминать о себе.
Представь, что кто-то наполнил твой бокал
Дешевеньким коньячным суррогатом,
Но предлагает смаковать его по каплям,
Утверждая, что этот божественный напиток
Выдерживался в подвале добрых сто лет.
Уверен, ты станешь с удовольствием цедить его,
С наслаждением покусывая дольку лимона,
Не подозревая, что тебя элементарно надули.
Так лепятся все наличные авторитеты.
Все без исключения.
И ты в этом участвуешь, именно ты.
Бог никогда не вмешивается.
Он хохочет во все горло.
Живи, смеясь.
Не грусти, товарищ.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ)

90-е годы в России без преувеличения можно назвать временем интеллектуального Ренессанса. Особое место в этом интереснейшем процессе занимает частное издательство «Водолей», основанное в 1991 году сотрудником Областной Томской библиотеки Евгением Кольчужкиным.

В первую очередь «Водолей» обратился к тем поэтам, писателям и философам, которые по разным причинам в течение десятилетий были обделены издательским вниманием, или просто умышленно преданы забвению. Таким образом, «Водолей» продолжил традиции таких символистских издательств начала прошлого века как («Скорпион», «Мусагет» и т.п.), переиздавая в первую очередь выходившие в них книги. Для такой грандиозной задумки понадобились тесные контакты с филологами, переводчиками и авторами.

С 2002 года «Водолей» получает постоянную прописку в Москве. Особый вклад в деятельность издательства внес его главный редактор, писатель, поэт, переводчик, историк поэтического перевода Евгений Витковский.

Основная сфера деятельности издательства – Серебряный Век (серия «Серебряный век. Паралипоменон»). Это практически пропущенные, забытые страницы Серебряного Века, изданные добротной и с любовью. Начинаясь эта серия с книги Лидии Алексеевой, двоюродной племянницы А. Ахматовой, за которой последовали тома С. Соловьева, М. Тарловского, С. Петрова, Б. Нарциссова и многих других. Всего к изданию намечено около 200 почти забытых авторов. Открываются совершенно невероятные вещи, каждая книга издательства – это неожиданные встречи, истории, судьбы, достойные отдельного обстоятельного разговора.

Альманах «Витражи» с этого, седьмого, номера открывает рубрику «Серебряный век, пропущенные страницы». И открывает ее двумя авторами: Николаем Минаевым (1895 – 1967) и Арсением Несмеловым (1889 – 1945) с комментариями Ильи Будницкого и Вадима Молодого.

Редакция

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Почему пятнадцатилетний мальчик начинает писать стихи? –
А другой мальчик – смотреть на звезды? – А третий – мечтает о море? –
У меня нет ответа.

Николай Минаев – тот первый мальчик, что родился в мае 1895 года, обучался классическому балету и начал сочинять стихи в 15 лет. Время, в которое он писал, мы теперь называем Серебряным веком русской поэзии. И Николай Минаев из тех, кто и является поэтом Серебряного века. Большим, настоящим поэтом. Когда мы смотрим на звездное небо в разное время – одни звёзды становятся ярче, другие – тускнеют, и если мы смотрим в телескоп – мы видим мириады ярчайших звёзд, грозди созвездий. И это не они были маленькими – это мы были далеко от них.

Созвездие, в которое входил Николай Минаев – это поэты, влюблённые в культуру, в Слово – те, кто объединялись вокруг наследия Аннинского, издательства «Узел», «Литературного Особняка», продолжали поэтические традиции 19 века - Альвинг, Минаев, Усов, Ширман, Кочетков, Кугушева, Укше, Фроман, Тарловский... Список можно множить, вокруг каждого из этих поэтов существовало множество пишущих людей, чьи имена всё ещё в тумане забвения — иногда заслуженно, чаще – просто не повезло.

Минаеву долго не везло, хотя владение мастерством, солнечность его лучших стихотворений, глубина и совершенство поэтики зрелых произведений достойны любых хрестоматий, но...

Но – начало расцвета дара – двадцатые годы, поэтому первый и единственный сборник из 30! – всего! – стихотворений – «Прохлада» вышел в 26 году и практически прошёл незамеченным.

Вслушайтесь в стихотворение из этого сборника –

*За шумом дней – сухая тишина,
За бредом сердца – тела отдых львиный...
Ошеломлённым грузною лавиной
Иная боль уже предрешена.
Мне говорят – благоуханен хмель.
Я говорю: – он жжёт, не освежая;
Волна неистовая и чужая
С разбегу слижет розовую мель.
Глощают пену ржавые бока,*

*Порывистый рвет ветер реи, вея,
И луч беды час от часу острее
Пронзает тех, чья жажда глубока.
По капле в кровь сочится мутный яд,
И взгляд змеи приковывает разом,
Но наяву тем снам не верит разум,
Которые пророчества таят...*

Чем приковывает читателя его муза? – Почему его стихи так интересно читать? – они живые, в них столько света и любви к жизни, при совершенстве формы и лёгкости звучания... Танцор в юности, он на всю жизнь остался поклонником музыки – везде и всегда. Я не буду рассказывать его биографию, в которой было три ареста, лагерь, много горя, потерь, и очень мало счастья, признания его таланта. – это замечательно сделал Александр Соболев в монументальном рассказе-послесловии к книге Николая Минаева «Нежнее Неба», вышедшей в издательстве Водолей в 2014 году. А пока – вот ещё одно его стихотворение.

*Рдеет куст бузины, золотится на солнце пчела,
Под небесною синью твоя зеленеет могила,
А когда-то со мною дорогою жизни ты шла,
Это было давно, но я помню, когда это было.*

*Пусть могила твоя не одета в порфир и гранит,
Пусть она не в цветах и не в лентах с венками из жести, -
Благодарная память моя бережливо хранит
Те счастливые дни, что друг с другом мы прожили вместе.*

*Мне приходит пора за тобою отправиться вслед,
Ибо к отдыху тело, а сердце к покою стремится,
Но пока я дышу твой во мраке мерцающий свет
Для меня ни на миг никогда и ничем не затмится.*

*Пусть тоска по тебе переплавилась в светлую грусть,
Пусть люблю я другую, но сердце тебя не забыло,
Пусть, что было прошло, но что было то было и пусть
Это было давно, но я помню, когда это было...
1951 год*

Николай Минаев
(1895-1967)

Истомной лени я
Не одолею,
В тупом томлении
Мечту лелею.

Душа взволнована,
Ей сон неведом,
Уже давно она
Пленилась бредом.

Томишься в зале ты
Ненужной верой,
И чувства залиты
Тоскою серой.

Ах, если можно мы,
Готовя встречу,
С пустыми ножами
Пройдем сквозь сечу.

И алый прах от ног
Стряхнем легко мы,

В просторах бархатных
К любви влекомы.
1920 г. 26 августа. Четверг.
Москва.

От влажных стрóf ямбического склада,
Пленительна, спокойна и легка,
Плыви благоуханная прохлада
В дыханьи ласкового ветерка.

И перед тем как в сумраке разлиться
Между цветов, колосьев и ветвей,
Ты опаленные сердца и лица
Волнующею свежестью обвей.
1921

Я не гадаю робко и тревожно
Какую дань судьба мне принесет,
И самому свой путь провидеть можно
От злых глубин до радостных высот.

В грядущем предусматриваю встречу,
А нынче острием карандаша
Еще непонимающим ответчу: -
Нежнее неба – нежная душа!..
1921

За шумом дней – сухая тишина,
За бредом сердца – тела отдых львиный...
Ошеломленным грузною лавиной
Иная боль уже предрешена.
Мне говорят: – благоуханен хмель,
Я говорю: – он жжет, не освежая;
Волна неистовая и чужая
С разбега слижет розовую мель.
Глощают пену ржавые бока,

Порывистый рвет реи ветер, рея,
И луч беды час от часу острее
Пронзает тех, чья жажда глубока.
По капле в кровь сочится мутный яд,
И взгляд змеи приковывает разом;
Но наяву тем снам не верит разум,
Которые пророчества таят...
1921

Надувается парус, шумит за кормою вода,
Ветер хлещет в лицо серебром просолившейся пыли;
То же самое было, я помню, в то время, когда
За руном золотым мы в Колхиду чудесную плыли.

Днем нас мучило солнце и был горизонт сиротлив,
Мы четырнадцать суток томились в безвыходном круге,
И тревожила мысль, что в тени фессалийских оливо
Позабыли о нас полногрудые наши подруги.

А безлунною ночью под пологом бархатной тьмы,
В расслабляющем сне до кормы распростершись от носа,
Все мы бредили, ибо еще не увидели мы
Олеандровых рощ и воинственных женщин Лемноса.
1922 г. 13 декабря. Среда.
Москва.

Я не раз умирал от болезней, от пыток, от жажды,
И кляня, и приветствуя свой преждевременный час;
Здесь, на милой земле, я дышал и любил не однажды
И сюда расцветать возвращусь не один еще раз.
Помню давнюю ночь: как сегодня, мерцая белесо,
По зениту текло молоко из упругих сосцов,
И мы так же летели к могучей руке Геркулеса,
За собой оставляя стремившихся к нам Близнецов.
Но тогда Антарес не пылал на клешне Скорпиона,
Альтаир не сиял бриллиантовым глазом Орла,
И пугливых Плеяд не преследовал Пес Ориона,

И не эта Полярная нашей полярной была.
И когда-нибудь снова взглянув в незабвенное небо, –
В те минуты, когда мне никто не сумеет помочь, –
В Лебедином крыле я – увы! – не увижу Денеба
И вздохну, вспоминая вот эту осеннюю ночь...
1922

Ревнивое сердце досаду таит,
Недаром сегодня так пальцы хрустели,
И я драгоценным дождем персеид
В тревожную полночь был поднят с постели.

Томил гиацинтовый запах платка
И веяло в шумном дыхании сада: –
Земная любовь несказанно сладка,
Но слишком тягуча земная досада...

Настойчивый ветер сомненья рассей,
Размеренней, душевные мысли, звените;
К нам хрупкие звезды бросает Персей
И воздух секут золотистые нити.

О если б твой образ мгновенно потух,
И я на Земле обреченный бескрылью
Мог вдоволь насытить пылающий дух,
Блуждая в пространстве космической пылью!..
1922

Антиной

Вполоборота от соседки,
Под африканскую луну,
На пьедестале у беседки
Стоит красавец Антиной.

И знаменитая Венера
Напрасно силится увлечь

В любви революционера
Безукоризненностью плеч.

Нет, не она его пленила,
Стройна, прекрасна и бела,
Он вспоминает воды Нила
И смуглых юношей тела.

Пусть должен он в аллее сада
Дышать с ней воздухом одним,
Ему не радость, а досада
Ее заигрыванья с ним.

Пусть у нее пылают ушки,
Пускай ей страсть вздымает грудь,
Томленье этой потаскушки
Его не трогает ничуть.

Ужель она не понимает,
Что не ее любовный ток,
А ветерок приподнимает
Многозначительный листок?
*<1923 г. 12 июня. Вторник.
Москва>*

Вчера от скуки мне растягивало рот
Пока свои стихи читал один из «нео»;
Зачем я должен жить близ Яузских ворот,
А не под сенью пальм на острове Борнео?!

Там до сих пор стихов не пишут дикари,
Не оглашают их с напыщенностью жалкой,

Там правило одно: словами не кори,
А бей по голове бамбуковой палкой.

В воскресный день с утра ты не услышишь там
Тупой гармоники и хилой мандолины,

Там ярой музыкой ревет гишпопотам,
Кричат пронзительно фламинго и павлины.

Там женщину любить не помешает муж
И просто овладеть туземкою и белой:
Подстереги ее, легонько оглаушь,
Тащи к себе и с ней все, что захочешь делай.

А надоест она иль станет докучать,
Гони ее скорей без всяких объяснений,
И будь уверен, что ни суд и ни печать
Не выскажут тебе своих особых мнений.

Там непосредственность не стыд и не изъян,
Там трезвый взгляд на жизнь не искажает призма,
И при желании у прытких обезьян
Возможно наблюдать зачатки коммунизма.

1923 г. 7 сентября. Пятница.

Москва.

Не на финиковой ветке,
Не в тропическом саду,
А на жердочке и в клетке
Дремлет бедный какаду.

«Славен наш Господь в Сионе»

Не поет его душа,
Ведь на полном пансионе
Жизнь не очень хороша.

Что же я себя пугаю,
Кое-как еще скользя,
Если даже попугаю
Позавидовать нельзя?..

<31 августа 1956. Пятница. Москва>

Мы все в этой жизни к чему-нибудь слабы:
Кто любит поесть, кто доносы кропать,

А ты любишь спать; сколько ты ни спала бы,
Тебе все равно вечно хочется спать.

На днях у тебя институтский экзамен,
Теперь бы учить за билетом билет,
А ты только спишь как ребеночек мамин,
Иль как старушня – в девятнадцать-то лет!

Такой никудышной, такой залежалой
И то не под силу, и это не в мочь;
Коль выйдешь ты замуж, так муж твой, пожалуй,
Прогонит тебя на вторую же ночь.

Тебе бы трапецию, кольца и брусья,
Тебе бы плясать кэк-уок и матчиш,
А ты спишь да спишь и, ей Богу, боюсь я,
Что ты и приход коммунизма проспичь.

30 июня 1958. Понедельник.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ
(1889-1945)

*...И слышу (не грезит ли ухо
Отравленно стрелами дня?),
Как женщина тускло и глухо
Гнусила строку из меня.
Арсений Несмелов*

Великий русский поэт. Настоящее имя – Арсений Иванович Митропольский. Непримирымый и последовательный враг большевистского режима, участник московского восстания юнкеров, офицер войска Верховного Главнокомандующего Российской армии адмирала Колчака.

В 1924 году Несмелов сумел бежать из СССР в Харбин, где заслужил славу «лучшего русского поэта Китая».

Короткие строки Несмелова о самом страшном чудовище в истории России стоят всех томов Солженицына.

С пронзительной болью он пишет о том, что было бы,

*«...Если бы нечисть не принесло,
Запломбированную в вагоне».*

И о том, что

*«Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днём начался русский гон, –
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон».*

Но ненависть к преступному режиму сыграла с поэтом злую шутку: в Харбине он вступил в Российскую фашистскую партию. Не будем

только забывать, что Несмелов (в отличие от многих марксистов-ленинцев) не замарал себя антисемитизмом и, более того, написал в 1944 году стихотворение «Старый часовщик», являющееся, по мнению Евгения Витковского, «одним из лучших стихотворений еврейско-русской темы».

Настоящий поэт, даже когда он пишет о прошлом, охватывает своим взором и настоящее, и будущее. Слова Несмелова: «В наше ж время не сдавались в плен, потому что в плен тогда не брали!», оказались пророческими. Он не сдался. Арестованный и вывезенный в СССР, он просто ушел из этого мира, умерев в пересыльной тюрьме. Ему было пятьдесят шесть с половиной лет.

Обратите, пожалуйста, особое внимание на БАЛЛАДУ О ДАУРСКОМ БАРОНЕ (имеется в виду барон Роман Фёдорович фон Унгерн-Штернберг). Это – один из самых ужасных и самых прекрасных шедевров русской, да что там русской – мировой поэзии.

Вадим Молодой

СКАЗКА

Я шел по трущобе, где ходи
Воняли бобами, и глядь –
Из всхлипнувшей двери выходит
Шатаясь притонная блядь.
И слышу (не грезит ли ухо
Отравлено стрелами дня?),
Как женщина тускло и глухо
Гнусила строку из меня.
И понял восторженно-просто,
Что все, что сковалось в стихе,
Кривилось горячей берестой
И в этом гнезде спирохет.

ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Моя душа – на цыпочках. И нечто
Поёт об изумительном, большом
И удалённом в бесконечность... Речь та –
Как контур, сделанный карандашом.

Прикосновение вечного – интимно,
И может быть, задумчивость моя:
В туманности светящейся и дымной –
Летающее, оторванное Я.

Вот облако, похожее на ветер,
Вот облако, похожее на взрыв...
Сегодня глаз прозорливо отметил
На всё следы таинственной игры.

НА ВОДОРАЗДЕЛЕ

Воет одинокая волчиха
На мерцанье нашего костра.
Серая, не сетуй, замолчи-ка,
Мы пробудем только до утра.

Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьем из полного ковша.
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.

Всходит месяц колдовской иконой,
Красный факел тлеющей тайги...
Вне пощады мы и вне закона,
Злую силу дарят нам враги.

Ненавидеть нам не разучиться,
Не остыть от злобы огневой...
Воет одинокая волчица,
Слушает волчицу часовой.

Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...
Не волчица – родина, пожалуй,
Плачет о детенышах своих.

ОТ ТОЙ ПОЛОВИНЫ ЛУНЫ...

От той половины Луны,
Которая нам не видна,
Исходят жестокие сны,
Властители нашего сна.

Крича от видений ночных
Проснемся и смотрим во мрак,
И вот, вспоминая о них,
Не можем их вспомнить никак.

Я верю: улыбку и шаг,
Где радость и воля слышны,
Берет караулящий враг,
Серебряный житель Луны.

Ведет он старательный счет
Могущим смеяться и петь.
И воля земная течет
На лунную гулкую медь.

И радости нашей полны
Ее водоемы до дна
На той половине Луны,
Которая нам не видна.

ВСЕ НАСТОЙЧИВЕЕ И ГРОМЧЕ...

Всё настойчивее и громче,
Всё упрямей тревоги вой...
Вижу гибель мою, как кормчий
Видит глыбу перед собой.

Доведу ли кораблик малый
Под желанные небеса,
Или ринутся снова шквалы
Изорвать мои паруса?

Знаю только – своё неважно,
На любую готов игру,
Но доверен руке отважной
Драгоценнейший тайный груз!

И стальное моё бесстрастье –
Закалённая страсть его! –
Это счастье моё, а счастье –
Сила, правда и торжество!

Даже гибель и та чудесна,
И напрасен тревоги вой:
Погибая, я стану песней,
Поднимающей, заревой!

БАЛЛАДА О ДАУРСКОМ БАРОНЕ

К оврагу,
где травы рыжели от крови,
где смерть опрокинула трупы на склон,
папаху надвинув на самые брови,
на черном коне подъезжает барон.

Он спустится шагом к изрубленным трупам,
и смотрит им в лица,
склоняясь с седла, –
и прядает конь, оседающий крупом,
и в пене испуга его удила.

И яростью,
бредом ее истомясь,
кавказский клинок,
– он уже обнажен, –
в гниющее
красноармейское мясо, –
повиснув к земле,
погружает барон.

Скакун обезумел,
не слушает шпор он,
выносит на гребень,
весь в лунном огне, —
испуганный шумом,
проснувшийся ворон
закаркает хрипло на черной сосне.

И каркает ворон,
и слушает всадник,
и льдисто светлеет худое лицо.
Чем возгласы птицы звучат безотрадней,
тем,
сжавшее сердце,
слабеет кольцо.

Глаза засветились.
В тревожном их блеске —
две крошечных искры.
два тонких луча...
Но нынче,
вернувшись из страшной поездки,
барон приказал:
Позовите врача!

И лекарю,
мутной тоскою оборон,
(шаги и бряцание шпор в тишине),
отрывисто бросил:
Хворает мой ворон:
увидев меня,
не закаркал он мне!

Ты будешь лечить его,
если ж последней
отрады лишусь — посчитаюсь с тобой!..
Врач вышел безмолвно,
и тут же в передней,
руками развел и покончил с собой.

А в полдень,
в кровавом Особом Отделе,
барону,
– в сторонку дохнув перегар –
сказали:
Вот эти... Они засиделись:
Она – партизанка, а он – комиссар.

И медленно,
в шепот тревожных известий, –
они напряженными стали опять, –
им брошено:
на ночь сведите их вместе,
а ночью – под вороном – расстрелять!

И утром начштаба барону прохаркал
о ночи и смерти казненных двоих...
А ворон их видел?
А ворон закаркал? –
барон перебил...
И полковник затих.

Случилось несчастье! –
он выдавил
(дабы
удар отклонить –
сокрушительный вздох), –
с испугу ли, –
все-таки крикнула баба, –
иль гнили объевшись, но...
ворон издох!

Каналья!
Ты сдохнешь, а ворон мой – умер!
Он,
каркая,
славил удел палача!...
От гнева и ужаса обезумев,

хватаясь за шашку,
барон закричал:

Он был моим другом.
В кровавой неволе
другого найти я уже не смогу! –
и, весь содрогаюсь от гнева и боли,
он отдал приказ отступить на Ургу.

Стенали степные поджарые волки,
шептались пески,
умирал небосклон...
Как идол, сидел на косматой монголке,
монголом одет,
сумасшедший барон.

И шорохам ночи бессонной внимая,
он призраку гибели выплюнул:
Прочь!
И каркала вороном –
глухонемая,
упавшая сзади,
даурская ночь.

Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
ребенка качая при дымном огне,
раскосая женщина в кольцах и бусах
поет о бароне на черном коне...

И будто бы в дни,
когда в яростной злобе
шевелится буря в горячем песке, –
огромный,
он мчит над пустынею Гоби,
и ворон сидит у него на плече.

НИЩИЕ ДУХОМ

*Он же сказал: – Иди, – и
вышел из лодки. Пётр пошёл
по воде, чтобы подойти к Иисусу*

Мудрость наша – липкость книжной пыли,
Без живого запаха флакон.
Никогда узлов мы не рубили,
Не шагали через Рубикон.

Хитрый, робкий, осторожный табор,
Трёх идей томительная нудь, –
Никогда нам, никогда нам за борт
К светлому видению не шагнуть!

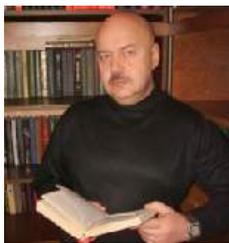
Ящички без всякого секрета,
Всякой мысли куцые концы, –
Мы не рыбаки из Назарета
И не мудрецы, а хитрецы.

Руку другу мы не подавали,
Страшным словом насмерть не клялись,
Наши лица в рамочном овале
Кажутся мне мордочками лис.

Нам, как в панцирь, заточённым в муку, –
Краткий день отжёвывать в беде,
И не нам протягивает руку
Светлый Бог, идущий по воде!

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ

(род. 1962, Нижний Тагил)

Русский писатель; прозаик и литературный критик.

Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте Ииституте. Был учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных

качествах на местном телевидении. «Однако, – как писал Олег Августовский, – в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться, поскольку желание говорить то, что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату. Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была — «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

Дмитрий Быков назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:

«Кто знает об одном из лучших прозаиков современной России – Александре Кузьменкове (Братск)? Все мои попытки издать его сборник в Москве закончились ничем, а между тем это серьезнейший прозаик и мыслитель, равно не имеющий отношения к “новому реализму” (который в действительности перепевает штампы времен Глеба и Николая Успенских) и к социальной фантастике, напоминающей сценарии квестов. Его единственный большой однотомник вышел по-русски в Штатах, и это наш позор».

ДУРНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

(Э. Лимонов, «В Сырах»; СПб, «Лимбус Пресс», 2012)

В прошлогоднем рейтинге продаж «Фаланстера» «Сыры» заняли верхнюю строчку. Слава Богу, жизнь выучила смотреть на литературные хит-парады с юмором, а то решил бы, что лимоновский опус, похожий на упражнения блогера-дилетанта, и впрямь чего-то стоит. Собственно,

этим и исчерпываются мои впечатления о бестселлере-2012. Кабы не популярная фамилия на обложке, то говорить было бы и вовсе не о чем. Да вот ведь парадокс: говорят. Видимо, фамилия в очередной раз не на шутку впечатлила российскую публику. Скажу, пожалуй, и я два слова, – разве я не сын страны?..

ЛИКБЕЗ ДЛЯ ЭГОБЕЛЛЕТРИСТА

Горький объявил фундаментом писательства жизненный опыт и всякого неофита благословлял идти в люди. Смеею думать, что Алексей Максимович оказал отечественной словесности медвежью услугу. Если мы начнем измерять достоинства книги авторским жизненным опытом, то неизбежно въедем в подобие бластной истерики: а ты шконку давил? баланду, в натуре, хавал? Право слово, не лучший критерий оценки текста: опыт и талант – далеко не синонимы. Ну, спасал Двингер Россию от большевиков, – и даже дважды: в 1918 и 1941. Ну, спасал Майн Рид Мексику от проклятых гринго. От обоих прозаиков не осталось ничего, кроме энциклопедических дефиниций. Да и сам Горький был силен не столько знанием фактов, сколько мастерством их отбора. Уж простите за трюизм, но писателя делает не материал, а умение с ним работать: осмысливать и домысливать, обобщать, претворять события в слова. Лимонов этого никогда не умел. В особенности не давалось Эдуарду Вениаминовичу сочинительство. Каждая попытка выдумывать была равна провалу. Выходила трехгрошовая бульварщина наподобие «Палача» и «Последних дней Супермена». Так Э.Л. намертво увяз в собственной биографии.

Что из этого получилось, вернее прочих определил М. Веллер: «Лимонов создал условно-автобиографический, бытовой, описательный текст без каких бы то ни было видимых литературных достоинств. Язык, сюжет, детали, психологизм решительно вялы и заурядны. Но циничная откровенность и грязнотца... – это было нечто из ряда вон выходящее... Для такой литературы достаточно самых средних способностей, но необходима нравственная храбрость».

Заголимся и обнажимся! Но и стриптиз – далеко не панацея для эгобеллетриста. Ибо жизнь – не движение, а вечное повторение одних и тех же движений. Гегель на сей предмет даже специальный термин придумал: schlechte Unendlichkeit, то бишь дурная бесконечность. Кто там у нас в постели, плохая девочка Катя? С ней выйдет ровно то же самое, что с плохой девочкой Наташей, а еще раньше – с Леной, а еще

раньше – со Светкой. A good girl Julie в точности повторит свою предшественницу, good girl Jenny...

Потому Лимонов всегда неистово цеплялся за новые впечатления и охотно шел в люди. Война в Книнской Краине? – хорошо. Тюрьма? – еще лучше: аж на три книжки хватило. А если ни войны, ни тюрьмы? Тогда, извините, снова дурная бесконечность. На Нижней Сыромятнической улице. В Сырах. Старое действие в новых декорациях промзоны...

ИСТОРИЯ ЕГО СЫРОВ

Добро бы, наш герой забрел в этот литературный тупик впервые и по ошибке. Но тематически и композиционно (если эти термины здесь вообще уместны) «Сыры» точь-в-точь воспроизводят провальную «Историю его слуги» – тот же мутный поток унылого бессюжетного бытописания. Пересказать его невозможно, как невозможно пересказать бессвязные диалоги кумушек на лавочке. А у нас в квартире газ, а у вас? – А у нас сосед соседа бил вчера велосипедом. То же у Э.Л.: покупка мебели, смерть ручной крысы, скоротечный брак и реестр одноразовых подружек налицо. Да на кой черт читателю дурная бесконечность столичной промзоны, – одному Господу ведомо. На ум опять приходит Веллер, – точнее его любимая цитата из Мериме: «Простите, сударь, мне есть очень мало дела до вас лично и всего вашего семейства». Самое любопытное, что несколько лет назад Лимонов раздраженно ворчал: «Иностранцы часто замечают, что русские “тяжелые”. Действительно, сядет такой... и загружает всех собой до упора» («Россия – щедрая душа»). Эдуард Вениаминович, вы себя не узнаете?.. Тем не менее, нет худа без добра. После «Сыров» лимоновские любовные вирши «О Фифи! У тебя ребенка тело... / У меня с тобой чувственное дело» стали мне как-то ближе. А ведь не любил, право слово: измывался и капитаном Лебядкиным обзывал. Но все познается в сравнении.

ГЕРОЙ В РЕМИЗЕ

Преподнести публике нудный лытдыбр без должной упаковки было бы равносильно самоубийству. Однако прав Лебон: не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они представляются. Э.Л. давным-давно решил, что присутствие Героя

превращает дурную бесконечность в феерию или трагедию – в общем, в высокий жанр. И пытается убедить в этом то ли читателя, то ли себя самого. «Сыры» нафаршированы такого рода мантрами, как рождественский гусь яблоками.

Сам Эдуард Вениаминович, разумеется, «человек с интеллектом высшего типа». И конечно же, «самый крупный писатель в России». И создатель партии, которую «не могут убить вот уже пятнадцать лет». Рядом с ним могут быть лишь необыкновенные женщины: очередная пассия Настя наделена «несомненным литературным даром». И прочая, прочая, прочая. До слез знакомые мотивы: гляжу в себя, как в зеркало, до головокружения. Зеркальце ему в ответ: ты прекрасен, спору нет. Но... Интеллектуал Лимонов с легкой душой приписывает Гоголю фразу Кеосаяна / Ермолинского «засланный казачок» (см. «В Сырах»). И уверяет, что пушкинскую речь Достоевский произнес в 1887 году, через семь лет после своей смерти (см. «Священные монстры»). И считает, что детей надо одновременно учить пользованию Интернетом и пишущей машинкой (см. «Другая Россия»). Все в одном флаконе: и знания, и IQ, и здравый смысл...

Самый крупный российский писатель изъясняется на карикатурном канцелярите, под статью персонажу Зощенко. «Он ест много хлебобулочных изделий», «убитых было 173 трупа», «организация атрофируется телом и духом», «он успел совершить весь процесс своего чёрного дела», «множественное количество девушек», – подобные красоты слога рассыпаны по страницам «Сыров» более чем... ах да, во множественном количестве. Я бы рекомендовал лимоновский опус студентам-филологам как учебное пособие по стилистике, поскольку это каталог всех мыслимых ошибок – от синезиса («подавляющее большинство мужчин планеты могли бы мне позавидовать») до синхизиса («ночами шумели кронами деревьев»). Эдуард Вениаминович, так чем же деревья-то шумели – ночами или кронами? Моя твоя понимай нету, как говорил еще один великий стилист Дерсу Узала.

Карликовая НП (по оценке «Левада-центра», 2 000 членов) жива лишь потому, что никто не утрудился ее прихлопнуть. Поневоле вспомнишь старый анекдот: «Это неуловимый Джо». – «Его никто не может поймать?» – «Да кому он, на фиг, нужен?» Для сравнения: нефтяная империя Ходорковского, – а это 110 000 служащих и активы ценой в 33 миллиарда долларов, – была раздавлена в считанные месяцы.

Судить о талантах Насти Лысогор лучше всего по цитате из ее книжки «Настроение зла»: «Наглых девок забреем, мужиков кастрируем,

вывернем кишками наружу, потом вставим обратно. Теперь живите. Головешки разобьем молотками, растопчем каблуками, плюнем... Люди будут жрать говно... Деградация нации налицо. Без рук, без ног летит Башлачев». Если это литературный дар, что же тогда пишут бездари? Вот уж воистину: деградация нации налицо. Вернемся, однако, к Лимонову. Итак, присутствие Героя превращает... э-э... превращает присутствие... Приносим извинения за маленькую техническую неувязку. Эдуард Вениаминович, поставьте ремиз. Впрочем, ответ у Э.Л. готов заранее: «Моя лучезарная природа мирянам не видна» («Асанга и Майтрейя»). И это знакомо: давай не видеть мелкого в зеркальном отражении. Правда, не знаю, кто на такое способен. Разве что Данилкин, беззаветно влюбленный во всякого живого классика.

ЛИМОНОВ КАК БЮРГЕР

Однажды наш герой заявил: «Я человек состязательный». Остервенелое, на разрыв аорты, самоутверждение – верный симптом принадлежности к среднему классу: аристократ самодостаточен, а люмпену затея не по зубам. Сейчас, по примеру незабвенного Рубика Хачикяна, один умный вещь скажу, только не обижайтесь: Лимонов – писатель откровенно миддлклассовый, плоть от плоти и кость от кости бургерства. Революция, говорите? Не советую заблуждаться на сей счет: бунт есть крайняя форма мещанского самоутверждения. Все революции трех последних столетий учинил именно средний класс: юристы Робеспьер, Ленин и Кастро, радиоинженер Пол Пот, библиотекарь Мао Цзэдун... Верно, диагноз по единственному симптому не ставят. Так перелистайте еще раз «Сырь»: там с бухгалтерской дотошностью зафиксирован весь симптомокомплекс: от банальнейшей женитьбы по залету до аллюзий на «Степного волка», любимое чтиво советской образованщины. С вашего любезного разрешения – несколько примеров. Первая же глава «Веничка...» повергает в легкое недоумение: а ведь это я уже читал. Далее легкое недоумение перерастает в стойкое *déjà vu*. Добрая четверть книги состоит из пыльных журнальных публикаций: «Праматерь наша Хавва», «Нестандартные мысли о детях», «Майя. История одного черепа»... Эдуард Вениаминович, не мудрствуя лукаво, во второй раз продает издателям одни и те же тексты. И кабы только тексты. Тропы и ситуации тоже второй свежести. «Водитель Стас... выглядел как переваренная сарделина», – прежде такого сравнения

сподобился Зюганов. «Я уже дал ей кличку “Зверь”», – простите, это Лола из Питера или Милица из Белграда? Что ж, торговля литературным секунд-хэндом – бизнес древний и почтенный. Поневоле вспомнишь героев Тэффи: «По десяти раз тот же фельетон печатает. Я, говорит, теперь на проценты со старых вещей живу». Учитесь, коллеги.

Впрочем, все то дела материальные, давайте лучше о духовном. Свои религиозно-философские воззрения Лимонов в «Сырах» упомянул лишь вскользь, и слава Богу. Тухлый винегрет из теософии и уфологии – не Бог весть какой деликатес. Этим дежурным блюдом обывателя только ленивый не потчевал. Благо, пророков у нас на все буквы алфавита: и Асауляк, и Марченко, и Пузаков-Мегре, и Тороп-Виссарион... Э.Л., задрав портки, спешит за самодельными гуру и одну за другой изрекает пошлости на ньюэйджевской фене: «Свою энергию я понимал и понимаю как светлую, креативную, созидательную. Лола Вагнер излучала чёрную энергию», «У тебя есть ярко выраженная судьба, карма» и проч.

Что там у нас еще из вечных ценностей, любовь? Думаю, достаточно будет одной цитаты: «Я всё же проявил себя как ревнивый муж: сумел умыкнуть её телефон и укрывшись в туалете прочесть десяток эсэмэсок». Лимонов, мавр венецианский: чужие письма в нужнике. Фи, не комильфо. На Шекспира не тянет; лучшем случае – на мещанскую драму. Ужели слово найдено? Вопрос о жанровой принадлежности «Сыров» решился сам собой. За что ни возьмись, – все до оскомины среднестатистическое, филистерское: и религиозные суррогаты, и старческий шпионаж за молодой супругой... «Я все ближе к героям, богам и демонам», – провозглашает Эдуард Вениаминович. Ума не приложу, в какой микроскоп разглядывать признаки сверхъестественного в дурной бесконечности мещанской драмы. И очень подозреваю, что в будущей своей книге автор объявит атрибутами мистерии кефир, клистир и сортир.

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ

Несколько лет назад ехидный Шендерович заметил: Лимонов уже никому не интересен, кроме филологов и психиатров. Свидетельствую

: насчет филологов сатирик явно погорячился.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ

Читатель: – Эдуард Вениаминович, за что мне все это? Чем я провинился?

Писатель: – Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать.

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Интервью

Непрограммируемое чудо

Беседу вёл Алексей Лис (с благодарностью за помощь в подготовке интервью Максиму Ключеву и Лоре Бар).

- Сегодня у нас в гостях очень необычный человек. И мне хотелось бы сначала поделиться личными впечатлениями. Каждый раз, когда я разговариваю с Наташей (по электронной почте), у меня появляются два интересных ощущения. Первое – как будто мы "продолжаем разговор", вот только что прервались на час-два – и опять продолжаем. Хотя на самом деле могло пройти и месяца два-три с последнего. И второе – всегда кажется, что Наташа где-то рядом, близко... Ну, это сложно передать словами. Хотя на самом деле Наташа в этот момент может быть в Бразилии, России, Англии, Сиднее...

Итак, знакомьтесь – Наталья Крофтс.

Наталья Крофтс родилась в 1976 году в г. Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Жила в восьми странах, побывала более чем в шестидесяти. Автор многочисленных публикаций, в том числе в журналах «Нева», «Юность», «Новый журнал», «Работница», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Сборник стихов Н. Крофтс «Поэт эпохи динозавров» вошёл в список «65 лучших книг года» в России, а в 2013 году – в длинный список премии «Литературной газеты» им. Антона Дельвига. Её английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в Австралии.

Наташа, давно хотелось тебя проинтервьюировать. А начну с такого "хитрого вопроса" – какие вопросы тебе никогда не задавали, а так хочется ответить именно на них?

– Такие вопросы всегда есть – только они меняются. Например, сейчас меня интересует видеопоззия – стихи, к которым добавляется визуальный ряд, иногда – музыка или шумовые эффекты, и – голос. Иногда читаю я, но год назад появился замечательный человек из Нью-Йорка, Жаклин де Гё, которая просто чудесно читает мои стихи. По моему, такое сочетание смысла, звука, видеоряда обогащает поэзию, позволяет расширить пространство стиха, довольно «сплющенное» в наши дни.

Ведь долгое время «про себя» вообще никто не читал – наверное, многие слышали красивую историю о том, что Блаженный Августин сильно удивился, увидев, как его учитель глядит в текст – но не произносит вслух ни слова! Это всё равно, что обычному человеку увидеть: кто-то молча смотрит в ноты – и при этом вроде бы слышит музыку. И, продолжая аналогию, я боюсь, что такое «сухое» чтение всё больше ведёт к тому, что люди видят – только ноты, а про музыку уже все давно забыли, и стало как-то даже неприлично о ней напоминать.

Изначально, поэзия была целым представлением – например, в Древней Греции: с танцами, музыкой, праздничной атмосферой... Поэтому она и жила с людьми, трогала их гораздо больше, чем когда вы читаете несколько строк на листочке или на крохотном экране, между звонками, среди деловых и не очень разговоров и прочего «информационного шума», которым так богато наше окружение. Я не говорю, что нынешнее время плохо для поэзии: нет, напротив, оно заставляет стихи быть более сильными, насыщенными, лаконичными – чтобы всё-таки зацепить людей во всём этом шуме-гаме, среди кучи отвлекающих факторов. Кроме того, в наше время поэзия может быть «всегда с тобой» – достаточно только нажать на кнопку. Но стихам можно помочь обрести свой трёхмерный мир – с помощью звуков, красок, движения. Сейчас возможности «дивного нового мира» энергично используют множество разных дисциплин – а у поэзии, как мы только что сказали, на такую «трёхмерность» права очень древние.

За пару лет на моей странице Ютьюба накопилось штук 15 видеостихов, и несколько сейчас в работе. К моему изумлению, одно из этих видеостихотворений, «Эвкалипт», уже стало призёром Грушинского интернет-конкурса, а небольшое видео из трёх стихотворений, «Херсонская трилогия», получило «Золотое Перо Руси» в номинации 3D. Конечно, когда вижу старые свои клипы, как правило, хочется их изменить, улучшить – но я пока занимаюсь новыми вещами, а там – посмотрим.

– Наташа, ты пишешь прозу и стихи о многих местах, где побывала. А есть ли среди них любимые? Какие? Почему?

Вообще-то я не пишу специально о «посещённых местах»: тогда бы у меня был уже огромный фолиант, поскольку я побывала где-то в 60 странах, а жила – в восьми. Но иногда страна или просто какая-нибудь деталь или поразит тут же, или «всплывёт» потом, годы спустя. Так, побывав на Мёртвом Море и в древнем городе Петра я, вернувшись в гостиницу, в тот же вечер целиком написала «Письма с Мёртвого моря»,

очевидно, на почве эмоционального потрясения, так это было невероятно и прекрасно. Лично мне дорога одна вещь, где описана встреча, произошедшая на Сицилии – но тогда у меня и в мыслях не было её записывать. А спустя несколько лет эта миниатюра вдруг сама «проклонулась»: я до сих пор вижу и сицилийских старичков, и человека, машущего газетой, и маленькое кафе в крохотном горном городке Энна.

– Я знаю, что ты являешься участником (в том числе – редактором) нескольких российских и международных изданий. Как ты все это успеваешь?

– В какой-то период редактора, действительно, занимала очень много времени – но была очень полезной для меня: когда читаешь поток рукописей, начинаешь лучше чувствовать, что – стихи, а что – нет. Вроде и всё хорошо, и без ляпов написано – а не цепляет, не запоминается, не удивляет. Нет чуда. По крайней мере, когда ты только что прочитал 100 разных рифмованных текстов про берёзки или милые глаза, меньше опасности, что сам начнёшь заниматься подобными выкладками. Но сейчас – из-за нехватки времени – я, в основном, просто рекомендую авторов в издания.

Правда, я до сих пор веду портал русскоязычной литературы Австралии. Как ни странно, до нас этим ещё никто не занимался. Хотя, казалось бы, задача довольно очевидная: просто собрать всех интересных русских писателей Австралии «под одной крышей», с самого начала, с самых первых наших соотечественников, появившихся на пятом континенте, не деля авторов на «своих» и «чужих». Эта работа подарила мне удивительные открытия. Вы знаете, что одним из первых дошедших до нас русских авторов Австралии был Константин Бальмонт: он приехал в Австралию в 1912 году – правда, ненадолго. Среди других открытий – авторы знаменитых песен «Хороши весной в саду цветочки» и «Дорогая пропажа» (её пел Вертинский), да и просто много хороших стихов, интересной прозы – и порой невероятных судеб.

– Немножко поменяю тему... А сколько твоих книг вышло? Ты их сама издаешь или тебя приглашают?

Моя первая «настоящая» книга вышла совсем недавно, 3 года тому назад, когда я даже и не особо задумывалась о публикации. В Ростове-на-Дону есть замечательная ознакомительная серия, «32 полосы»: тот редкий случай, когда издательство бесплатно выпускает небольшие, всего на 32 страницы, книги интересных им поэтов и прозаиков, просто чтобы поддержать литературу и познакомить с новыми именами.

Впрочем, там не только новые имена: в этой серии публиковались Василий Бетаки, Борис Херсонский, Марина Кудимова и так далее. Конечно, было очень приятно получить приглашение в такую замечательную серию, но я, прежде всего, пришла в ужас. Мне сказали: «Пришлите 1640 строк стихов». А где я их возьму?! Во-первых, я пишу сравнительно редко, а во-вторых, с каждым годом всё более критично отношусь к написанному, и не хочешь «выпускать» то, чем ты сам не совсем доволен.

Но в результате у книги оказалась довольно счастливая судьба: в год выпуска она вошла в список «65 лучших книг года» в России, а в следующем году – в длинный список премии от «Литературной газеты». А потом появилась ещё одна книга – сама собой, неожиданно. Вы уже рассказывали о замечательном художнике Михаиле Толстых на сайте ЛитСеть. Впервые я его увидела, когда он пришёл на мои поэтические чтения. А потом меня пригласили в его мастерскую. И когда я стояла (по-моему, с открытым ртом) перед одной из его картин, Миша тихо подошёл и сказал: «Я эту картину видел, когда вы читали стихотворение “Поэт эпохи динозавров”». И после этой фразы я поняла, что у нас действительно огромное количество параллелей: прежде всего, это заслуга картин – в них такая глубина и многоплановость, что каждый может читать их по-своему. В результате появилась книга-путешествие, состоящая из картин, стихов и небольших рассказов – «Разбитое пространство».

– Как ты считаешь, почему поэзия так мало совместима с коммерцией в отличие от прозы, музыки, живописи и других видов искусства?

Хороший вопрос, Лис. Я думаю, потому, что хорошие, настоящие стихи – это маленькое чудо, другой функциональности у них в наши дни нет, по большому счёту. А настоящее чудо – не программируемо, поэтому на нём одном очень сложно построить бизнес-план. Только когда покупатель уже и так убедился, что этот конкретный автор – хотя бы иногда бывает волшебником, или когда читатель сам нашёл для себя функциональность того или иного автора, можно продать его книгу. Иначе всё ограничится раскладками аудитории типа «Вот мой знакомый Вася – приятный человек, почему бы не послушать на его выступлении, что там у него сейчас происходит в жизни».

С прозой, музыкой, живописью – проще: у них есть основная функциональность. И когда «сверх этого» случается чудо, то есть вы вдруг находите для себя нечто абсолютно прекрасное, то это –

неожиданный «бесплатный подарок в придачу», но не то, за что вы, собственно, заплатили.

Например, проза: человеку всё надоело, и хочется вечер просто побыть в другом измерении, пытаюсь угадать – «кто убил господина N». Или слетать в другую галактику, пережить любовное приключение, побыть среди эльфов или среди юных волшебников, кому что нравится. Люди примерно знают, что они покупают, это входит в привычку – и поэтому издательства могут худо-бедно работать: планировать продажи, печатать тиражи, тратить деньги на рекламу и т.д. Создаются книжные серии – и человек, пришедший в магазин за морковкой, купит морковку – вкуснее или хуже, но ему не подsunут ананас, на который у него, предположим, аллергия. И вечером он будет счастливо грызть свою вожденную морковку, а доест – придёт за новой.

С музыкой – тоже понятно: человек слушает радио, например, в качестве фона, когда ведёт машину – и вдруг слышит «своё». Или танцует с девушкой, или щёлкает кнопкой «лекарства от скуки» – телевизора. И на рок-радиостанции вам не подsunут попсу от которой вас, например, мутит, а на радио популярной музыки – рок, от которого у вас лично голова болит. И вот из этого, в общем приемлемого «фона» человек уже выбирает «своё». Но основная функциональность была – фон, из-за неё-то и произошло первое знакомство.

Я, конечно, утрирую – но, мне кажется, так легче понять суть явления. Так же и с живописью: как правило, продаются вещи функциональные: картину можно повесить в гостиной, или в гостинице, или в ресторане – и это покажет, что здесь «авангардно», или «уютно», или «как в Англии», и так далее.

У поэзии в разные периоды истории тоже были свои функции: дидактическая, сакральная, в более недавнее время в СССР – скажем так, «политическая» (вне зависимости от вектора высказывания). В Древней Греции поэты вполне хорошо могли заработать на хвалебных одах, да и в наши дни я знаю людей, которым заказывали гимны разных учреждений. Но сейчас практических применений у поэзии как таковой осталось очень мало. Конечно, сохранился интерес к политическим высказываниям в рифмованной форме, как, впрочем, и во многих других формах. Отлично продаются стихи замечательного Игоря Губермана и, насколько я понимаю, Игоря Иртеньева тоже. Остроумный смех людям нужен, за него готовы платить. Кроме того, нужны «проверенные» стихи о любви: и почувствовать, что «ты не один», да и включить в любовное послание. Поэтому до сих пор продаётся Эдуард Асадов: на нём стоит

чёткий штамп «о любви» и одобрение нескольких поколений определённого круга «да-да, это подойдёт»...

Но большинство поэтических книг – вещи очень разноплановые, то есть покупатели идут не «на тему», а на имя. Одна из книжных сетей опубликовала статистику продаж поэтических сборников. Все авторы в двадцатке самых продаваемых книг – общеизвестные легенды (я не знала одного автора, но посмотрев, кто это, поняла, почему: я просто не из той среды). Покупая классиков, вы покупаете возможность назвать себя культурным человеком. Или же вы покупаете не просто сборник стихов Есенина, а возможность побыть с ним – и им, немного: напеть «Ты меня не любишь, не жалеешь», почувствовать себя хулиганом, мечтой женщин, гением с трагичной судьбой и прочая и прочая. Вы уже не просто покупаете тексты, а жизнь, миф – «надтекстовое» пространство. Это немного напоминает то, что мы говорили о прозе: вы покупаете возможность пожить в другой шкуре – уже чётко означенной, обработанной и воспетой. Но сколько таких вот легенд вы знаете – и сколькими бы вам хотелось побыть? То есть не просто выложить за книгу 5 долларов, но – что гораздо более важно – быть настолько одержимым этой «легендой», чтобы найти время погрузиться в мир вашего героя – будь то Лермонтов, Полозкова или Бродский, уж что кому нравится. Если бы на этом же томике стояла фамилия Вася Пупкин, в сочетании со средней наружностью и «никакой» биографией на обложке, вы бы его просто не купили – прошли мимо.

Причём очень часто имена известны по синкретическим жанрам: в уже упомянутом списке – Владимир Семёнович Высоцкий и один автор эстрадных песен. А «Дом книги», не называя конкретных цифр, сообщил имена десяти самых продаваемых современных («послевоенных» и далее) поэтов, трое из которых – Окуджава, Городницкий и Рязанов. Я очень бы хотела увидеть человека, который впервые об Эльдаре Александровиче узнал из его поэтического сборника. Впрочем, то, что авторы песен иногда «отграничиваются» от поэзии – не совсем корректно: поэзия, как мы говорили, изначально и была песенно-речитативной, и в этом смысле поэзия вполне и продаётся, и собирает огромные залы.

Если же вас знают только в литературной среде – то цифры будут в сотню раз скромнее: во-первых, круг чисто «литературной среды» как таковой всегда был довольно узок, как мы с вами знаем, а во-вторых, поэты друг друга давно читают (или «просматривают») в сети, бесплатно. Да и формат интернета для поэзии очень удобен, «кусочный»

– в отличие от прозы, которую, по моим наблюдениям, с экрана читают гораздо менее охотно. И за новинками так следить легче: как правило, авторы их сами же и обнародуют, достаточно только найти интересных вам поэтов – они сами «принесут» вам всё самое лучшее и свежее. При таком раскладе книги купят редко: это те, кто вас уже постоянно читают, то есть аудитория, для которой вы стали своим «волшебником», личной легендой. И ещё, конечно, книги покупают на презентациях, что-то вроде «сувенира на память о приятно приведённом вечере».

– *Спасибо, Наташа. Такой подробный ответ. Но давай вернёмся к тебе. Как ты относишься к участию в конкурсах? Были ли какие-то особо запомнившиеся из них и почему?*

Сама мысль о соревновательности в поэзии мне не близка: в конце концов, оценка в поэзии – это во многом дело вкуса. Например, у всех есть свои любимые писатели и поэты из классиков, а есть классики, которые лично вам абсолютно чужды – причём имена могут радикально меняться в течение жизни. Но сами-то писатели от этого хуже не становятся.

Тем не менее, в конкурсах я иногда участвую: во-первых, меня часто приглашают – и я не вижу особой причины отказаться. Так, например, произошло с телепередачей «Вечерние стихи», которая, по сути дела, просто даёт авторам возможность почитать свои стихи, хотя там и присутствует элемент соревновательности.

А, кроме того, конкурсы – это и возможность найти нового читателя, возможность найти для себя очень интересных, близких по духу авторов – а если очень повезёт, то и хороших друзей, которые останутся с тобой надолго.

– *Спасибо за очень интересные ответы, Наташа.*

2015

Примечание: АЛЕКСЕЙ ЛИС родился в Ставрополе, с 2006 года живёт в Австралии (Мельбурн). Лауреат Городского конкурса молодых поэтов Ставрополя, автор ряда публикаций в русскоязычной периодике, создатель и руководитель нескольких творческих организаций.

ИРИНА ОБУХОВА-ЗЕЛИНСЬКА

Историк русской эмиграции, искусствовед. Более 70 опубликованных статей. Руководитель издательского проекта «Жизнь и творчество Юрия Анненкова» (подготовка и издание 4-х книг, редактор эл. ресурса «Вопросы анненковедения» – 82 выпуска). С 1995 г. автор и редактор альманаха «Русское еврейство в

Зарубежье». Одна из кураторов гос. проекта «Варшава – Москва, Москва – Варшава» (2005).

«Bei Mir Bist Du Schoen...» – путь к славе

(печатается с сокращением)

1.

Еврейский театр, пережив время расцвета, исчез вместе с языком. Наиболее долговечным элементом оказалась связанная с ним музыка – мелодика еврейских песенок слышится во многих общеизвестных музыкальных произведениях. Некоторые пустячки «легкого жанра», став поначалу шлягерами в каком-нибудь Нижнем Ист-Сайде, выходили затем на широкий простор мирового музыкального пространства. Особенно интересен случай, когда один из песенных хитов начала 1930-х побил все рекорды многолетней популярности и до наших дней не утерял любви слушателей. Он претерпел множество трансформаций, аранжировок, переделок, частичной и полной замены текста (который в том или ином варианте был переведен на 90 языков) и прочно вошел в репертуар исполнителей всего мира, удержав свою позицию до наших дней. Он сохранил не только мелодический рисунок оригинала. В классической англоязычной версии были сохранены две начальные строки на идиш, напоминавшие о его происхождении.

Эта удивительная история берет свое начало в 1932 г., когда в бруклинском Rolland Theater состоялась премьера мюзикла на идиш – «Ме кен лебн нор ме лозт ништ» («Можно было бы жить, да не дают»; английское название «I Would if I Could» – «Сделаю, если смогу»). Роль главного героя играл Аарон Лебедев (Лебедефф) – один из самых популярных артистов еврейского театра, исполнявший характерные и комические роли. По ходу действия он пел песенку «Вai mir bistu sheyn»» («Для меня ты самая красивая...»). На премьере зрители несколько раз прерывали действие, требуя ее повторения «на бис». Под конец спектакля была устроена овация автору музыки – Шолому Секунде, в то время уже известному и популярному в этой среде композитору.

Либретто мюзикла «Ме кен лебн нор ме лозт ништ» и тексты вошедших в него песенок написал Джейкоб Джейкобс. Постановка оказалась вполне рядовой и оставалась на сцене только один сезон, но полюбившаяся зрителям песенка

исполнялась с тех пор в окрестных барах и ночных клубах Нижнего Ист-Сайда. В 1933 г. было продано 10000 экземпляров ее нот. Шолом Секунда сотрудничал с издательством, которому регулярно продавал свои песни из мюзиклов за небольшие гонорары. Правда, учитывая популярность «*Vai mir bistu sheyn...*», он попытался заинтересовать своим произведением Голливуд, но безрезультатно. Певец Эдди Кантор охладил его дальнейшие попытки в этом направлении, сказав, что песня звучит «слишком по-еврейски».

Но история ее взлета на этом не закончилась. В 1936 г. молодой музыкант Сэмми Кан услышал, как ее исполняет дуэт черных певцов в Apollo Theatre в Гарлеме. Он предложил своему работодателю связаться с издателями братьями Кэмменс, чтобы они выкупили авторские права на музыку этой песни. В результате сделки Секунда продал издателям права не то за 30, не то за 50 долларов, которые он тогда же поделил пополам с автором текста. Сэмми Кан аранжировал эту мелодию в стиле свинга. Английский текст написал Саул Чаплин. Начальную строчку припева он оставил на идиш для сохранения «локального колорита», но в письменном виде ее чаще представляли (и пропевали) в германизированной форме: «*Bei mir bist du shoen...*»

24 ноября 1937 г. новая версия песни Кана и Чаплина была записана на фирме Decca Records в исполнении трио сестёр Эндрюс, которое считается первым исполнителем шлягера для широкой аудитории. Andrews – это американизированная форма греческой фамилии отца трех сестер (Peter Andreas). Мать начинающих певиц была норвежкой. Сестры только-только вступали на путь профессиональных исполнительниц. Необычные мелодия и гармонии очаровала слушателей. Песня «*Bei mir...*» в мгновение ока распространилась по всем штатам и стала визитной карточкой сестер Эндрюс, сразу выдвинув их в ряды самых модных исполнителей. Во время Второй мировой войны сестры постоянно выступали с концертами в различных американских военных частях и госпиталях в Америке, Африке и Италии. После войны трио с перерывами выступало до 1972 г. За это время разошлось около 75 млн их пластинок. Песенка «*Bei mir...*» в их исполнении до сих пор не утратила популярности – она часто включается в сборники ретро и оценивается знатоками как один из классических образцов свинга.

После записи сестер Эндрюс модный шлягер моментально вошел в репертуар других известных певцов и музыкантов. Сделанные тогда записи для радио и пластинок в наше время являются не только достоянием коллекционеров-любителей – во многих случаях они реставрируются при помощи новых технологий и продолжают и в наши дни звучать по радио и телевидению, не говоря уже об Интернете. Среди первых (довоенных) исполнителей было немало руководителей оркестров и солистов со звездными именами: Во всей этой истории небезынтересна финансовая сторона вопроса. По американским оценкам, за 28 лет владения копирайтом на «*Бай мир бисту шейн*» Камменсами и другими владельцами, песня принесла им 3 миллиона долларов. Сэмми Кан купил на гонорары от песни дом для своей матери. Это

очень расстроило мать Шолома Секунды. Говорят, что она подумала, что ее сын, получивший за песню лишь 30 долларов, наказан за какие-то грехи, и стала ежедневно посещать синагогу, вымаливая для него прощение. Сам Шолом Секунда не проявлял никакого беспокойства по поводу уплывших прибылей. В интервью Нью-Йорк Таймс он заметил: «Это беспокоило всех вокруг больше, чем меня самого». Но, видимо, благодаря этому спокойствию и маминым молитвам, он благополучно дожил до 1961 г., когда копирайт истек, и права вернулись к авторам. Они немедленно подписали контракт со звукозаписывающей компанией Harms Inc., на этот раз предусмотрев для себя достаточно большой процент от прибыли. Копирайт Шолома Секунды на эту композицию закончится через 75 лет после его смерти.

2.

Приключения одного шлягера в стране большевиков

После войны «Веі міг...» на идиш исполнялась американским дуэтом сестёр Бэрри. Их репертуар составляла не только американская эстрада, но и народные еврейские песни, а также переведенные на идиш и английский язык русские романсы, которые аранжировал для них композитор Абрам Эльштейн.

На волне потепления советско-американских отношений в 1959 г. в Москве состоялась американская выставка. В числе группы артистов, выступивших в Зеленом театре ЦПКиО им. Горького по случаю её открытия, были сестры Бэрри. Все эти события сами по себе стали надолго запомнившейся сенсацией. Остается только гадать, как советские блюстители нравов и лояльности граждан догадались выпустить на сцену исполнительниц еврейских песен? Ведь после расстрела Еврейского комитета и кампании борьбы с «космополитами» не прошло и 10 лет. Но факт есть факт.

Сестры Бэрри действительно поразили публику, хотя гвоздем программы стали вовсе не легко узнаваемые «Бублички» или «Веі міг...», уже имевший на советской почве определенную историю. Неистовый восторг публики вызвал бессмертный хит русской эмиграции всех континентов «Очи черные», который сестры пели по-английски (с трудом проговаривая несколько слов по-русски) – при этом романс предварялся энергичным вступлением в стиле самого отвязного буги-вуги, какое только можно вообразить. Аудитория неистовствовала. Популярность сестер Бэрри в России, вероятно, оказалась более прочной, чем в США. Она держалась до самой «перестройки» благодаря наступившей магнитофонной эре. Впрочем, еще в 1960-х годах в Центральной студии звукозаписи на ул. Горького можно было заказать некоторые песни в исполнении сестер Бэрри, в том числе «Очи черные» и «Веі міг...», записанные на виниловой пленке.

Исполненная сестрами Бэрри «Веі міг...» вовсе не была новостью для советской публики. Уже в 1937 г. американский шлягер проник в Советскую Россию, где

пережил несколько трансформаций и совсем уже неожиданно обрел вторую, «параллельную» жизнь. Вначале мелодию «Bei mir...» взял на вооружение Леонид Утесов. Фокстрот с пародийным текстом «Красавица моя // Красива, как свинья...» быстро вошел в моду и звучал на всех танцплощадках. Самому Утесову так нравилась мелодия, что он неоднократно варьировал слова. Иной, тоже шуточный, вариант текста получил не меньшее распространение, надолго перейдя в городской фольклор: «Старушка не спеша // Дорожку перешла...». Наконец, во время войны, году в 1942-м, А. Фидровский написал для джаз-оркестра Театра балтийского флота под управлением Н. Минха пародийный текст:

*Барон фон дер Пишк покушать русский шик,
Давно уж собирался и мечтал.
Любил он очень шик, стесняться не привык,
О подвигах заранее кричал.*

При всей пародийности (и фривольности) текста все эти варианты были залитованы (то есть прошли цензуру) и исполнялись на эстраде и в записи вполне официально, распространяясь таким образом и в народе.

Однако народ пел не только те песни, что неслись из радио и патефонов. Совершенно иной поворот сюжета в истории «Bei mir...» наметился зимой 1939/1940 г., когда двум девятиклассникам ленинградской школы № 242, Трудославу Залесову и Павлу Гандельману, пришло в голову задаться вопросом – а откуда, собственно, берутся распеваемые всеми дворовые песни? Каким образом и с какой скоростью они распространяются? Подростки решили проверить это экспериментально. Ни один из мальчишек, разумеется, не подозревал, что они сделали шаг в Историю.

Ребята начали сочинять текст вместе, но Трудослав так и застрял на первых трех строчках, а более опытный Павел (он уже в то время занимался в поэтической студии) почувствовал прилив вдохновения и строчил текст прямо во время уроков. На переменках он прочитывался одноклассникам, они обсуждали его, предлагали какие-то поправки, переписывали и распевали потом во дворе.

Песня «В Кейптаунском порту» с невероятной скоростью распространилась по всей стране, без помощи каких-либо эстрад, оркестров или пластинок и зажила своей отдельной жизнью. Во время войны и в течение всех послевоенных лет ее пели под гитару и просто так, у туристических костров, в геологоразведочных партиях, в пионерских (и иных) лагерях, в подъездах и дачных поселках. Ее авторов никто не знал и над вопросом этим не задумывался. Фамилии авторов впервые озвучил в 1987 г. писатель Виктор Конецкий, опубликовав в сборнике своих рассказов письмо, полученное им в 1977 г. от Т. Залесова:

...Морская песня “Жанетта” – это литературная мистификация. Писалась она в 1939/1940 учебном году на уроках. Ее автор – девятиклассник Павел Гандельман, ныне подполковник в отставке. Собственно, он и я уговорились

писать по куплету. Начал он, потом три строчки сочинил я, и вдруг Павла прорвало – он начал строчить даже на переменках [...] Выбрали мотив популярной в те годы песенки “Моя красавица всем очень нравится походкой нежною как у слона...” [...] Почему получилось такое неравенство в авторстве? Да потому, что я был просто школьником, а Павел – уже поэтом. Он учился в доме литературного воспитания школьников (ДЛВШ) с Г. Капраловым, С. Ботвинником, А. Гитовичем и, кажется, Л. Поповой. Их кружок вел поэт Павел Шубин.

[...] В 1943 году, после прорыва блокады, уже по ту сторону Невы, у костра, я впервые услышал, как “Жанетту” пел совершенно мне чужой человек. Меня, помню, зашатало от удивления. А “Жанетту” поют и сегодня .
Поначалу на это сообщение никто не обращал внимания. Но уже наступали времена, когда люди начали интенсивно искать свою «потерянную» историю (в том числе и песенно-музыкальную). В 1991 г. была создана радиопрограмма «В нашу гавань заходили корабли» . Благодаря ей в 1996 г. появилась первая публикация (или, по крайней мере, одна из самых ранних) одного из имевших хождение вариантов текста «В Кейптаунском порту» (В нашу гавань заходили корабли. – Пермь: «Книга», 1996). В том же 1996 г. на SinteZ Records был записан альбом Алексея Козлова и Андрея Макаревича «Пионерские блатные песни» с одним из распространенных вариантов «В Кейптаунском порту». В 2000 г. на «Граммофон рекордс» была сделана запись исполнения Владимира Сорокина (CD «Наша гавань») с иным вариантом. Еще один вариант записан в исполнении Элеоноры Филиной и Теодора Ефимова – CD «В нашу гавань заходили корабли» № 3, «Восток», 2001. Без указания авторов текст был опубликован в: Блатная песня: Сборник. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. После этого песня прозвучала на форуме неофициального сайта «В нашу гавань заходили корабли» <http://gavan.km.ru> 18.01.2005, текст был также опубликован в сборнике: Шел трамвай десятый номер... Городские песни. Для голоса в сопровождении фортепиано (гитары). / Сост. Павлинов А.П. и Орлова Т.П. – Композитор, СПб , 2005.

Как видим, песенку «В Кейптаунском порту» нередко относили к разряду дворовых или даже блатных. Быть может, именно этим объясняется то, что автор текста не слишком дорожил всенародной известностью этого произведения. В свой первый сборник он его не включил и не отзывался на просьбы как-то прокомментировать свое авторство. Наконец, в 2004 г. составителям очередного сборника гуляющих по стране песен удалось уломать сурового фронтовика, чтобы он «дал показания».

В последнее время меня часто спрашивают о происхождении песни “Жанетта”, более известной под названием “В Кейптаунском порту...” (по первой строке текста). Лично у меня создалось впечатление, что интерес этот несколько завышен, но, откликаясь на просьбу уважаемых мной составителей сборника, попытаюсь рассказать об этом еще раз. 1940 год. 242-я средняя школа г. Ленинграда, 9-й класс. Нам по 16 лет, и все, что свойственно этому возрасту,

естественно, нас не миновало. В “музыкальные моменты” мы прочувствованно пели питерские дворовые песни, городские романсы, овеванные экзотикой дальних стран и романтикой сильных чувств, – такие “хиты” прошлого, как “В таинственном шумном Сайгоне”, “Девушка в серенькой юбке”, “Девушка из маленькой таверны”, “Джон Грэй” и пр. Помнится, меня в то время остро интересовал вопрос, откуда эти песни приходят, кто их сочинил, почему их авторы неизвестны, как они распространяются и становятся популярными, хотя, конечно, не исполняются по радио, на официальной эстраде и, естественно, не публикуются в печати. Вот тогда и возникла мысль поставить эдакий творческий опыт: написать остросюжетную сокрушительно-кровавую песню на общеизвестный мотив и попытаться ее распространить. Было интересно посмотреть, что из этого выйдет, хотя надежд на успех мы не возлагали никаких.

В сборнике приведены ноты и текст песни. Что же все-таки способствовало сногшибательной скорости ее распространения? Военная обстановка? Отсутствие какого-либо контроля? Но такого рода дворовые песни и раньше не очень-то контролировались – насколько можно судить по их количеству и разнообразию (возможно, что перед Органами такой задачи не ставилось). И все-таки, не все они приобретали популярность и распространялись так быстро. Например, созданная тогда же, в 1940 г. (и тоже на «морскую» тему) «Бригантина» Павла Когана широкую известность получила лишь под конец 1950-х (более 10 лет спустя после гибели автора), влившись в поток «бардовских» песен, чья эра тогда как раз и наступала. Выскажем предположение, что своей популярностью «Жаннетта» все же обязана сочетанию захватывающего текста, броской мелодии и энергичного темпа. История, произошедшая в Кейптаунском порту, превратилась во всенародное достояние. За несколько десятилетий от первоначального текста «Жаннетты» отпочковалось множество вариантов. Как это чаще всего бывает, литературный оригинал (в который начитанный автор включил даже скрытые цитаты из Н. Некрасова и А. Грина) укоротился и упростился, сюжетная линия тоже претерпела некоторые изменения. Так, в авторском тексте смертельный выстрел в гиганта-француза послужил лишь причиной кровавой потасовки в таверне Кэт, в результате которой восемь англичан погибли, и «скиталица акулых морей» «Жаннетта» уходила на Сидней без них. В большинстве же народных вариантов верх над вооруженными кортиками французами одерживали именно англичане (*«Но спор в Кейптауне решает браунинг // И англичане начали стрелять...»*). Из других бросающихся в глаза отличий можно отметить то, что в оригинальном источнике «Жаннетта» прибывала в Кейптаун «с какао на борту», а в большинстве вариантов – «с пробойной в борту», что поневоле вызывало некоторое недоумение: почему при таком серьезном повреждении она всего лишь «поправляла такелаж»?.. Некоторые фразы из народных вариантов вошли в поговорки (например, «У них походочка как в море лодочка...»), а может быть, наоборот, поговорки и фразеологизмы были использованы в тексте.

После того, как «В Кейптаунском порту» прозвучала в передаче «В нашу гавань заходили корабли», она по праву была включена в состав проекта «Песни нашего века» (CD, 1999) в блестящем исполнении Игоря Лунькова и Анатолия Калмыкова в сочетании с записью джаз-оркестра Я. Скоморовского (в его аранжировке), сделанной 31 января 1940 г.

Далее судьба шлягера совершила следующий поворот. Из «неформального» пространства песенка перекочевала в репертуар российской телеэстрады. Ее исполнили: 1) Филипп Киркоров с хором Михаила Турецкого 2) Лариса Долина со своим ансамблем 3) Наталья Подольская и Андрей Чернышев в рамках телепроекта «Две звезды».

Этот сценический жанр имеет свои особенности. Солисты, как правило, не только поют, но и танцуют (часто с танцевальной группой). В отличие от исполнения дворовых, блатных или авторских песен, немаловажное значение здесь имеет визуальное оформление номера – дизайн костюмов, подтанцовки, стильная внешность солистов, их актерская игра. То есть, «Жаннетта» снова превратилась как бы во фрагмент мюзикла. Во всех трех исполнениях явно чувствовалась пародийная нотка.

Что-то подсказывает нам, что история двух песенных шедевров – «Bei mir...» и «В Кейптаунском порту» («Жаннетта») – еще не закончилась.

ГЕОРГИЙ ФРУМКЕР

Родился в 1947 году в г.Киеве. Начиная творческую деятельность как автор 16-й страницы «Литературной Газеты».

В 1978 году Георгий Фрумкер эмигрировал в США, где и проживает до сих пор и где спустя некоторое время и очень успешно возобновил творческую деятельность. Вы наверняка не раз сталкивались и сталкиваетесь с фразами и стихами Георгия Фрумкера. Просто многие

из его стихов и фраз уже давно стали «народными». Так что представлять его нет смысла. Желающие могут познакомиться здесь:
<http://www.frumker.com/349-ob-avtore.html>

ХРОМОЙ ПЕГАС

«Графоман» – человек, страдающий болезненной страстью к бесплодному писанию, к многочисленному пустому сочинительству. В переносном смысле – плодовитый, но бездарный писатель. *Энциклопедический словарь. Издание 1953 года.*

В «Словаре иностранных слов», изданном много позже, заключительная фраза опущена. И правильно. Разве только писатели? А почему незаслуженно обижены композиторы, художники? И, наконец, поэты? Неужели только из-за слова «писанию»? Так и художники пишут картины. И композиторы – музыку. Взяли и обидели целые полчища людей. Особенно мне жаль поэтов. Эти вообще настолько близки к писателям-графоманам, что и перепутать их несложно. Более того – я обратил внимание, что, как только графоман разродится повестью, или, не дай Бог, романом – всё, жди от него стихов. Какой-то необъяснимый зуд тянет косноязычного писателя к рифмовке слов. Но отбросим причины, толкающие того или иного индивида ступить на тяжелый путь к Парнасу. Обратимся к следствию. Пусть на меня не обижаются представители других категорий, но речь пойдет о графоманах-поэтах.

Я бы разделил их на три категории, как, впрочем, и большинство homo sapiens.

К первой категории относятся те, кто обладает минимальными знаниями во всех областях, включая элементарную грамотность. Не могу сказать,

что они так уж безобидны, но большая часть этих представителей рифмуют «поздравляем»-«желаем», «кровь»-«любовь». Естественно, что для них абсолютно неважны ни промежуточные рифмы, ни длина строки. Пример:

*Дорогого, любимого друга
Мы с юбилеем поздравляем.
Здоровья, радости, счастья, успехов
Мы ему желаем.*

Обычно читается после третьей стопки. И «поэт», обведя всех торжествующим взором, идет обниматься с юбиляром. Юбиляр, будучи уже здорово поддатым, радостно виснет на выступавшем и говорит ему: «Ну, ты молодец! Не ожидал!»

Всё. Погиб человек. Я имею в виду не юбиляра, а «поэта». Правда, юбиляр иногда тоже гибнет. Поскольку его жена, в отличие от него самого, была трезва и запомнила поздравление. Она-то и губит мужа, требуя от него ответного слова на предстоящих торжествах у «поэта». Первая категория достаточно разнообразна. Я присутствовал на экзекуции, которую придумал юбиляр для гостей. Уже даже не помню, как оказался на этом торжестве, но у меня осталось неизгладимое впечатление от хвалебной оды юбиляра самому себе. Ему исполнилось 70 лет, и на каждый год он написал себе по четверостишью. После 20-го четверостишья у меня случилась истерика. Я не мог остановиться, и хохотал, как ненормальный, до конца панегирика, чем заслужил глубокое уважение читавшего. Оказалось, он был уверен, что написал в юмористической манере.

Страшен агрессивный графоман этой категории. Он хватает тебя в магазине или на улице за рукав и читает свой последний опус.

Удивительней всего то, что не зная ни одной строки Блока или Лермонтова, он наизусть помнит ВСЁ написанное им самим. И ко всем делам – страшно плодовит...

Великолепно пародирует графоманские поздравления Наум Сагаловский. Вот, к примеру – стихи, написанные герою на «обрезание»:

*С обрезаньем поздравляю!
Укорочен Ваш предмет,
Но от всей души желаю
Не таких коротких лет.*

Это написано от имени «стихопродавцев», которых развелось неисчислимое множество. Там же:

Здравствуй, Зяма (или Фима)!
Пусть беда проходит мимо!

Если говорить о предложениях в газете написать «датские» стихи, проще говоря, стихи к датам, то могу поделиться опытом общения с таким стихотворцем. Правда, опыт небольшой, поскольку через минуту общения у меня сложилось впечатление, что мы говорим на разных языках. Признаюсь, меня заинтересовало предложение написать «великолепные стихи к юбилеям и просто для радости». И я позвонил. В разговоре со мной этот «поэт» ставил уникальные ударения в словах. Я даже спросил, откуда он родом. Жаль, что тайны мне своей пиит не раскрыл, и я так и остался в неведении. У Феликса Розинера в книге «Некто Финкельмайер» описан диалог между поэтом и графоманом:

Поэт: Вам это не понятно? Не скло-ня-ет-ся!

Графоман: Че-во? (с искренним недоумением).

Поэт: Фламинго! И множественное число – тоже фламинго! Нельзя бежать за фламингами!!!

Увы, большинство поэтов такие мелочи не волнуют. Склонение, множественное число, предлог...
Вот стихотворение «Про любовь»:

Иду, листву под ногами пинаю.

Иду, о тебе вспоминаю.

Твои руки, глаза и губы...

Мы разлуки паруса надули.

Не правда ли, чудесная рифма – «губы» и «надули»? Не говоря уже о том, что «под ногами» листья пинать просто невозможно! Их можно пинать «ногами»! Так и хочется крикнуть – НЕ СКЛОНЯЕТСЯ!

Как и по когтям можно узнать льва, так и по некоторым признакам можно с уверенностью обнаружить графомана. Прежде всего – это ничем не оправданные инверсии и частые повторения «уж», «ведь» и т.п.

Академик Лев Владимирович Щерба очень метко назвал всё это «упаковочным материалом». Правда, сказано это было в серьезной исследовательской статье о профессиональных поэтах, за которыми водились такие грешки. Понимаю, что этих слов трудно избежать. Порой, они просто необходимы для выравнивания строки. Но у примитивных графоманов «стихи» изобилуют такими подравниваниями.

Дабы закончить неглубокое (поскольку есть масса подвидов) исследование первой группы графоманов, хочу предложить вам строчки из книги, изданной в Нью-Йорке Давидом Полишукком:

*Я перед Вами бросил сердце на дороге,
И вдруг почувствовал
на нем две Ваших ноги.*

Кто-то сказал, что хороший поэт может написать стихи как графоман, но графоман никогда не напишет как хороший поэт. Раньше я с этим не соглашался и считал, что хороший поэт просто не сможет опуститься до графомании. А недавно обнаружил, что даже неплохие поэты умудряются написать нечто, сильно смахивающее на графоманский стих.

...гость осведомился:

– Профессия?

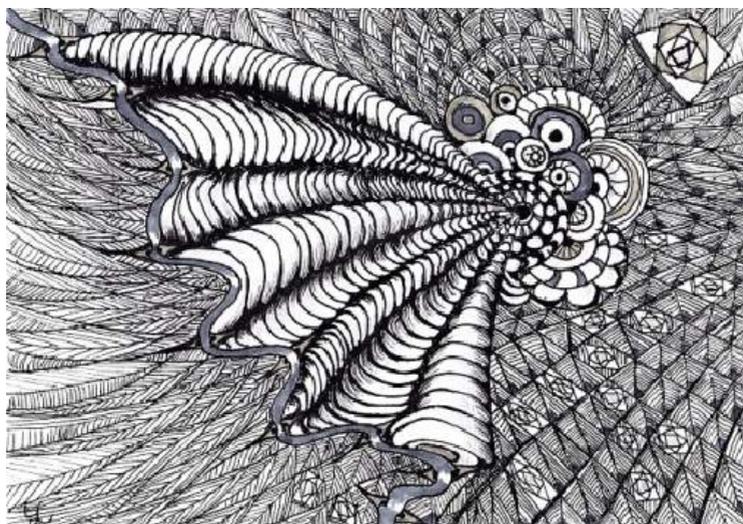
– Поэт, – почему-то неохотно признался Иван.

Пришедший огорчился.

– Ох, как мне не везёт!..

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Послевоенный одесский выпуск. Детсад. Стишки. Школа. Памфлеты. Армия. Боевой листок. Женитьба. Лирика. Одесский Водный. КВН. Дочка. Песенки. Одесский морской торговый порт. Юмор. Проектный институт. Сатира. Фельетоны. Внуки. Сказки. Одесская мэрия. Документы. Афоризмы. Израиль. Иерит.

Междометия. Фразы. Стихи. Международный конкурс сатириков и юмористов 2006 – 1-е место в номинации «Афоризмы».

Девиз – «Предположим, что всё хорошо».

НА ПОБЫВКУ

На побывку прибыл с базы,
С той, что прямо против Газы,
Внук небритый и чумазый -
Доблестный мой рядовой.
Да, страна тут мировая,
Правда, климат – не Гавайи.
И везде передовая.
Как нам без передовой.

Удовольствие какое –
Я ботинки внука мою.
Каждый стоптанный ботинок
Весит целый килограмм.
Пусть бы весил все четыре,
Я за все алмазы в мире –
Раскрывай карманы шире –
Эту радость не отдам.

Раз в неделю, как обычно,
Я ботинки мою лично.
Знаю – непедагогично.
Значит, не Ушинский я.
Спит. Устал мой славный воин.
Я его ботинки мою.
Дома внук, и я спокоен.
Остальное мне до лампочки

УДАВ

(Из жизни пресмыкающихся)

Недавно удав удавился.
Народ, отрыдав, удивился:
- С чего бы давиться удаву
Токого спокойного нраву?
- Вот если бы уж утопился,
То ясно - ужасно напился.
- Вот если бы кобра иль эфа
Споткнулись о мерзость рельефа...
- Но тут - безобидный удав,
От вечной от давки устав,
Поддался минутной тоске.
- И жизнь его - след на песке.

Нам главный ветврач серпентария
Сказал:
- Я не дам комментария.
Но даже при этом при всём
Всем ясно,
Куда мы ползём.

* * *

Я верующих наших обожаю -
Раскованней людей на свете нет.
Их восхищённым взглядом провожаю,
Когда они идут на красный свет.

Ну, хорошо, - люблю без обожанья,
Поскольку для детей пример плохой.
Но разве не пример для подражанья
Решительность, уверенность, покой?

И вот сквозь "зебру" по диагонали
Они идут, в себя погружены.
На тротуаре люди ждут, каналы,
Трагедии. А этим хоть бы хны.
В них дух бессмертен, хоть и бренно тело.

Им страх неведом – видно по глазам.
Всевышний охраняет их для дела.
Какого? Он пока не знает сам.

Я думаю: «Какое это счастье
Так верить в Праотца, в его Завет,
Быть целого ничтожно малой частью..."
И мысленно иду на красный свет.

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

Учительница из Могилева

В финал турнира прозы литературного фестиваля вышла учительница литературы из Могилева. В Лондоне она удивлялась всему.

- Какое страшное место – Гэтвик! Сплошные арабы, звери и негры!
- По-английски очень трудно говорить! Я и знаю-то всего две фразы: “хау ду ю ду” и “фэйсом об тэйбл”.
- Я так боюсь арабов. Вчера один разлегся у меня на кровати и не уходит!
- А как он к тебе в номер попал?
- Что значит – как? Я его пригласила.

В целом ей в Лондоне понравилось.

– Мне в школе говорили: не ездите. Это евреи деньги свои еврейские отмывают. А тут ничего, даже и не все евреи.

Она рассказывала нам, как трудно преподавать литературу современным детям.

– Они мне говорят, что у Татьяны был климакс. Я теряюсь, не знаю, что на это ответить. Ведь я им любовь к прекрасному пытаюсь привить, к Ахматовой, Цветаевой. Очень люблю из них ту, что с собой покончила, только пугаю все время – которая.

На прощанье она всех угостила белорусским салом и сообщила:

– Завтра домой приеду, пойду в мэрию. Может, денег дадут за то, что я Белоруссию в Лондоне представляла.

И уехала в далекий загадочный город – Могилев...

Мы, женщины

На поэтическом фестивале ко мне подошла женщина и начала жать руку со словами:

– Спасибо, спасибо вам! Жаль, не помню, как вас зовут, но мне так понравились ваши стихи!

Я сказала:

– Да что вы!

– Да, да! Они мне так близки. Просто как будто я писала. Вот если бы я писала, я бы то же самое и написала. Но я не пишу. У меня другие дела. А вы вот молодец, не ленитесь. Не ленитесь – и пишете! А другие ленятся. Мне очень понравилось. Вы точно прочли мои мысли.

– А что же вам так понравилось?

– Как – что! Ваши феминистические стихи. Больше всего – феминистические.

– Феминистические? Но у меня не было никаких феминистических стихов.

– Как же не было! А вот это: “Даю, даю, даю!” Очень феминистическое!

Очень было приятно. Жаль, не знаю вашего имени.

Напоследок сказала:

– Пишите еще про нас, про женщин. Чтоб все знали, какие мы!

И удалилась.

Детприемник

В колорадском детском приемнике нас было трое: семнадцатилетний новоиспеченный преступник из Киева, следователь и я в качестве приглашенного переводчика. Парень попался глупо. Ходил по ресторанам и просил срочно позвонить. Получив телефон, звонил своей подруге в Киев и часами выяснял с ней отношения по три доллара в минуту. Ошибка его заключалась в том, что ресторанов он не запоминал, зато его там запоминали. Попался, когда пошел по второму кругу. Сидя напротив меня, он плакал и размазывал слезы по лицу. Следователь явно чувствовал себя неловко.

– Вы ему скажите, - говорил он мне, - что у нас тут не Сибирь. У нас хорошо. У нас настольный теннис есть. Бильярд. Телевизор.

Я переводила, но мальчик продолжал плакать.

– Да ему и переночевать-то надо одну ночь всего тут, - говорил следователь. - Завтра его мама заберет.

Я переводила. Мальчик ревел.

Мне очень хотелось сказать следователю, что мальчику страшно в этом чужом месте, что телевизор его не интересует, потому что он не понимает по-английски, что он, возможно, плачет по киевской подруге, денег на разговоры с которой теперь не будет. Но я была всего лишь переводчиком, а переводить с русского на английский было нечего. Парень только плакал и ничего не говорил.

Следователь сказал:

– Вы уж извините, что вам пришлось приехать. Почему-то у нас в штате русского переводчика нет. Испанский есть, китайский есть, даже французский есть, а русского нет. Первый русский подросток на моей памяти.

С тех пор прошло больше десяти лет. Наверно, и парень тот вырос и стал добропорядочным американцем, и русского переводчика уже наняли. Русские продолжают приезжать. А я так и живу с чувством, что рядом следователь, которого я не понимаю, телевизор, который мне не нужен, и мама меня вряд ли утром отсюда заберет.

МАША РУБИНА

Мария Рубина - поэтесса из Массачусетса, урожденная петербуржка, постоянный автор журналов "Чайка" и "Фонтан", создатель немногочисленных лирических и многочисленных юмористических стихотворений, миниатюр и афоризмов, в том числе беспардонно ушедших в народ

Золушка и Гришковец

Жила-была девочка. Девочка, представляете!? Жила-была. В Европе жила, лицемерной, лживой. Гадостной, можно сказать, Европе! Хуже нет Европы, вот что я вам скажу. Ну а что тут ещё скажешь? С мачехой жила и с сёстрами. С сёстрами жила, но как жила! Мне смотреть на это было невозможно, дыхание перехватывало. И в горле, бывало, так - вжик-вжик, как посмотришь на то, что она там у себя внутри пережила с мачехой и с сёстрами. Маленькая такая, крошечная, ручки как палочки, головка огуречиком - заблудшая душа, во как! Про папашу её вообще противно писать, писать противно. Подкаблучником он был. Как? Как он мог? - думал я, перебирая жёлтыми от сигар пальцами страницы своего неоконченного нескончаемого романа о борьбе ковра с веслом, ах, нет - добра со злом. Ну, об этом можно писать до бесконечности - я, по крайней мере, могу. Но вернёмся к девочке. Ах! И ведь с одной стороны, посмотришь на девочку - жертва-жертвой - ручки, как палочки, головка огуречиком, по дому суетится, а ведь сука-сукой. Мне ведь что? С одной стороны девочку жалко. А с другой - она ведь мачеху с сёстрами своей покорностью провоцировала. И ведь не просто так провоцировала, а с помощью Госдепа. А ведь Госдеп что? Он к ней по ночам печеньки приносил, под крыльцо клал. Я сам не видел, но люди говорят, ох, как говорят!

Сука. Но жалко-то её как - ручки как палочки, головка огуречиком... Да пропади оно всё пропадом!

И вот однажды пошла она на парти. Парти в баре там, или уже не помню где. Ну, пошла и пошла, с кем, как говорится, не бывает! Не бывает, как говорится... Дааа... всё бывает не так, как говорится, особенно когда пишется мной. Но ведь в бар-то она пошла, верно? Вот и пошла. Лето в том году было холодное, кошмарное, можно сказать, было лето. Ужас до чего лето было дерьмовое. Все тогда перессорились, да и многие меня до сих пор читать не хотят, но я-то всё равно пишу, я ведь самый умный и главное – сам не понимаю, чего это я такой умный, и вообще что я здесь делаю, но я не могу не делать того, что я делаю, т.е. писать. О девочке. О мальчике. О башмачках.

Ну а что дальше было? Да противно вообще рассказывать! Да что там противно – страшно! Я ведь уж на что не Шарль Перро, а боюсь. Да, так вам честно и

признаюсь – я не Шарль, поэтому сами лучше почитайте, что там дальше было. Хотя нет – лучше я сам расскажу. Да всё ужасно было там! Ведь девочка как на парти-то добиралась? На автобусе она ехала! А? Как вам? На парти её пригласили, а деньгами на такси не обеспечили. Как так может быть? А очень просто! Потому что ложь вокруг и лицемерие! И смотреть на это всё лично мне противно! Вот чего она попёрлась на парти? Да всё очень просто. Замуж ей захотелось! И ведь жалко её безумно – ручки, как палочки, головка огуречиком, но ведь за башмачки продалась! Продалась за башмачки, да. Сука. Но как её жалко, жалко-то как! Гори она в аду.

Я боюсь, что вы..вы все, которые всё это прочитали - вы всё равно ничего не поняли! Не поняли, да? То-то и оно.

И вообще скажите спасибо, что меня жена в магазин за колбасой послала, а то бы я ещё три тома написал. А то! И напишу ещё. Про девочку, про мальчика, про башмачки. Вот прямо сейчас возьму и напишу, чёрт с ней, с колбасой - правда важнее!

жжжжжж...(что-то буквы на клавиатуре западают...жжжжж). Повезло вам на этот раз.

жжжжж. Ваш жжжжж овец.

Золушка и Людмила Улицкая

Жизнь у Зойки не заладилась ещё до рождения. Сначала умерла мама, - хрупкая слепая преподавательница физкультуры в школе для умалишённых, тяжело рожая старшего брата Волика. Потом умер и сам Волик, объевшись белены в пионерлагере "Внешние воды".

Так что уже в младенчестве на Зойку свалилась вся тяжёлая работа по дому-то пелёнки себе простирнуть, то прогладить их с пяти сторон, то горшок вынести.

И когда домой неожиданно вернулся её отец, профессор Лесоповальский, отсидевший в соседнем амбаре пятнадцать лет за тунеядство, - его встретила ладная мускулистая деваха с озорной чёлкой на левом глазу и бельмом на правом. (как-то на правый глаз ей упала кастрюля с борщом, который потом доедали всей огромной коммуналкой-долго, с искринкой, с огоньком, как и принято было в те голодные годы).

Профессор вернулся не один, а с новой супругой. Высокая, дородно-полнозадая, с сильным зычным голосом, Скалка Меценатовна быстро стала хозяйкой в новом доме: поставила в каждой комнате по трёхспальной кровати, и спала на них по очереди то утром, то днём, то вечером. Двух своих дочерей-Розку и Ривку и сына Петрика она тоже родила во сне. Петрик родился болезненным и слабеньким.

– Не жилец, – сочувственно вздохнула повивальная бабка Сидоровна, посмотрев на десятикилограммового Петрика и без сожаления выплеснула его из ванны.

Сначала Зойка долго плакала, но через две минуты привыкла и уже радостно гоняла по дому со шваброй и веником. Работы ей только прибавилось. Розка

(высокая, начинающая лысеть брюнетка) и Ривка (в отличие от сестры мелкая, чуть выше стола толстуха с чёрными кокетливыми усиками) росли белоручками и водили в дом мужиков, за которыми надо было подбирать пустые бутылки. Помогать было некому. Первая домработница Феня, – рассыпчатая белокурая старушка, утонула в тазу для стирки. Наняли было другую – маленькую, кругленькую Нору Моисеевну, но и та долго не продержалась, в первый же вечер закатившись под плиту, да так там и сгинув.

Профессор Лесоповальский уже давно не занимался воспитанием дочерей, с головой уйдя в защиту чести своей диссертации о перспективах размножения жуков-говноедов в условиях Крайнего Юга.

В декабре Зойке исполнилось пятнадцать лет, и в её жизни вдруг начались прекрасные превращения.

Сначала у неё вырос обратно правый глаз. Часто, перед тем, как лечь спать, Зойка вынимала глаз и рассматривала его перед зеркалом, удивляясь матовой округлости этого странного стеклянного шарика.

А потом случилось и вовсе чудесное.

Из деревни Гнилые Кирзаки неожиданно приехала сестра профессора Лесоповальского – Хава Нагиловна. Семейные предания гласили, что пару веков назад тётка была тяжело ранена во время русско-турецкой войны. С тех пор она не расставалась с крючковой палкой, с которой она ходила и в мир, и в сортир, и на пир, а бывало, что и в сумасшедшем доме с ней лежала.

– Ну что, племяшка, замуж тебе пора! – гнусавым голосом проскрежетала тётка Хава.

В ней – худой и сморщенной, уже трудно было узнать ту весёлую кокетливую хохотушку Хавочку, из-за которой застрелилась вся 13-ая мужская гимназия, включая директора Спицына и сторожа Гаврилыча. Теперь Хава Нагиловна походила на зелёные перцы, которые Зойка запекала по праздникам в изразцовой, подёрнутой плесенью печке.

– Девка на выданье, а глянь – в каких опорках ходишь – добавила она, тыча Зойке суковатой палкой в правый глаз.

С этими словами тётка достала из вещмешка крошечные туфельки.

Затрепыхав всем организмом и едва наметившейся грудью, Зойка примерила туфли и заплакала от неожиданно переполнивших её новых ощущений.

С тех пор с новыми туфлями она не расставалась. Так и влюбилась, щеголяя в новых туфлях, случайно встретив в коммунальной ванной водопроводчика Шурика Николаевича.

Щуплый, корявенький, страдающий синдромами Туретта, Табуретта, Дауна и Аппа, Шурик Николаевич казался Зойке молодым Богом. И плевать ей было на то, что ни пришить, ни пристегнуть к нему было давно ничего нельзя, и что у корявенького Николаевича где-то в Старокозловской области вот уже который год угасала от родильной горячки молодая жена.

Шурик Николаевич давно вёл двойную жизнь. Днём он работал водопроводчиком, а по ночам подрабатывал диссидентом, распространяя

перепечатанные на стареньком ундервуде речи Леонида Ильича Брежнева на 10-м съезде КПСС. Изредка ему удавалось распространить "Блокнот Агитатора", за что он был неоднократно бит в местном отделении милиции.

По ночам они встречались в ванной. Шурик Николаевич читал Зойке выдержки из книг Брежнева "Целка", "Большая Вода" и "Вырождение". Зойка, затаив дыхание, слушала.

Они включали холодную воду на полную громкость, чтобы не разбудить спящую долгим беспробудным сном Скалку Меценатовну, и читали, читали до полного посинения. Так прошло три года. Дом снабжался холодной водой бесперебойно, несмотря на случившиеся за эти годы четыре гражданские войны и один пугч.

К концу третьего года, уже окончательно посиневшая Зойка заболела. Шурик Николаевич грел её озябшие ножки, подёрнутые синим инеем, в своих корявых мозолистых выдавших виды ладонях, но включить горячую воду так и не догадался. Да и что было взять с измученного двойной жизнью, самого дышащего на ладан старого идиота.

Зойкины похороны прошли скромно. Скалка Меценатовна продолжала спать, Розка и Ривка уже давно повыходили замуж и нарожали целую гору внуков, а профессор Лесоповальский окончательно выжил из ума не только себя, но и руководителя проекта по так и не защищённой диссертации о жуках-говноедах Федю Шмулевича.

И только маленькие Зойкины туфельки одиноко валялись по всей квартире, медленно покрываясь ржавчиной и медным купоросом. Изредка забредавшие в старую покинутую квартиру бомжи, тщетно пытались примерить полустлевшую Зойкину обувь, хотя туфельки налезали им только на большой палец руки.

Но это уже совсем другая история.

Сентябрь 2012-Сентябрь 2012. Бостон-Хьюстон-Смит энд Вессон-усадыба
Маманегорюево.

Перевела с уличного Мария Рубина-переводчица.

МИХАИЛ ЮДОВСКИЙ

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. Учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года – свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в

издательстве «Эссе».

В том же 1992 году переехал в Германию (город Франкенталь). Долгое время писал для себя, не участвуя в литературной жизни, не пытаясь публиковаться и выставляя свои живописные работы – в странах СНГ, Европы и Америки.

В 2009 году в Украине вышла книга М. Юдовского «Поэмы и стихи».

Поэзию и прозу автора опубликовали литературные журналы и альманахи в Украине, России, Германии, Великобритании, Финляндии, Израиле, Австралии и США. В 2013 году издательство АСТ (Москва) выпустило книгу прозы М. Юдовского «Воздушный шарик со свинцовым грузом», в апреле того же года американское издательство «POEZIA.US» опубликовало поэтический сборник автора «Тела и тени», а в 2014 году в издательстве «Петит» (Латвия) вышла книга стихов «Полусредние века».

Юдовский является лауреатом нескольких литературных премий, его живописные работы находятся в музеях, а также частных коллекциях пятнадцати стран мира. Пишет как на русском, так и на украинском языке. В 2015 году закончил работу над переводом на русский и украинский языки всех сонетов Шекспира.

Богиня и юродивый

В небольшом городке к северо-западу от Киева, выросшему, как это обычно бывает, из села, жизнь была до того скучна, провинциальна и даже патриархальна, что иногда казалось, будто он находится не под самым боком у столицы, а в тысяче километрах от нее. Из сельских шаровар городок, впрочем, вырос не до конца, большей частью состоя из крестьянских дворов с хатами, пристройками и сараями, откуда доносилось кудахтање кур, бляяње коз, хрюканье свиней и мычанье коров. Несколько хрущевских пятиэтажек, выстроенных на бывшем пустыре, гляделись скорее приبلудными чужаками, нежели коренными обитателями, а здание горкома партии на главной и

единственной площади своим желтым окрасом и треугольным фронтоном на четырех колоннах наводило более на мысли о помещичьей усадьбе, чем о советском учреждении. Бронзовый памятник Ленину перед горкомом изумлял своей кривизной, и когда на голову вождю садился голубь, казалось, что скульптура сию минуту завалится набок и рухнет под этой непомерной тяжестью.

Существование городка оживилось в начале семидесятых, когда на его окраине, на берегу узенькой, но извилистой до игривости речки, построили кардиологический санаторий. Бог его знает, так уж ли целебен был здешний воздух для сердечных больных, или, может быть, у тогдашнего руководителя хватило настойчивости и связей в столице, но место для санатория определили именно здесь и построили быстро и на удивление красиво. Врачей, конечно же, выписали из Киева, зато обслуживающий персонал из нянечек, прачек, уборщиц и поваров был местный, и это как-то заняло часть женской половины городка и даже превратило ее в своего рода элиту. Работать при санатории отчего-то считалось престижным; видимо, потому что отдыхали в нем люди столичные, а также из соседних областей – Житомирской, Черниговской, Винницкой, Черкасской – которые приросшим к своим наделам и тяжелым на подъем жителям городка казались чуть ли не иностранцами.

Главным поваром, вернее, поварихой, работала в санатории Алена Тарасовна Горемыко, знаменитость и, можно сказать, достопримечательность городка. Это была женщина невероятных размеров, скандального характера и неукротимого любопытства, благодаря которому знала про каждого городского обитателя всё до последней мелочи, а если чего и не знала, то с удовольствием додумывала. Муж ее, Петро Васильевич, которого она коротко звала «Пэтей», работал в местной кочегарке и был человеком длинным, худым и настолько безропотным, что казался какою-то нелепой заготовкой в железных тисках супруги. Общей их гордостью и любовью была дочка Дуня, которая унаследовала до поры до времени наполовину дородность матери и, видимо, навсегда вялую безвольность отца. Уже к седьмому классу все ее формы, что называется, находились при ней, обещая развиваться с возрастом в нечто невероятное. Это злило ее одноклассниц и побуждало к глупостям одноклассников, то норовивших коснуться ее округлостей, то ляпнуть про них какую-нибудь гадость. Дуня рдела, обзывала одноклассников дурнями, а дома жаловалась на эти знаки внимания матери. – Дунэчко, донэчко, так то ж воны от восторга, – утешала дочку Алена Тарасовна. – Воны же млеют от тебя. Та ты сама на себя у зркало подивывьсь. – Она совала Дуне под нос круглое зеркальце, восхищенно глядела на дочку и с умилением произносила:
– Богыня!

К девятнадцати годам «богыня» превратилась в такую полновесную роскошь, достигла такой незаурядности форм, что платья и юбки трещали на ней по

швам. Мать продолжала восторгаться ею, обильно подкармливая принесенными из санаторной кухни производственными излишками.

– Кушай, Дунэчко, кушай, донэчко, – приговаривала Алена Тарасовна. – Ось котлэточка, ось кортопля смажена... Сердешным хйба можна такэ... А ты в мэнэ – тьфу-тьфу-тьфу – нивроку здорова, красыва, сыльна, тоби йисты трэба...

Творожочок йиш, це для костей полезно.

– Леночка, – робко вмешивался ее муж, – ты ж так ййии до смэрти загодуеш ...

– Мовчы, Пэтя, мовчы, куркуль, – наливалась краской Алена Тарасовна. – Дывыться, люды добри, йому вже для ридной дони шматочка жалко! Сам така сопля, начэ з носа высыкалы, так щэ й з дочки хочэ бледную поганку зробить! Кавалера у Дуни не было. Местных парней отпугивала то ли избыточность ее природных форм, то ли скандальный характер ее матери, которая во всеуслышание заявляла, что у нее «на каждого губошлэпа знайдэться по оглобли».

– Дунэчка, ну шо тоби оте местные шибэники, – говорила Алена Тарасовна. – Це ж хулиганы и жлобьё. В них тонкости нэмае. А ты ж у мэнэ богыня! От в санатории люды так люды. С Житомиру е, с Полтавы е, с самого Киева е! Ой, трэба будэ устроить тебя до сердешных!

Она и в самом деле подсустилась и пристроила Дуню нянечкой в санатории.

– Ну шо, – как бы невзначай спрашивала она у какого-нибудь солидного на вид пациента, – чисто у вас в комнате?

– Чисто, – удивленно отвечал тот.

– Доня моя постаралась, – хвасталась Алена Тарасовна. – Бачылы ййии? Богыня! От я вам ее покажу...

Она чуть ли не силком тащила несчастного сердечника любоваться дочкой, но жертва ее всякий раз проявляла чудеса стойкости: смиренно признавала Дунину божественность и тотчас же подлейшим образом норовила улизнуть. Ухажеров у Дуни не прибавилось, зато кривая выздоравливаемости к неудовольствию врачей стремительно поползла вниз. Разочарованная Дуня грустила, кушала и полнела.

Впрочем, ближе к середине восьмидесятых в городке появился человек, который влюбился в Дуню с первого взгляда и бесповоротно. У человека этого было не вполне благозвучное для здешних мест имя-отчество Илья Наумович и совсем уж возмутительная фамилия Альтшулер. До этого он несколько лет проработал в Киеве администратором при Укрконцерте, но, имея вспыльчивый характер и крайне невоздержанный язык, слегка повздорил с одним значительным лицом в этой солидной организации. Суть раздора заключалась в том, что Илья Наумович назвал значительное лицо мудаком, а тот, не согласившись с этой формулировкой, добился того, что Илью Наумовича уволили и отправили поднимать культуру на периферии.

Оказавшись в городке, Илья Наумович первым делом тщательно обследовал местный клуб, по какому-то недоразумению именованный Домом культуры. Это было неприглядное на вид одноэтажное здание с облупившейся

штукатуркой снаружи и полнейшим запустением внутри: покосившейся сценой, сломанными стульями и пятнами сырости на стенах.

– Дом есть, культуры нет, – резюмировал Илья Наумович. – Будем поднимать культуру, начиная с дома. Эй! – обратился он к здоровенному молодому увальню, лузгавшему неподалеку от клуба семечки.

– Шо? – лениво отозвался тот.

– Где тут у вас вредоносит местное руководство?

– Шо?

– Продолжаем разговор титанов, – невозмутимо произнес Илья Наумович. – Вас как зовут?

– Паша.

– Восхитительно. Скажите мне, Паша, у вас в городе есть руководство?

– Начальство, шо ли?

– Ну, если вам так больше нравится...

– Мало шо мэни нравится... – пробурчал Паша. – Мэни, може, вообще ничего нэ нравится.

– Bravo, – сказал Илья Наумович. – Один единомышленник у меня уже в городе есть. Так где тут у вас начальство, Паша?

– А в желтом доме на площе, – ответил Паша. – Там оно, – он смахнул с губ прилипшую шелуху и с удовольствием заключил: – врэдоносить.

– Начальство в желтом доме – это великолепно, – с улыбкой кивнул Илья Наумович. – Спасибо, Паша, сердечно рад нашему знакомству.

Он слегка поклонился Паше, развернулся и зашагал к площади.

– Так-так, туды-туды, – крикнул ему вдогонку Паша. Лицо его сделалось задумчивым, даже глубокомысленным, и он по новой, смакуя слово, произнес: – Врэдоносить...

Первое лицо местного руководства было чрезвычайно удивлено, когда в его кабинет вошел невысокий, щедушный, но решительного вида человек лет сорока с довеском, в легком сером пиджаке, одна из пуговиц которого болталась на нитке, и, не поздоровавшись и не представившись, поинтересовался:

– Будем поднимать культуру?

– Шо? – переспросило первое лицо.

– Приятно видеть такую близость власти и народа, – констатировал человек. – Позвольте представиться: Илья Наумович Альтшулер, прислан к вам из Киева директором и администратором Дома культуры. С позволения сказать дом я уже видел. Культуры как таковой пока не встретил.

– Э-ээ... – начальство протянуло Илье Наумовичу руку, с досадой почувствовав, как та предательски повлажнела при слове «Киев», – очнь приятно. Та вы сидайте.

– Если мы не поднимем культуру, – заявил, оставаясь непреклонно стоять, Илья Наумович, – то, боюсь, что сесть нам придется вместе. Ваш клуб находится в состоянии первобытной жути. Мне сделалось дурно, когда я туда вошел. У вас там стегозавры не водятся?

– Стегозавры... не, нэ водятся, – покрываясь испариной, пробормотало начальство. – Фондов нэ хватае...

– Придется изыскать.

– На стегозавров?

– Да к черту ваших стегозавров! У нас тут, всё же, город, а не село. В свете последних решений, а также диалектической борьбы животноводства с посевными площадями, будем поднимать культуру.

Услышав знакомые интонации, местный руководитель немного пришел в себя и кивнул.

– Дуже своєврэмэнно, – произнес он.

– Причем поднимать будем как снаружи, так и изнутри, – продолжал Илья Наумович. – За снаружи я беру на себя. А за изнутри подсуеитесь сами.

– А це как?

– Стены в клубе покрасьте! Стулья нормальные поставьте! Сцену отремонтируйте!

– А на яки гроши?

– Изыщите внутренние резервы.

Руководитель вздохнул. «Внутренние резервы» ассоциировались у него исключительно с головной болью и геморроем.

– Хочу сообщить, – безжалостно сказал Илья Наумович, – что в самом ближайшем будущем вы можете смело ожидать комиссию от министерства культуры из Киева. Так что, или вы изыщите внутренние резервы, или вам будет, что им показать.

Внутренние резервы изыскались. Через месяц клуб был заново отштукатурен, стены внутри покрашены, сцена разобрана и сложена по новой, а поломанные стулья заменены на целые.

– Вот видите, – говорил Илья Наумович первому лицу, – ведь можно, если постараться. Если до испуга захотеть. Ведь самому же, согласитесь, приятно лицезреть такую прелесть.

– Лицезреть... воно да, воно приятно... – кивало первое лицо. – Илья Наумович, а когда ждаты комиссию из Киева?

– В любую минуту, – отвечал Илья Наумович.

За тот месяц, что Илья Наумович обретался в городке, отношение к нему сложилось странное. Чужак, да еще еврей, да еще затеявший никому не нужную мороку с клубом, вызывал подозрение и даже раздражение.

– Мало нам було санатория, так ще культура понаехала, – ворчали обитатели городка.

Понаехавшая культура, меж тем, ютилась в клубной гримерке, ходила в одном и том же пиджаке с вечно отрывающейся и не могущей до конца оторваться пуговицей и вскоре стала чем-то вроде местного юродивого. Но когда клуб был отремонтирован, Илья Наумович, используя все свои киевские связи в артистических кругах, принялся творить чудеса. На сцене Дома культуры

забытого Богом городка стали появляться эстрадные и цирковые: фокусники, чтецы, акробаты, клоуны, жонглеры и лилипуты. Пустеющий даже в лучшие времена клуб был теперь битком набит по выходным, а от лилипутов местная публика попросту млела. Илья Наумович в одночасье превратился из изгоя в кумира.

– Це ж совершенно нэвэроятно, Илья Нумович, – восторгалось первое лицо. – Вы, мабуть, якесь волшебнэ слово знаєтэ.

– Изыскиваю внутренние резервы, – скромно отвечал Илья Наумович. – А волшебных слов на свете столько, что если из каждого веревку свить, так полтруководства перевешать можно.

– Господь з вамы, – испуганно махало руками первое лицо. – Такэ скажэтэ, шо слухаты страшно... А шо, Илья Наумович, скоро к нам комиссия из Киева?

– В любую минуту, – привычно отвечал Илья Наумович. – А нам таки есть теперь, что ей показать.

Порядок на концертах, организованных Ильей Наумовичем, царил идеальный. Поначалу за этим строго следили здоровяк-Паша, с которым случай свел будущего клубного директора в первый день приезда, и его столь же внушительного вида приятели. Но скоро эта мера предосторожности сделалась излишней, поскольку все без исключения ожидали с замиранием сердца очередного представления и особенно приезда вождельных лилипутов. Однажды, впрочем, случился конфуз, когда по настоянию свыше Илья Наумович вынужден был пригласить высокопоставленного чтеца, к слову сказать, народного артиста республики. Тот, крупный, вальяжный и очарованный собою, с некоторым пренебрежением вышел на клубную сцену провинциального городка и, явно одаривая собою присутствующих, принялся декламировать из Маяковского:

– Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляузе...

Не успел столичный чтец дойти до «товарища маузера», как из публики в него полетел ботинок. Народный до того опешил от такого признания его таланта, что не сразу отреагировал, и лишь раздавшийся во все пальцы свист донес до него суть фиаско. Он бросил в зал испепеляющий взор и свирепо ретировался со сцены. На его место выскочил Илья Наумович.

– Уроды, – с какой-то не подходящей к сказанному нежностью объявил он залу.

– Ну, подождите у меня...

Он бросился за кулисы, где народный клокотал от праведного гнева.

– Слушайте, – сказал Илья Наумович, – не надо так обижаться... Это же провинция, дикий народ. Ради Бога, простите их. Вы, скажу я вам, и сами хороши: вышли, надулись, как индюк, стали читать им про какие-то блядские марши. Рассказали бы чего-нибудь попроще. Например, анекдот. Например, анекдот про жопу. Выйдете и расскажите им анекдот про жопу. Вас тут же полюбят.

– Что?! – громыхнул чтец. – Чтоб я... народный артист республики... рассказывал со сцены анекдоты про жопу?!!

– А что вас так смутила жопа? Вы бывали в местах поинтересней? Ладно, не хотите про жопу, расскажите анекдот про что-нибудь другое. Тихо, тихо, не надо этих эмоций, я уже по вашему радостному лицу всё понял. Не рассказывайте никаких анекдотов. Только сидите здесь и никуда не уходите, я сейчас всё устрою.

Илья Наумович снова вышел на сцену. Зал притих.

– Вы мудаки, – свирепо молвил маленький администратор. – Я пригласил народного артиста республики! Народного арти... Короче, – он угрожающе глянул на публику, – если еще хоть одна сволочь кинет ботинок, – он свернул пальцы рук в два кукиша, – вот вы у меня увидите цирк, вот вам будут липипуты!

Столь неудачное начало концерта сгладилось пышным его окончанием в виде банкета, который устроили в обеденном зале санатория, поскольку лучшего ресторана в городке не было. За щедро накрытыми столами присутствовала вся местная элита: руководство во главе с первым лицом, главврач с заместителями, представители городской интеллигенции (Илья Наумович и начальник железнодорожной станции), а также передовики производства, в число которых непонятным образом попала Дуня Горемыко, видимо, пристроенная сюда заботливой мамой Аленой Тарасовной. Народный с удовольствием закусывал, а еще большим удовольствием пил коньяк и, наслаждаясь собою, разглагольствовал об управлении периферией. Руководство в лице первого рассуждало о железных дорогах. Начальник железнодорожной станции высказывал тонкие суждения о культуре. А культура в лице Ильи Наумовича отмалчивалась и не сводила глаз с Дуни.

– Кто это юное совершенство? – тихо поинтересовался он у начальника станции, который только что решительно отдал предпочтение художественной декламации перед шпагоглотанием.

– Та где? – удивился начальник станции.

– Да вон же, напротив нас, с белым личиком, пунцовыми щечками и глазками, как у ангела...

– Це вы про Дуньку Горемыко? Про дочку поварихину?

– Боже мой, какая роскошь, – восторженно пробормотал Илья Наумович. – Это же не женщина, а шесть пудов человеческого счастья!

– Та вы сдурили, – покачал головой интеллигентный начальник станции. – Це ж такэ щастья, шо от него тикаты трэба, сломя голову. Вы ее маму бачылы? Вы ййии чулы? Це ж полный... – он задумался в поисках подходящего слова и закончил: – апокалиписис.

– Начхать мне, извините за тонкость, на ее маму, – ответил Илья Наумович, – и на апокалиписис тоже. Я с нею познакомлюсь.

– Ну, якщо вы розумных людэй слухаты нэ хочэтэ, так и ищите соби приключэний на голову, – обиженно заявил начальник станции.

– Спасибо, – кивнул Илья Наумович, – я всю жизнь нахожу себе приключения. И не только на голову.

Несколько дней кряду Илья Наумович пытался подкараулить Дуню, но та неизменно возвращалась домой с грозной мамашей, на которую Илья Наумович грозился начихать, но подойти и проделать это отчего-то не решился. В один из субботних вечеров, когда он, с любовной думой пополам, бродил по городку, ему всё же посчастливилось: он увидел Дуню, одиноко вышагивающую в резиновых сапогах по уличному месиву.

– Глазам не верю! – воскликнул он, подсакивая к предмету обожания, который на полголовы возвышался над его собственной макушкой. – Дуня, неужели это вы?

Дуня с удивлением посмотрела на незваного кавалера.

– Я, – сказала она. – А шо?

– Просто никак не ждал увидеть вас одну, без мамы.

– Мама борщ готовить, – ответила Дуня. – А мэнэ послала аппетит нагуливать.

– Ах, Дунечка, если б вы знали, какой аппетит вы мне нагуляли за эти дни! –

Илья Наумович прижал руку к сердцу. – Почему я вас ни разу не видел на концертах в клубе? Для кого я их, по-вашему, устраиваю?

– Для артыстов?

– Ах, Дуня, если б вы знали, как мне наплевать на всех артистов оптом и в розницу! Всё было организовано ради встречи с вами, которую вы так упорно игнорировали.

– Мама каже, шо концерты – це вертеп, – покраснев, сказала Дуня. – Шо культурни люды на концерты нэ ходят.

– Дунечка, у вас такая предусмотрительная мама, что я прямо удивляюсь, как она вам позволила родиться на свет. Мир – это такой вертеп, что культурным людям просто опасно в нем родиться. Вы разрешите прогуляться с вами?

– Так я вже домой шла.

– Тогда я вас провожу. В этом вертепе столько хулиганов... – Илья Наумович изогнул руку полукольцом, как бы приглашая Дуню на него опереться.

– А шо вы им сделаете? – спросила Дуня, механически продевая свою лапищу в предложенное ей полуколечко. – Вы ж такой малэнькый...

– Малэнькый, алэ злый, як собака, – заверил ее Илья Наумович, элегантно ведя по дорожной грязюке. – Можу покусаты.

– Ой! – испугалась Дунечка, выдергивая руку – Так вы скажэный?

– Что вы, – Илья Наумович вернул ее руку назад, – я просто отважный. Ваше присутствие и моя любовь придают мне смелости. Вот гляжу я на вас, Дунечка, и мне хочется быть маленьким отважным странником, затерявшимся среди ваших холмов.

– Та ну вас, – покраснела Дуня, чувствуя, как сердечко ее тает, – придумалы ж холмы какие-то...

– Горы, Дунечка, горы... С опасными перевалами и ложбинами, где одинокого странника подстерегают злые разбойники... Ого, одного уже вижу! – Илья Наумович остановился и гневно указал пальцем на огромную, темнеющую в

сумерках фигуру, которая, прислонившись к забору, лузгала семечки. – Ваш ухажер вас дожидается? Подстерегает вас? Сейчас вы увидите, какой я маленький...

– Та якый ухажер... – начала было Дуня, но Илья Наумович уже подскочил к фигуре и с размаху залепил ей оплеуху.

– Это тебе, чтоб не караулил чужих женщин! – объявил он.

– Та шо ж це такое, – обиженно удивилась фигура. – Стою, лузгаю семочки, никого нэ трогаю... Вы сдурели, Илья Наумович, чы шо?

– Ой... – изумился Илья Наумович. – Это ты, Павлуша?

– А шо Павлуша... Як Павлуша, так можно сразу в морду вместо «здрасьте»? Це шо ж у нас за город такый, шо це вже деятель культуры нэ може мимо пройти, шоб тоби по морди нэ хлопнуть?

– Ты зачем Дуню у забора караулил?

– Шо значыть караулил? Це мой забор, я за ным живу.

– Павлуша, ну прости Бога ради, – Илья Наумович прижал руки к груди. – Ну хочеш, дай мне тоже в морду.

– Ага, – кивнул Павлуша, – я вам в морду, а мэнэ в тюрьму за убийство. Воно мэни трэба, такэ щастя за вашу морду? Идйть вже, Илья Наумович, з вашею Дунею, я тут зараз шось вдребезги разнесу...

Илья Наумович смущенно приобнял Дуню и повел ее дальше. Та не отстранялась.

– А вы правда, – сказала она, – такый...

– Скажэный?

– Отважный. Павло ж вин... такый... Вин кабана вбыты може.

– Так я ж не кабан, Дунечка.

– Не, вы нэ кабан... Ну все, мы прыйшлы.

Они остановились у деревянного забора с калиткой, за которым виднелось несколько яблонь и шиферная крыша дома.

– Неужели вы так скоро хотите меня покинуть? – полужалобно-полулукаво спросил Илья Наумович.

– Так мама ж борщ сварила.

– О, я понимаю, борщ – это святое, тут я не соперник. А не хотите ли пригласить меня на борщ?

Дуня зарделась.

– Ну, я нэ знаю... шоб прям так скоро, – промямлила она. – Шо мама скажэ...

– Шо-то все меня хотят напугать вашей мамой, – улыбнулся Илья Наумович. – Да вы не смущайтесь так, я ж не на сегодня напрашиваюсь.

– А на когда?

– На завтра. Вчерашний борщ всегда вкуснее.

В это время из-за забора послышалось хрюканье.

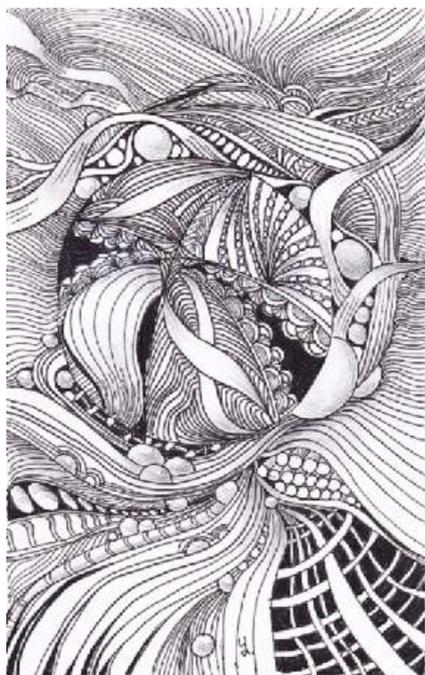
– Это из комнаты вашей мамы? – поинтересовался Илья Наумович.

– Та не, це ж Инженер, – сказала Дуня.

– Кто?

– Инженер. Такой жирный, морда хытряя... Мы його к Новому году зарежем.
– Что? – Илья Наумович почувствовал, как голова у него пошла кругом. – Это у вас такой семейный обычай, резать под Новый год инженеров?
– Та ну вас... Инженер – це ж боров. То ж вин у хлеву хрюкав. Така хытра, така розумна свыня...
– Знаете, Дуня, – сказал Илья Наумович, – в ваш дом нельзя входить неподготовленным. И хоть судьба несчастного Инженера вынуждает меня опасаться за собственную, но решений своих я не меняю. Ждите завтра в гости. Вот вам залог, что я не передумаю.
Он привстал на цыпочки и поцеловал Дуню в пухлую щеку. Дуня в очередной раз покраснела, даже зарделась, и со словами «та ну вас, скажэный», несильно и как-то нерешительно хлопнула Илью Наумовича по физиономии и скрылась за калиткой.
– Восхитительно! – сказал Илья Наумович, благоговейно потирая ушибленную щеку. – Какая изумительная девушка. Надеюсь, когда мы поженимся, она будет так же щедро раздавать пощечины тем, кто вздумает прицепить мне на голову рога.
(продолжение следует)

ВЕРНИСАЖ
ЖАСИНРЕВ

Об авторах:

Сергей Слепухин.

Поэт и художник. Автор нескольких книг стихов. Публиковался в журналах «Звезда», «Знамя», «Арион» и многих других. Редактор литературного альманаха «Белый ворон», удостоенного 1-й премии в международном конкурсе «Лучшая книга года» Берлин 2012.

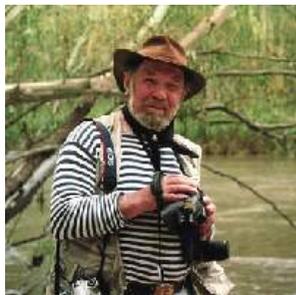
Картины: «Индустрия», «Дождь», «Ликвидированный» (стр345-347).

Юлия Леонтьева.

«Я живу в Мельбурне с 1990 года. Наверно то, что я родилась в Одессе, городе в котором витамин творчества попадает в каждого ребёнка, сыграло не маловажную роль в том, что я стала автором песен, прозы, афоризмов, а также, нашла себя и в живописи. Будучи неоднократным финалистом различных австралийских литературных конкурсов, участником многих выставок изобразительного искусства города Мельбурна, продолжаю осваивать новые пути для творческого самовыражения, оставаясь при этом независимым автором».

Картины: «Спираль», «Поток», «Деревья» (стр342-344).

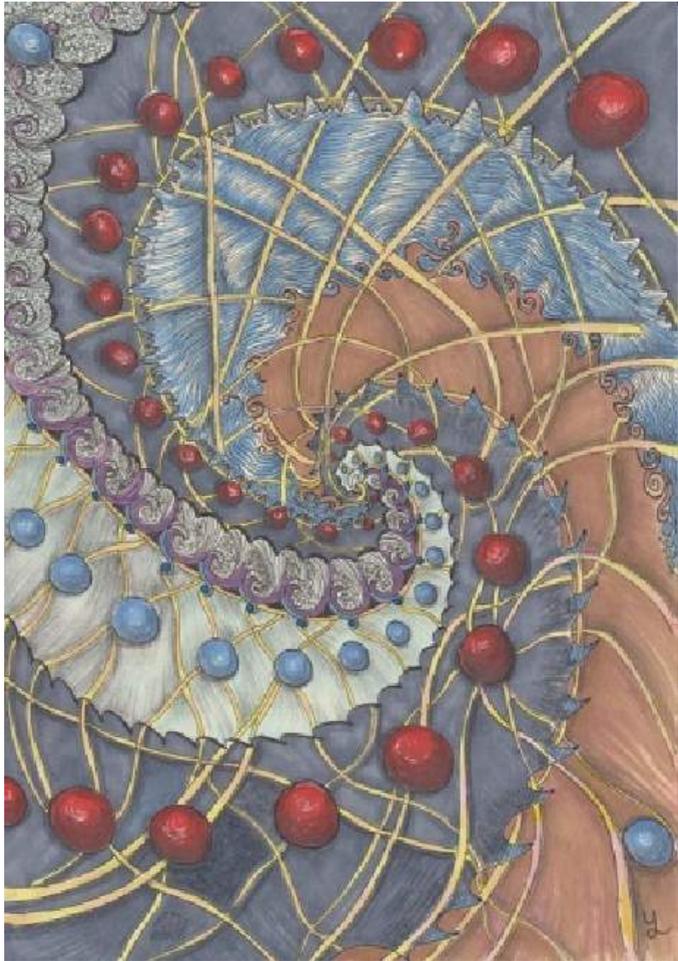

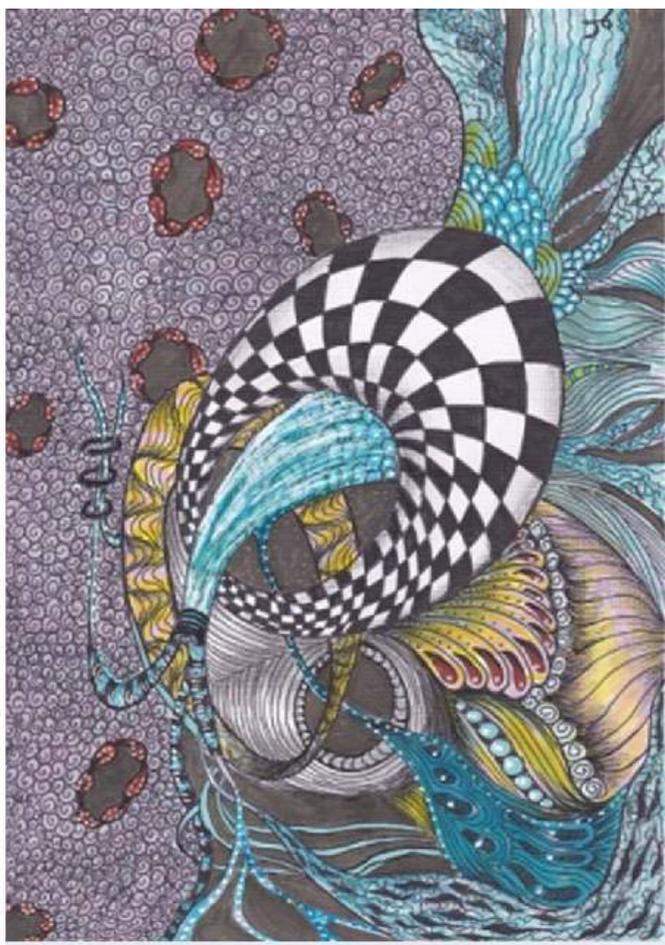
Макс Друкман

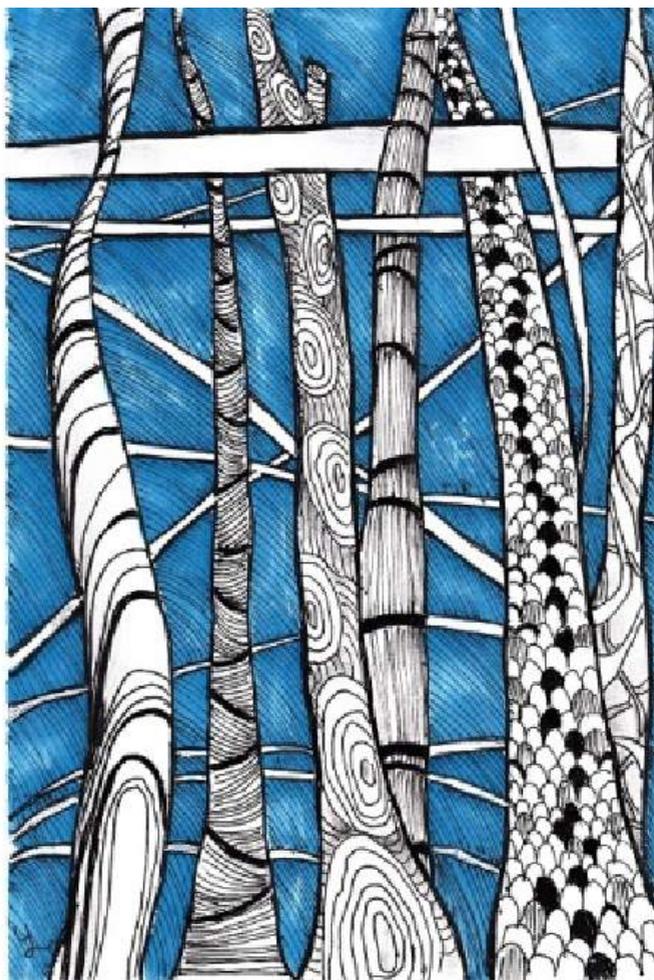
Многолетний фотокорреспондент ряда русскоязычных изданий, путешественник, Мастер спорта по туризму (неизменно с фотоаппаратом). Автор путеводителей «Каменное диво», «Серебряные лыжи», «По Черемощу и Пруту». Автор фотоальбомов «Где ветер рвёт горизонты» и «Фотооткровения». Финалист московского фестиваля

экстремального и приключенческого туризма «Грань». Живет в Мельбурне.

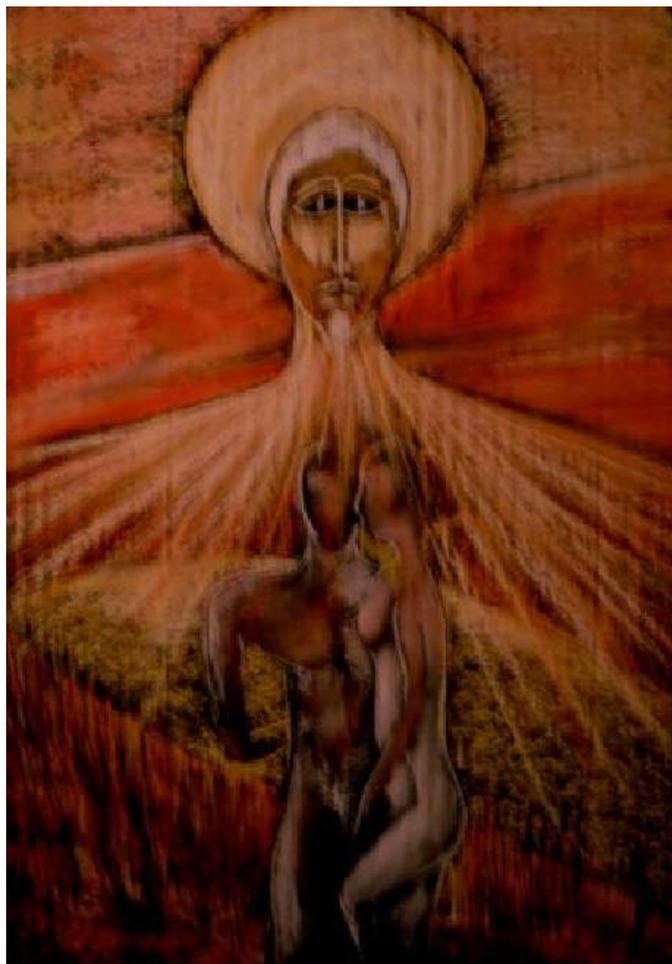
Артфото: Австралийские этюды (стр348-349).

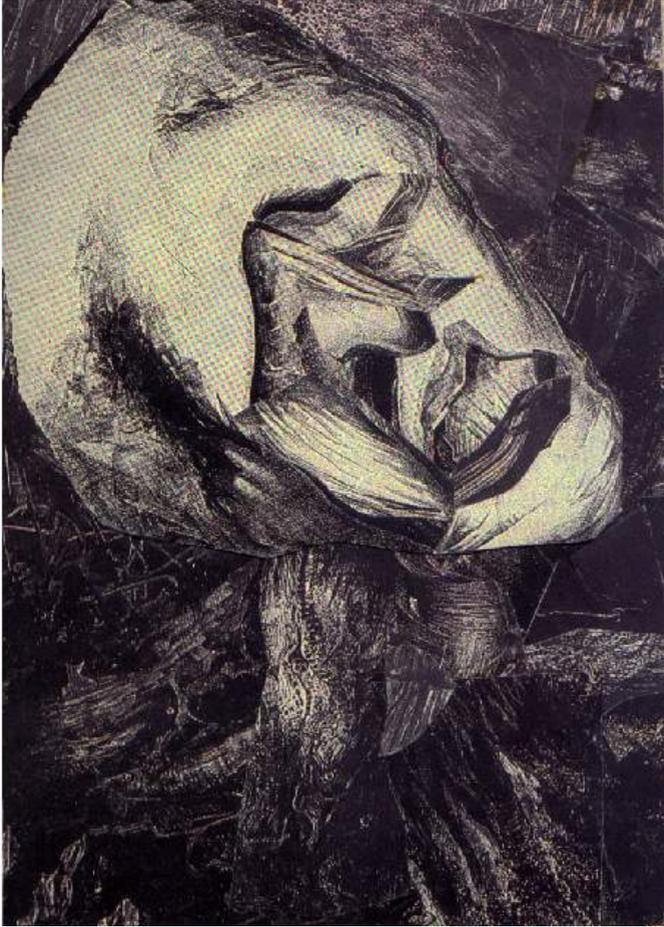

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

ГРИГОРИЙ АМБУРГ.....	4
АЛЕНА БАБАНСКАЯ.....	9
АЛЕКСЕЙ БОРЫЧЕВ.....	16
ЮРИЙ ВАЙСМАН.....	19
ИРИНА ВАЛЕРИНА.....	21
ИГОРЬ ВЕЛЬГАЧ.....	28
ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ.....	36
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	45
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	48
СЕРГЕЙ ЕРОФЕЕВСКИЙ.....	50
ФАИНА ЗИЛЬП.....	53
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	62
ГАЛИНА ИЦКОВИЧ.....	67
ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ.....	74
БОРИС КОКОТОВ.....	80
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	85
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	89
ЯКОВ МАРГУЛИС.....	96
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	101
БЕРТА МИХАЙЛИЧ.....	105
ГЛЕБ МИХАЛЕВ.....	109
ВАДИМ МОЛОДЫЙ.....	115
АННА ПАВЛОВСКАЯ.....	124
ВЛАД ПЕНЬКОВ.....	132
ВАЛЕРИЙ СИКОРСКИЙ.....	139
РОМАН ФАЙЗУЛЛИН.....	144
ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ.....	150
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	154
МИХАИЛ ЯРОВОЙ.....	162

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС «КАЛИБР 45»

(Лауреаты и финалисты - выбор Альманаха «Витражи»)

АЛЕНА АСЕНЧИК.....	167
ЯН БРУШТЕЙН.....	171
СЕРГЕЙ ПАГЫН.....	177

ПЕРЕВОДЫ (редактор Наталья Крофтс)

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ.....	182
-------------------------	-----

ОЛЬГА КОЛЬЦОВА.....	187
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА	195

ПРОЗА

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА.....	199
ВИКТОРИЯ ЕЛАНСКАЯ.....	206
АЛЕКСАНДР КРАМЕР.....	211
НАЛАЛЬЯ КРОФТС.....	216
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	221
ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА.....	230
МИХАИЛ СПИВАК.....	238
ИРМА УЛИЦКАЯ.....	242
РОМАН ФАЙЗУЛЛИН.....	251
ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ.....	256
МИХАИЛ ЯРОВОЙ.....	258
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	267

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (Потерянные страницы)

НИКОЛАЙ МИНАЕВ.....	276
(Предисловие: ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ)	
АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ.....	285
(Предисловие: ВАДИМ МОЛОДЫЙ)	

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	295
НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	302
ИРИНА ОБУХОВА-ЗЕЛИНСЬКА.....	309
ГЕОРГИЙ ФРУМКЕР.....	316

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД.....	321
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	324
МАША РУБИНА.....	326
МИХАИЛ ЮДОВСКИЙ.....	330

ВЕРНИСАЖ.....	340
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ	
ЮРИЙ ВАЙСМАН	
ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД	
ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ	
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ	
НАТАЛЬЯ КРОФТС	
ВАДИМ МОЛОДЫЙ	
ИРМА УЛИЦКАЯ	